

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~Room to (London 2)~~
Vet. DK4. S276.085

~~Vet. Slav. Assoc. number 32.~~

1825

103(17-20)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Фаддеемъ Булгариннымъ.

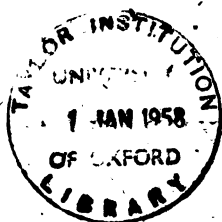
Ч А С Т Ъ   С Т О   Т Р Е Т І Я .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлень были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа
19 дня 1825 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Изъ жизни Гете, имъ самимъ описанной.

Изъ образа жизни моей во Франкфуртѣ и по роду Наукъ, которыми я занимался, можно заключить, какъ опстала я оныи новейшей Липспературѣ. Пребываніе мое въ Спразбургъ ни сколько не подвинуло меня впередъ. Но пріѣхавъ Гердеръ, и при своихъ обширныхъ познаніяхъ, привезъ многаи вспомогательныхъ средствъ, а сверхъ того и разныя, вновь вышедшія сочиненія. Между сими особенно хвалять оныи *Вакефильдскаго священника*, и вздумавъ самъ познакомиться насъ съ вышнимъ превосходнымъ произведеніемъ, читая намъ вслухъ Нѣмецкій переводъ его.

Чтеніе Гердера было совершенно особаго рода; кто слыхалъ, какъ оныи проповѣдуешь, оныи можешь составить себѣ ономъ понятіе. При чтеніи этого Романа, какъ и при всякомъ другомъ, оныи его былъ важенъ,

*

но не зашѣйливъ; не заботясь ни сколько о драматическо-мимическомъ выраженіи, избѣгалъ онъ и того разнообразія, какое не только позволишельно, но даже пребуется въ эпическомъ родѣ чшенія, того измененія въ голосѣ, когда говоряшь различныя лица, посредствомъ чего распознаешься, кто именно говоришь, и опличаешься лице дѣйствующее отъ расказывающаго. Не впадая въ единообразіе, Гердьеръ давалъ однако всему одинаковую выразишельность, какъ бы ничего не существовало въ эту минушу, а все расказывалось исторически, — какъ будто шѣни воображаемыхъ поэтическихъ существъ не живо передъ нимъ дѣйствовали, а пролетали мимо въ спройномъ, однообразномъ порядкѣ. За всѣмъ шѣмъ, такой родъ чшенія изъ его устъ, имѣлъ необыкновенную прелестъ: выразумляя все въ самомъ себѣ съ глубокимъ чувствомъ, и умѣя цѣнить многообразность красотъ такого опличнаго шворенія, онъ выставлялъ достоинства его вполнѣ, и шѣмъ яснѣе, что никакая, сильно произнесенная опдѣльная красота не затемняла чувства, производимаго цѣлымъ.

Пропешпаншскій деревенскій проповѣдникъ есть, можешь бышь, самый лучшій предметъ для новѣйшей Идилліи. Съ непорочнѣйшимъ званіемъ, созваніемъ земледѣльца, имѣешь

онъ много общаго: свои занятія, свои отношенія семейственныя; онъ отецъ, хозяинъ, сельанинъ, слѣдовательно полный членъ общества. На эпохъ числомъ, прекрасномъ земномъ основаніи покоится его высшее назначеніе; ему предоставлено вводить людей на поприще жизни, заботиться объ ихъ духовномъ воспитаніи, благословлять ихъ при каждой важнѣйшей эпохѣ ихъ бытія, научать ихъ, укрѣплять, утѣшать, и если не довольно утѣшенія въ настоящемъ, призывая надежду на счастливѣйшую будущность и ручаться въ ней. Пускай же вообразитъ себѣ такого человѣка, съ чисто человѣческими понятіями, довольно швердаго, чшобъ устоятъ въ нихъ при каждомъ обстоятельстве, и уже чрезъ шо возвышеннаго надъ толпою, онъ кошорой нельзя ожидать числоты и швердости; пусть дадутъ ему познанія, требующіяся къ его чину, и при этомъ веселую неизмѣняемую дѣятельность, даже спрашную въ неупомимомъ, ежеминутномъ исканіи добра — тогда будешь онъ имѣть все нужныя принадлежности. Но пусть присокупитъ и шо, чшобъ не только постоянно дѣйствоваль онъ въ небольшомъ кругу, но могъ перейти всегда и въ самый малый; пусть дадутъ ему простосердечіе, самостоятельность и все, что характеръ рѣшишель-

ный можешь заключать въ себѣ похвальнаго, а сверхъ всего того радушную усупчивость и шерпимость своихъ и чужихъ недосащковъ; тогда составяшь себѣ довольно вѣрно поршрешъ нашего превосходнаго Вакефельдскаго священника.

Предсавленіе шакого характера на жизненномъ поприщѣ, усѣянномъ радостями и скорбями, непрерывно возрастающей интересъ повѣсти, посредствомъ соединенія совершенно естественныхъ обстоятельствъ съ необыкновенными и странными, дѣлаешь сей Романъ лучшимъ изъ всѣхъ, какіе были только писаны; а сверхъ того имѣешь онъ и то преимущество, что исполненъ чистой нравственности, написанъ въ духѣ, совершенно Христіанскомъ, представляешь награду доброй воли и устойчивости въ правомъ дѣлѣ, утверждаешь Вѣру въ Бога и вселяешь довѣренность къ непремѣнному торжеству добра надъ зломъ, и все это безъ малѣйшаго слѣда ханжества или педантизма. Ошъ обоихъ предохранилъ сочинитель высокой умъ его, который здѣсь кой-гдѣ проглядываетъ въ видѣ ироніи, ошъ чего это твореніе становится для насъ столько же мудрымъ, какъ и привлекательнымъ. Сочинитель, Докторъ Гольдсмитъ, имѣешь, безъ всякаго сомнѣнія, боьшія познанія о нравственномъ мирѣ, о

его достоинствахъ и недостаткахъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ ему должно быть признаваемымъ къ тому, что онъ Англичанинъ; должно высоко цѣнить преимущества, какія даютъ ему его земля, его нація. Семейство, которое онъ изображаетъ, стоитъ на послѣдней ступени гражданскаго благосостоянія, и при всемъ томъ оно не совершенно опало отъ самаго высшаго; его тѣсный кругъ, который стѣсняется еще болѣе, входитъ однако, посредствомъ естественнаго и гражданскаго порядка вещей, въ права большаго свѣта; на огромной, движущейся волнѣ Англійскаго обществія, плывешь эта маленькая ладья, и въ счастья или въ несчастія, должна ожидать бѣды или пособія отъ обширнаго флота, который вокругъ нея на парусахъ своихъ носится.

Я могу предполагать, что читатели мои знаютъ это сочиненіе и помнятъ его; но въ то же время, что въ первый разъ здѣсь о немъ узнаешь, или въ комъ возбудишься охота прочесть его снова, конечно будешь мнѣ благодаренъ. Для первыхъ замѣчу однако мимоходомъ, что жена деревенскаго священника принадлежитъ къ роду тѣхъ дѣятельныхъ, добрыхъ существъ, которые не допускаютъ ни себя, ни своихъ домашнихъ ни въ чемъ нуждаться, но за то нѣсколько излишне ду-

жающъ о себѣ и о своихъ домашнихъ. Двѣ дочери: Оливія, прекрасна и занята болѣе наружнымъ, — Софія, прелестна и занята болѣе внутреннимъ положеніемъ вещей; нельзя забыть и о прудолюбивомъ, по слѣдамъ отца усердно пробивающемся сынѣ Моисей.

Если въ чемъ нибудь можно было упрекнуть Гердера за его чшеніе, шакъ это въ неперпѣливости: онъ не дожидался, пока слушатель въ какую нибудь часпъ сочиненія вникнешъ и сообразишь ее — хотѣлъ шончасъ видѣшь порывъ впечатлѣнія, но и шогда былъ недоволенъ, если кто нибудь его обнаружилъ. Онъ кулил излишество чувствъ, которое овладѣвало мною болѣе и болѣе. Я чувствовалъ, какъ человекъ, какъ молодой человекъ; мнѣ все было живо, истинно, присущешвенно. Онъ же, оцѣняя шолько составъ и форму, конечно ясно видѣлъ, что я увлекаюсь содержаніемъ, а этого ему и не хотѣлось. Замѣчанія же Пеглова (*), не шлишкомъ, правда, шонкія, были принимаемы еще хуже; но всего больше сердился онъ на малую нашу проницательность; на шо, что мы не предвидѣли контрастовъ, шоторые шерѣдко упошребляешь Авшоръ, — прога-

---

(*) Русскій, находившійся въ Стразбургѣ, и знавшій Гердера еще въ Ригѣ. *Пер.*

лись ими и увлекались, не примѣчая часто повпоряемой той же самой уловки. Когда же дошло до того мѣста, гдѣ Борчель, въ намѣреніи себя обнаружить, переходить въ расказъ изъ прешьяго лица въ первое — когда мы не только пошчасъ не догадались, но даже не предполагали, что онъ и есть пошь Лордъ, о кошоромъ самъ расказы-ваетъ, Гердерь никакъ уже не хошѣлъ намъ простить того. И когда мы наконецъ, при ошкрытіи и превращеніи бѣднаго, жалкаго сшранника въ богатаго, знашнаго барина, радовались, какъ дѣши, онъ пріискалъ по мѣсто, кошорое мы, вопреки намѣренію Автора, пропустили безъ вниманія, пошомъ побранилъ насъ порядкомъ за наше шуцоуміе, и прочишалъ намъ пресшрое поученіе. Изъ этого видно, что онъ смошрѣлъ на сочине-ніе, какъ на искусственное произведеніе, и пре-бовалъ ошъ насъ того же, ошъ насъ, быв-шихъ еще въ шѣхъ обшояшельсшвахъ, въ кошорыхъ очень позвошительно искусвен-ныя шворенія принимають за ешешвенныя.

Впрочемъ я не слишкомъ смошрѣлъ на нападки Гердера. Въ молодыхъ людяхъ весьма обыкновенно, что если что нибудь на нихъ по-дѣйствовало, то это дѣйствіе въ нихъ перера-ботывается по своему, и ошъ сего по прои-сходитъ много добраго, а иногда и много худа-

го. Помянутое сочиненіе оставило во мнѣ весьма большое впечатлѣніе, въ которомъ я самъ себя не могъ даже опщеша; но собственно и я чувствовалъ въ себѣ тѣ ироническія понятія Автора, которые превыше житейскихъ предметовъ, счастья и несчастья, добра и зла, смерти и жизни, и такимъ образомъ носился уже я въ истинно поэтическомъ мірѣ. Конечно въ то время и познаніе въ самомъ себѣ этого чувства было еще отъ меня скрыто; оно сдѣлалось для меня ясно уже въ послѣдствіи; довольно, что на щось разъ оно слишкомъ приводило въ движеніе мысли и мечты мои. Но никакъ не ожидалъ бы я такъ скоро изъ этого мечтательнаго міра, переселился въ подобный ему существовавшій.

Знакомецъ мой Вейландъ, будучи родомъ изъ Эльзаса, при своей скромной, трудолюбивой жизни, находилъ единственное развлеченіе въ посвященіи время отъ времени родныхъ и друзей, живущихъ въ окрестностяхъ; нередко оказывалъ онъ и мнѣ услуги при моихъ маленькихъ загородныхъ путешествіяхъ: иногда лично, иногда же рекомендательными письмами знакомилъ меня съ жителями разныхъ окружныхъ мѣстечекъ. И онъ-то говорилъ мнѣ часто объ одномъ деревенскомъ пасторѣ, который, въ шести миляхъ отъ

Спразбурга, по близости Друзенгейма, занималъ хорошій приходъ, и жилъ съ умною женою и двумя любезными дочерьми. Вейландъ не могъ нахвалиться гостеприимствомъ и пріятностію этого дома. Такихъ похвалъ было почти слишкомъ много, чтобы возбудить любопытство въ молодомъ рыцарѣ, который привыкъ проводить все праздные дни и часы на конѣ и на свѣжемъ воздухѣ. Мы условились сдѣлать туда повздуку, причемъ пріятель мой долженъ былъ мнѣ обѣщать, что онъ не будетъ говорить обо мнѣ хозяевамъ ничего добраго, ни худаго, и вообще станеть обходиться со мною равнодушно; я вздумалъ даже одѣться, если не совсемъ худо, то по крайней мѣрѣ небрежно и бѣдно. Онъ согласился на то, ожидая и для себя не мало отъ того забавы.

Очень проспительно значительнымъ людямъ скрывать иногда свои наружныя преимущества, чтобы тѣмъ сильнѣе и чище воставить дѣйствовать свою внутреннюю человѣческую натуру. Поэтому-то инкогнито Государей и происходящія отъ того пріключенія имѣютъ особенную прелесть: являющіяся переодѣшныя высшія существа, которыя все доброе, какъ собственнѣе ихъ лицамъ оказанное, должны вкушать съ сугубымъ удовольствіемъ, а непріятное могутъ ила

принимашь слегка или отклоняшъ своею власшю. Чшо Юпитерь у Филемона и Бавкиды, Генрихъ V на охошъ между своими поселянами, испинно наслаждались принятымъ инкогнишо, эшо весьма естественнo и всякому нравился; но чшо молодому чело-вѣку безъ имени и безъ вѣсу, вздумалось доставишь себѣ удовольствіе посредствомъ инкогнишо, эшо многимъ покажешся непростишельнымъ высокоуміемъ. Но какъ здѣсь дѣло не о пошъ, похвальны или непохвальны намѣренія и поступки, а какимъ образомъ они развиваюшся и сбываюшся; шо на эшошъ разъ просимъ юношѣ его прихошъ, для собственной нашей забавы; просимъ шѣмъ болѣе, чшо съ самага младенчества возбуждена была во мнѣ страшъ переодѣвашся моимъ опцемъ, челошкомъ впрочемъ очень серіознымъ.

Часшю изъ своего изношеннаго, часшю изъ заняшаго у другихъ плашья, сосшавилъ я свой костюмъ, и причесалъ голову шакъ, чшо если предшавлялъ изъ себя не совершеннаго урода, шо по крайней мѣрѣ самую смѣшную фигуру. Пріятель мой Вейландъ, смопрѣ на меня, хохошалъ во всю дорогу, особливо, когда я, умѣя совершенно подражашъ шакoго рода чучедамъ, получившимъ прозвание Лашинскихъ рыцарей, держалъ себя,

какъ они, на лошади своей. Прекрасное шоссе, превосходная погода и близость Рейна располагали насъ къ необыкновенной веселости. Въ Друзенгеймѣ мы остановились: онъ, чтобы почистить плащъ, а я, чтобы припомнить себѣ хорошенько свою роль, съ которой боялся сбиться. Здѣшняя страна имѣетъ характеръ вездѣ открытаго, ровнаго Эльзаса. Мы ѣхали по луговой пропикѣ, вскорѣ достигли до Сесенгейма, оставили лошадей своихъ въ шракширѣ, и пошли, какъ ни въ чемъ не бывали, къ пасторскому дому. — „Не смолри,“ сказалъ мнѣ Вейландъ, указывая издали на домъ: „что это похоже на спарую, дурную крестьянскую избу; внутри найдешь ты иное.“ Мы вошли во дворъ; съ перваго взгляду все мнѣ понравилось, потому что въ цѣломъ предшавилось взору моему именно то, что называюшь живописнымъ, и что такъ очаровательно казалось мнѣ въ Нидерландскихъ картинахъ. На всемъ замѣтно было всемогущее дѣйствіе времени, которое усиливается разрушать дѣла рукъ человѣческихъ. Домъ и сарай и конюшня находились именно въ той степеніи разрушенія, когда, не рѣшаясь, починить ли, или совершенно передѣлать зданіе, первое упускаюшь, не начиная втораго.

Какъ въ деревнѣ, такъ и на дворѣ, все было тихо и пусто. Мы нашли опца, не большаго роста, молчаливаго, однако привѣливаго человѣка, совершенно одного; все семейство его было въ полѣ. Онъ принялъ насъ ласково, предложилъ закуску, но мы отказались. Пріятель мой пошелъ искать женщину, а я остался съ хозяиномъ. — „Вы, можете быть, удивляетесь, “сказалъ онъ, „что въ богатой деревнѣ и при доходномъ мѣстѣ, я занимаю такую дурную квартиру: это происходитъ отъ неръшительности. Уже давно и опъ прихожанъ и опъ высшихъ мѣстъ присуждено построить мнѣ новый домъ; много уже сдѣлано и плановъ; каждый обдумалъ, исправленъ, дополненъ, но ни одинъ не былъ оптвергнутъ, и ни одинъ не принятъ. И это продолжается столько времени, что я шеряю все терпѣніе.“ — Считая приличнымъ поддержать въ немъ надежду и ободрить его, я опвѣчалъ, что ему надобно какъ можно усильнѣе настаивать. Тутъ съ большою доврчивостію началъ онъ мнѣ описывать людей, опъ которыхъ это зависитъ, и хотя онъ не былъ силенъ въ описаніи характеровъ, однако я понялъ за чѣмъ спало дѣло. Искренность этого человѣка имѣла что-то особенное; онъ говорилъ со мною, какъ будто бы мы десять лѣтъ были

знакомы, и при всемъ томъ во взоръ его не было ничего такого, изъ чего бы я могъ заключать, что онъ обращаетъ на меня вниманіе. Наконецъ вошелъ мой пріятель съ хозяйкою, которая посмотрѣла на меня со-всѣми другими глазами. Она имѣла правильныя черты лица; въ нихъ замѣненъ былъ умъ, равно какъ и признаки большой красоты въ ея молодости. Высокій ростъ и худощавость, хотя и не чрезмѣрная, давали ей сзади видъ молодой, недурной собою женщины. Потомъ вбѣжала торопливо старшая дочь; она спросила о Фридерикѣ, о которой спрашивали прежде другъ друга и отецъ съ матерью. Первый увѣрялъ, что не видалъ ея съ швѣцъ поръ, какъ онъ ушли все при вмѣствѣ. Дочь бросилась опять въ дверь искать своей сестры; мать принесла намъ закуску, а Вейландъ продолжалъ вести со швариками разговоръ объ извѣстныхъ имъ лицахъ со всими подробностями, какъ обыкновенно бываетъ, когда сходятся давно невидавшіеся знакомцы, осведомляющся о людяхъ своего круга и взаимно сообщаютъ о нихъ вѣсти. Между тѣмъ я слушалъ и соображалъ, что мнѣ объявляютъ это новое знакомство.

Старшая дочь опять вбѣжала запыхавшись и въ беспокойствѣ, что не нашла сестры своей. Это беспокойство перешло и

на мать; спали бранишь шу и другую дурную привычку; шолько опецъ былъ покоенъ. „Не заботьшесь шакъ“ — сказала онъ: „прйдешь!“ Въ шо же мгновеңе вошла она дѣшпвишельно въ дверь; и въ самомъ дѣль на ашомъ сельскомъ небѣ проглянула прелеспнѣйшая звѣзда. Обѣ сесшры одѣшны были, какъ называющъ, по Нѣмецки, и эша, почти вовсе уже осшавленная одежда, особенно была къ лицу Фридерикъ. — Бѣлая, круглая корошкая юбка, не закрывавшая прелеспнѣйшихъ ножекъ; бѣлый же обшянушый корсешъ и черншй шафшяный передникъ — въ шакомъ нарядѣ казалась она чѣмъ-шо среднимъ между поселянкою и горожанкою. Гибкая и легкая, какъ будшо ничего на себѣ не имѣя, она не шла, а порхала, и гущныя русыя косы, падая съ прелеспнѣйшей головы, казались даже слишкомъ шяжелыми для нѣжной шем. Веселыми голубыми глазами осшашривалась она быспро, а маленькшй, вздернушый носикъ носился шакъ непринужденно по воздуху, какъ будшо въ овѣшѣ никакихъ заботъ не бывало. И соломенная шляпка висѣла на рукѣ ея, шакъ чшо съ перваго раза, имѣлъ я удовольствіе увидѣшь еѣ во всей красошѣ и миловидноспш.

Тутъ я началъ играть свою роль, но съ умѣренностію, поцѣламъ со спящихъ, упрекая себя, что вадумалъ шумишь такими добрыми людьми. Наблюдать ихъ было мнѣ довольно времени, пошому, что и двушки стали продолжашь тотъ же разговоръ, съ быспрошою и шумливостію. Куча знакомыхъ и сосѣдей опять появились на сценѣ, и моему воображенію представилась такой рой дядюшекъ, пестушекъ, племянниковъ, зятей, золовокъ, кумовой и гостей, прѣхавшихъ и увѣхавшихъ, что мнѣ мечталось, будто я перенесся въ самый многочислнѣйшій міръ. Каждый изъ членовъ семейства не оставилъ сказать мнѣ нѣсколько словъ; мать посматривала на меня всякой разъ, когда входила или уходила, но первая Фридерика вснувала со мною въ разговоръ, и когда я спалъ разсматривашь лежавшія на клавикогдахъ ноты, спросила, играю ли я. На мой утвердительный отвѣтъ, попросила она сыграть что-нибудь, но отецъ не допустилъ меня, утверждая, что приличнѣе напередъ позабавишь гостя какимъ нибудь вальсомъ или пѣсенкою.

Она играла многое довольно бѣгло, въ томъ родѣ, какъ обыкновенно играютъ въ деревняхъ, а при томъ на такихъ клавикогдахъ, копорые, какъ сказывали, школьнич

учицель давно хопѣлъ наспроить, но все не успѣвалъ за недосугомъ. Наконецъ заспали ея спѣть какую-то шомноспраспную пѣсенку; но это совсѣмъ не шло на ладъ. Она вспала и сказала, улыбаясь, или лучше съ веселоспшо, неизмѣнною на лицѣ ея: „Если я худо пою, то это ужъ вина не клавижордовъ и не учицеля; но поидемъ-ше пожалуйспа въ поле; тамъ услышите мои Эльзасскiя и Швейцарскiя пѣсенки: онѣ какъ-то лучше поюшся.“

И прежде вершѣлась у меня на умѣ одна мысль; за ужиномъ она совершенно овладѣла мною: я сидѣлъ нѣмъ и задумчивъ, не смопря на живоспъ спаршей сестры и на любезноспъ младшей, копорыя довольно часпно опвлекали меня опъ моихъ размышлений. Мнѣ предспавлялось, что я нахожусь въ кругу Вакефильдской фамили, и удивление мое не имѣло никакой мѣры. Хоппа правда, опецъ никакъ не могъ сравнишся съ нѣмъ превосходнымъ человекомъ (и гдѣ найши ему подобнаго!), но за то въ хозяйкѣ видѣлъ я всѣ достоиноспва, какiя тамъ предспавлены въ женѣ священника. Нельзя было смопрѣшъ на нее, не чувспвуя вмѣспѣ и уважения и какой-то боязни. Въ ней видны были спдспствiя хорошаго воспитанiя; ея обращение

было покойно, свободно, весело и заманчиво.

Хотя старшая дочь не была шакъ прекрасна, какъ Оливія, но все таки имѣла она хорошій станъ, живость, даже пылкость характера; она была первою помощницею мащери, и ни что по хозяйству не укрывалось отъ ея дѣятельности. Поставивъ Фридерика вмѣсто Примрозовой Софіи очень не трудно; потому что о той ничего не сказано, кромѣ того, что она любезна: эта была любезна дѣйствительно. Одно и то же званіе, одни и тѣ же занятія, вездѣ, гдѣ бы они ни встрѣтились, производятъ подобныя, если не одинаковыя впечатлѣнія; такъ и шуть: многое было сказано, многое случилось, что пошчасъ напоминало о Вакефильдѣ. Но когда вошелъ младшій сынъ, о которомъ были мы предувѣдомлены, и котораго отецъ давно ожидалъ съ неперпѣніемъ — когда онъ, мало обращая вниманія на гостей, сѣлъ безъ околичностей подлѣ насъ, я едва могъ удержаться отъ восклицанія: „какъ, Моисей, и ты здѣсь?“

За споломъ рассказывали разныя забавныя происшествія, шамъ и сямъ случившіяся, и это знакомило ближе съ хозяевами и со всѣмъ ихъ окружающимъ. Подлѣ меня сидѣла Фридерика; она воспользовалась слу-

чаемъ описашь мнѣ разныя мѣста въ окрестностяхъ, кошорыя сполно видѣшь. Между тѣмъ въ разговорахъ одно приключеніе напомнимаю о другомъ; невольно вмѣшался и я, и, за спяканомъ добраго деревенскаго вина, кошораго не жалѣли хозяева, чупь было не заговорился и не позабылъ своей роли. Къ счастью, предусмотрительный пріятель мой въ пору догадался полюбоваться сіяніемъ луны и предложилъ прогулку, кошорая съ удовольствіемъ была принята. Онъ подалъ руку старшей дочери, я младшей; мы пошли по обширнымъ лугамъ, обращая болѣе вниманія на небо, нежели на землю, кошорая вокругъ насъ перялась въ сумракъ. Впрочемъ въ рѣчахъ Фридерики не было ничего луннаго; онъ ясныи, съ какою она говорила, и ночь обращалась въ день; шупь ничто не намѣкало о чувствахъ, ничто не возбуждало ихъ — все относилось шолько ко мнѣ: свое положеніе, окрестности, знакомыхъ своихъ, описывала она съ той стороны, какъ я долженъ узнашь ихъ; „пошому чшо, говорила она, всякій, кто бывалъ у насъ, охотно посѣщаль насъ послѣ эяшь, и вы, какъ я надѣюсь, не сдѣлаеше исключенія изъ правила.,,

Мнѣ было очень пріятно слушашь въ молчаніи, какъ изображала она маленькій свѣшь, въ кошоромъ прошекала жизнь ея, и

людей, которыхъ наиболѣе она уважала. Этимъ дала она мнѣ ясное и восхищительное понятіе о своемъ положеніи — понятіе, которое страннымъ образомъ на меня подѣйствовало: я вдругъ почувствовала сильное огорченіе, что не знала ея ранѣе, а при томъ самое мучительное чувство зависти ко всемъ, кто наслаждался счастьемъ быть вблизи ея. Какъ будто имѣя какое нибудь право, стала я спрашивать о мужчинахъ, которые упоминались въ разговоръ, все равно, подъ именемъ ли сосѣда, свояка или кума, и даже изъясняя иногда свои догадки; но могъ ли я что нибудь открыть, въ совершенной неизвѣстности всехъ отношеній? Она стала новилась безпрестанно говорить, а я нише. Мнѣ слушалось какъ-то oddly хорошо: не видя лица ея, какъ и всехъ окружающихъ предметовъ, слышавшихся въ сумракъ, а слышала только ея голосъ, я воображала, будто смотрю въ ея душу, которой чистота изумляла меня, потому что изливалась въ совершенно непринужденной болтливости.

Когда я пришелъ съ поваричемъ въ отведенную для насъ горенку, онъ поспѣшь съ большимъ самоудовольствіемъ началъ надомною подшучивать, видя, что я пораженъ сходствомъ семейства хозяевъ нашихъ съ Примрозовымъ. Я присналъ къ его шушкамъ

благодаря его искренно за знакомство. „Въ самомъ дѣлѣ!“ воскликнулъ онъ : „вся сказка сбывается у насъ на дѣлѣ! Это семейство во всемъ похоже на Вакефильдекое, а эпошь переодѣтый господчикъ можешь присвоить себя честь походишь на господина Борчеля; я же — намъ въ жишейскомъ бышу не такъ нужны злодѣи, какъ въ Романахъ — такъ пусть буду я на эпошь разъ племянникомъ, шолько спану веспи себя порядочнѣе.“ Какъ ни приятень былъ для меня эпошь разговоръ, но я прекратилъ его, попросивъ прежде всего Вейланда сказать мнѣ по совѣсти, шочно ли онъ не измѣнилъ мнѣ. Онъ клялся, что нѣтъ, и я могъ повѣрить ему. „Напрошивъ“, сказалъ онъ: „меня еще спрашивали, не ты ли эпошь смѣшной поварищъ, кошорый обѣдаешь со мною въ одномъ пансіонѣ, и о кошоромъ насказали имъ много чудесъ.“ Тушь спалъ я спрашивать: любила ли она? не любишь ли шеперь? не помолвлена ли? На все ошвѣчалъ онъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — „Удивительно!“ возразилъ я: „такое веселое расположеніе духа ошь природы для меня непоняшно. Если бъ она любила и разлюбила, или если бъ шеперь была невѣстною — тогда другое дѣло: я не спалъ бы удивляться.“

Такъ разговаривали мы до глубокой ночи, и за всѣмъ шѣмъ проснулся я на разсвѣтъ. Желаніе увидѣть ее опять, казалось непреодолимо, но начавъ одѣваться, я ужаснулся проклятаго гардероба, кошорый имѣлъ дерзость для себя выискашь. Съ каждою новою часшею одежды, казался я гаже въ собсвенныхъ глазахъ своихъ. Съ волосами могъ бы еще я кое-какъ сладить, но когда наконецъ всунуль руки свои въ испасканный сѣрый кашаць, кошораго корошкіе рукава довершали безвкусіе моего наряда, и когда въ маленькомъ зеркалѣ посмошрѣлъ на себя по часнямъ, и каждая часшица самаго себя показала мнѣ смѣшнѣе другой, шопала уже я въ совершенное опчальніе.

Между шѣмъ, какъ я наряжался, преснулся Вейландъ и, высунувъ голову изъ подъ шелковаго вашнаго одѣяла, посмашриваль на меня съ самодовольшвіемъ чистшой совѣснш и съ чувствомъ радостной надежды на наступающій день. Я уже давно завидоваль прекрасному его плашью, висѣвшему на спуль, и если бѣ мы были одного росша, шопушались бы его непременно, переодѣлся бы за дверями, и оставивъ ему свою хламиду, убѣжалъ бы въ садъ; онъ не успѣсившлся бы нарядишься въ мое плашье, и еще по ушпру, кончилось бы все смѣшнымъ и забавнымъ

образомъ. Однако о томъ нельзя было и подумать: никто изъ домашнихъ также не могъ возобишь моему горю. И такъ мнѣ должно было явиться передъ Фридерикою подъ видомъ, хотя прилежнаго и знающаго, но бѣднаго студіозуса Богословія, за какого вѣроятно выдасть меня мой пріятель — передъ Фридерикою, которая наканунѣ вечеромъ говорила мнѣ шакъ по душѣ — кѣшъ, ашо невозможно! Въ досадѣ и въ размышленіи, стоялъ я и думалъ упошребить всю силу шворческаго своего дара, чшобы чѣмъ нибудь опшрашивъ бѣду; но и даръ мой меня оставилъ. Наконецъ, когда расшянувшійся въ полной нѣгѣ на постелѣ Вейландъ, смощри на меня прішально, вдругъ захохоталъ и воскликнулъ: „ну, въ самомъ дѣлѣ! ты въ шшомъ уборѣ настоящее чучело!“ — я возрашилъ сгоряча: „знаю, чшо сдѣлаю, прощай, извини меня передъ хозяевами.“ — „Чшопыи съ ума сошелъ?“ — вскричалъ онъ, и вскочилъ съ постели; хотѣлъ удержать меня. Но я уже былъ за дверями, сбѣжалъ съ лестницы, изъ дому, со двора и въ шракширъ. Въ мигъ лошадь моя была осѣлана, и я пошвакалъ, какъ веншповый, въ Друзенгеймъ, пошомъ далѣе и далѣе.

Считая себя наконецъ въ безопасности, дошхалъ я медленно, и шущъ почувшвовалъ,

как неохотно удаляюсь. Но предавъ себя судьбѣ своей, припоминалъ я съ большимъ спокойствіемъ духа вчерашнюю прогулку, и питался крошечкою надеждою опять увидѣть Фридерика. Вскорѣ это смиренное чувство обратилось опять въ непереносимое, и я рѣшился поѣхать скорѣе въ городъ, переодѣться и взять хорошую свѣжую лошадь. Возродившаяся во мнѣ мысль уже рисовала мнѣ, какъ возвращусь я къ обѣду, или, что было вѣроятнѣе, послѣ обѣда, или къ вечеру, и буду просить о прощеньи.

Уже хотѣлъ я прищипорить лошадь, чтобы привести въ исполненіе планъ свой, какъ вдругъ мелькнула во мнѣ другая мысль гораздо, какъ мнѣ казалось, счастливѣйшая. Еще наканунѣ замѣнила я въ Друзенгеймскомъ пракширѣ, очень опрятно одѣшаго хозяинскаго сына, который и сегодня, работая что-то на дворѣ своемъ, привѣщавшо мнѣ поклонился. Онъ былъ совершенно моего роста и сана, и мелькомъ напомнилъ мнѣ о самомъ себѣ. Вздумано, сдѣлано! Поворотивъ лошадь, черезъ нѣсколько минутъ очутился я въ Друзенгеймѣ, и шутя сдѣлалъ молодому хозяину предложеніе въ короткихъ словахъ: чтобы онъ ошдаль мнѣ свое платье для шутки, которую намѣренъ я сыграть въ Сесенгеймѣ. Едва успѣлъ я договорить,

какъ онъ съ радостію согласился и похвалялъ меня, что я хочу позабавить пасторскихъ дочерей, которыя, какъ онъ говорилъ, очень добры и милы, а особливо мамзель Фридерика; да и шаррики любяшь, чшобъ у нихъ, было весело. Онъ смотрѣлъ на меня съ большимъ вниманіемъ, и какъ по плашью долженъ былъ счесать меня за самаго жалкаго бѣдняка, то сказалъ: „если вы хошите шамъ понравиться, шакъ лучше нельзя было выдумашъ.“ Между шѣмъ я спалъ уже переодѣвшись въ его яраздничное плашье, котораго, по насшоящему, нельзя было бы дашъ за мое дражное; однако онъ былъ очень добродушенъ, а припомъ и лошадь моя, вмѣсто залога, оспавалась у него въ конюшнѣ. Вскорѣ принарядился я совѣмъ, вспрыгнулъ самъ ошъ радости, и пріятель мой, хозяйскій сынъ, казалось, не безъ удовольствія смотрѣлъ на свое подобіе. — „Послушай, баринъ,“ сказалъ онъ, подавая мнѣ руку, по которой я хлопнулъ своею: „не подходи шамъ близко къ служанкѣ, а шо она, пожалуй, ошибкой примешъ за меня!“

Волосы свои пригладилъ я почти шакъ, какъ было у него, а пошомъ, смотря на него безпреспанно, вздумалъ я поддѣлать себя и брови на манерь его же. Жженая пробка помогла мнѣ сдѣлать ихъ погуще и све-

сти въ серединѣ. „Нѣтъ ли у васъ, сказала я наконецъ, какой нибудь нужды къ паспорту, чѣмъ мнѣ было зачѣмъ прійти къ нему?“ — „Хорошо“ отвѣчалъ онъ: — „шолько надобно часа два подождать. У насъ есть родильница; я вызовусь опнеспи пирогъ къ паспорту — тогда вы можете вмѣсто меня исправить это.“ И гордость, говоришь пословица, на нужду сдается; спало бышь шушка и подавно. Я рѣшился дожидаться, но эти два часа показались мнѣ безконечными, и я разрывался ошъ нестерпннн, когда и прешій прошелъ, а пирогъ все еще не былъ вымушъ изъ печи. Наконецъ мнѣ опдали его шолько чшо съ пылу; я взялъ свой кредитивъ и опправился въ пушъ. Солнце свѣсило ярко; хозяйскій сынъ, мое подобие, проводилъ меня нѣсколько, и вызывался было принести мнѣ вечеромъ мое плашье, но я поспѣшилъ опклонишь это, сказавъ, чшо самъ явлюсь къ нему.

Не далеко прошелъ я съ пирогомъ своимъ, завернушымъ въ чистую салфетку, какъ увидѣлъ издали пріятеля Вейланда, которій съ обѣими дѣвушками шелъ ко мнѣ на встрѣчу. Сердце мое зашрепшало, чшо со всѣмъ не годилось въ моихъ общешельсшвахъ. Я опстановился, собрался съ духомъ и спалъ разсуждашь, чшо мнѣ дѣлать. И

пусть только увидалъ я, что мѣстоположе-
 ніе было мнѣ очень благопріятно: они шли
 по другую сторону ручья, который раздѣ-
 лялъ двѣ пропинки, не совсѣмъ по одному
 направленію ведущія. Когда мы поравнялись,
 Фридерика, давно уже на меня смотрѣвшая,
 закричала черезъ ручей: „Георгъ! что ты не-
 сешь?“ Я снялъ попячасъ шляпу и держалъ
 ее передъ лицомъ, а между тѣмъ поднималъ
 вверхъ свой узелъ.— „Родильничій пирогъ!“
 закричала она тогда: „Здорова ли сестра?“
 — „Здорова!“ — отвѣчала я, спараясь про-
 износить, если не по Эльзаски, то по край-
 ней мѣрь чужимъ голосомъ.— „Неси же,“ ска-
 зала старшая: — „и если ты не найдешь
 манушки, такъ отдай дѣвкѣ; да подожди насъ,
 мы сей часъ прійдемъ — слышишь ли?“ Я
 пошелъ впередъ съ радостнымъ чувствомъ,
 что когда удалось начало, то и все пойдѣтъ
 хорошо. Вскорѣ пришелъ я къ пастор-
 скому дому, и не нашелъ никого дома ни на
 дворѣ, ни въ кухнѣ. Самого пастора, ко-
 шораго считалъ занятымъ въ его кабинетѣ;
 не хотѣлъ я перевозить. И такъ сѣлъ я на
 скамейкѣ передъ дверями, съ пирогомъ подѣ
 себя, и нахлобучивъ на глаза свою шляпу.

Не помню, чтобы когда нибудь имѣлъ я
 прилившія чувства. Сидѣлъ здѣсь, у по-
 го порога, черезъ который не давно пере-

скочидь въ опчаяніи; наслаждаться мыслю; что видѣль ее, и слышаль предесный голосокъ ея, послѣ того, какъ недавно еще, въ жестокой досадѣ, представляль себѣ долгую разлуку; ожидашь съ каждымъ мгновениемъ ея самой, и открытія, отъ котораго шрепешало мое сердце, но которое не могло приспѣдидь меня; и при всемъ томъ, такая забавная шутка — забавиѣ всѣхъ, какія вчера доставляли удовольствіе! Правда, что любовь и нужда самые лучшие учителя; они здѣсь дѣйствовали вмѣстѣ, и ученикъ не оспался ихъ недостойнымъ.

Тутъ вышла изъ сарая служанка. „Ну, что“ — закричала она — „удались ли пироги? А какова сеспра?“ — „Все ладно!“ — отвѣчалъ я, не смотря на нее. Она взяла узелъ и проворчала: „что съ тобой оцашь сего дня? Вѣрно Варинька на другихъ засмотрѣлась. Мы невимоваши, Славная будешь у васъ свадьба, когда все шакъ пойдешь!“ — Она говорила довольно громко; Пасноръ, услышавъ, подошелъ къ окну и спросилъ: что шакое? Она указала на меня; и всналь и повернулся къ нему, держа однако все предъ лицомъ свою шляпу. Онъ сказалъ мнѣ что-то привѣшливое, и ведѣль мнѣ отшашься; я пошелъ въ садъ и нолько хотѣль жуда войши, какъ закричала на меня хозяй-

ка, пришедшая съ улицы. Солнце свѣтило мнѣ прямо въ глаза, и я могъ употребить опять прежнее средство: не опинимая ошь глазъ шляпы, шаркнулъ ей вмѣсто поклона. Сказавъ, чшобъ я не уходилъ, не повѣвши чего нибудь, она вошла въ домъ, а я поворошилъ опять въ садъ. Все до сихъ поръ шло какъ нельзя лучше, но у меня замирало дыханіе при мысли, чшо молодые люди скоро прійдутъ. Тутъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подошла ко мнѣ мать и хотѣла чшопто сказать, какъ посмотрѣвъ мнѣ въ лице, кошораго не могъ уже я закрытьъ, она остановилась, и слова на языкѣ замерли. — „Я искала Георга“ — сказала она помолчавъ — „и кого нахожу? Такъ эшо вы, сударь? Сколько же лицъ вы на себя принимаете!“ — „На дѣлъ одно: „возразилъ я“ а въ шушкахъ, сколько угодно. — „А! шушкамъ мѣшать я не хочу!“ — отвѣчала она, улыбаясь. „Подите же на шопъ лугъ, чшо позади сада, и ждите тамъ, пока ударитъ полдень. Тогда приходите къ обѣду, и я ужъ буду знать, какъ ввести васъ.“ Я пошелъ; но лишь пробрался за заборы, у кошорыхъ начинаешся лугъ, какъ нѣсколько крешьянъ, шедшихъ по пропикѣ мнѣ на вспрѣчу, испугали меня. Я поворошилъ шопчасъ въ рощицу, кошорая возвышалась не вдалекѣ надъ холмомъ, чшобимъ

шамъ укрылся до назначеннаго времени. Но какое снранное чувство объяло меня, когда я вошелъ туда: мнѣ представилось очень чистое мѣсто, уставленное скамьями, и отъ каждой, превосходнѣйшій видъ въ отдаленность. Съ одной стороны вся деревня и посреди нея церковь; шамъ Друзенгеймъ съ лѣвѣншими позади его островами на Рейнѣ; здѣсь опять Вогезскія горы, и наконецъ Спразбургская колокольня. Эши различныя прелеснѣйшія карпины заключались въ рамкахъ изъ кустарника: ничшо не могло сравниться съ такою пріятностію мѣстоположенія. Я сѣлъ на одну скамью, и замѣнилъ на самомъ полспомъ деревѣ, маленькую, продолговашую доску съ надписью: „Friedrikens Ruhe (успокоеніе Фридерики). Мнѣ совсѣмъ не приходило на мысль, чшобъ я своимъ присущствіемъ могъ нарушить эшо успокоеніе: возраждающаяся спрасъ имѣешь шу прелеснь, чшо не зная въ себѣ начала ея, не помышляешь и о концѣ, и когда все представляется глазамъ и душѣ въ радостномъ видѣ, тогда не приходишь на умъ, чшобъ отъ нее могли рождаться и бѣды.

Едва имѣлъ я время осмошрѣться и шолько лишь погрузился въ сладостныя мечпанія, какъ услышала, чшо кто-шо идетъ: это была Фридерика. — „Георгъ, чшо ты

„Купишь дьявола?“ закричала она еще изда-
 лека. — „Не Георгь!“ — ошвѣчала я, побѣ-
 жавъ къ ней на встрѣчу: „но шопь, кто
 долженъ просишь тысячу разъ извиненія.“
 Она посиошрѣла на меня въ изумленіи, но
 вскорѣ ономилася, и вбирая въ себя сильно
 дыханіе, сказала: „Несносный человекъ! какъ
 вы меня испугали!“ — „Первая маска довела
 меня до другой!“ вскричалъ я: „та была бы
 непросшительна, если бъ я хоть сколько ни-
 будь зналъ, къ кому я иду; эшу вы ввроятно
 мнѣ простише, пошому чшо она предша-
 вляешь подобіе людей, копорыхъ вы шакъ
 ласкаете.“ — Ея блѣдноватая щеки по-
 крылись прелеснѣйшимъ румянцемъ. „Ну —
 сказала она! — „хуже чѣмъ Георгу, вамъ ко-
 нечно не будешь. Однако сядемъ ше. Призна-
 юсь, чшо я и шеперь еще дрожу ошъ испу-
 га.“ — Я сѣлъ подлѣ нея въ большомъ ду-
 шевномъ движеніи. — „Обо всемъ,“ продолжа-
 ла она: „чшо было до сегодняшняго утра,
 мы знаемъ ошъ вашего друга; прошу же мнѣ
 расказашъ, чшо было дальше.“ — Я не за-
 сшавилъ ее повшоришь, и началъ описывать
 свое ошвращеніе ошъ вчерашняго костюма и
 свой побѣгъ изъ дому шакъ забавно, чшо она
 ошъ души смѣялась; пошомъ расказалъ я,
 чшо было даше, хотя доволно скройнымъ,
 но вмѣстѣ и спрасшнымъ шомомъ, шакъ

чно это могло идти за любовное объяснение в исторической форме. Наконец, выражая удовольствия нового свидания, с нею, напечатлав я поцелуй на руку ея, копо-рю она ославилась в моей. Если вчера вечером она одна трудилась в разговоръ, то сегодня я съ избыткомъ заплащилъ за то съ своей стороны. Радость видя ея опять, возможность все говорить ей, о чемъ наканунѣ я удерживался, были такъ заманчивы, что я, въ пылу речей своихъ, не замѣтилъ, какъ она стала задумчива и молчалива. Нѣсколько разъ вдыхала она сильно въ себя воздухъ, нѣсколько разъ просилъ я о-пять прощенья, что такъ испугалъ ее. Какъ долго мы тушь просидѣли, не знаю; но вдругъ послышался зовъ: „Фридерика! Фридерика!“ Это былъ голосъ сестры. — „Вошь будешь славная исторія!“ сказала милая дѣвушка, принявъ на себя опять прежній веселый видъ. „Она идетъ съ моей стороны,“ примолвила она, нагнувшись такъ, чтобы меня въ половину спряташь: „отворотишесь; пушь не вдругъ васъ узнаешь.“ Сестра взошла на холмъ, но не одна. Вейландъ былъ съ нею, и оба, какъ скоро насъ увидѣли, осшановились, какъ прикованные.

Когда мы вдругъ увидимъ изъ подъ мирной кровли всплывающее пламя, или когда

внезапно встрѣшимъ чудовище, котораго видъ споль же отвращительнень, какъ и ужасень — мы все еще не сполько обомляемъ ошъ спраха, какъ если когда предспавишся неожиданно глазамъ нашимъ чшо нибудь пакое, чшо почишали мы нравспвенно невозможнымъ. — „Что эшо?“ вскричала сестра Фридерики въ испугъ: „что эшо? шы съ Георгомъ! — рука въ руку! какъ понимашь эшо?“ — „Милая сестра!“ возразила Фридерика съ жалобнымъ видомъ: „бѣдненькій! просиль у меня прощенія; онъ будешъ и у тебѣ просишь, но шы должна просишь его напередъ.“ — „Ничего не знаю и не понимаю!“ сказала сестра, качая головою и поглядывая на Вейланда, который, по своему обыкновенію, споялъ очень покойно и, молча, смопрѣлъ на эшу сцену. Фридерика вспала и пошацила меня за собою: „Не робѣшь!“ — вскричала она: „просише прощенія, и даспся вамъ.“ — „Такъ“ — сказалъ я, подойдя довольно близко къ старшей сестрѣ: „я долженъ просишь прощенія!“ — Она ошскочила, вскричала, и — шо краснѣла, шо опяшь блѣднѣла. Потомъ бросилась на праву, захошопала изо всей силы и, поджимая бока, не могла переспашъ. Вейландъ улыбался съ довольнымъ видомъ, взялъ меня за руку, и пошрасши ее, сказалъ: „шы, братъ, славный

мадый!“ Обыкновенно былъ онъ не щедръ на ласкашельства; но его пожатіе руки имѣло что-то сердечное, что-то живое, хотя онъ и на это былъ очень бережливъ.

Успокоясь нежного и собравшись съ духомъ, пошли мы въ деревню. Дорогой рассказали мнѣ, какъ случилось, что всѣ еошлись на одномъ мѣстѣ. Прежде всего описала ошъ другихъ Фридерика, чтобы на любимомъ своемъ мѣстѣ посидѣть сколько нибудь еще передъ обѣдомъ. Когда же сеспра ея пришла съ Вейландомъ домой, то мать послала ихъ искать Фридерика и скорѣе привести ее къ обѣду.

Спашая сеспра хохотала безъ умолку, и узнавъ, что тайна извѣстна въ домѣ шолько одной матери, закричала: „Теперь надобно провести еще башючку, брата, работника и служанку!“ Когда подошли имъ къ садовому забору, то Фридерика и Вейландъ посланы были впередъ. Дѣвка работала что-то въ огородѣ. Оливія (пусть и здѣсь такъ называется спашая сеспра) закричала ей: „Подожди, я тебѣ кое-что скажу!“ Меня оставила она у забора, и пошла къ служанкѣ. Я видѣлъ, что онѣ пресерьозно разговаривали. Оливія говорила ей, что Георгъ разсорился съ Варинькой и, кажешся, гешовъ женишься на ней. Это очень поира-

*

вилось дѣвкѣ. Тушъ позвали меня, и я долженъ былъ подтвердитъ сказанное. Пригожая деревенская нимфа пошупила глаза и ошмалась шакъ, пока я не подошелъ къ ней совсѣмъ. Вдругъ, увидѣвъ передъ собою чужое лице, она шакже громко закричала и побѣжала прочь. Оливія велѣла мнѣ догнать ее и удержатъ, чшобъ она не сдѣлала въ домѣ шревоги прежде времени; а сама хотѣла ишши посмѣтрѣшь, чшо дѣлаешь ошець. Дорогой, встрѣшила Оливія работника, кошорый былъ очень привязанъ къ служанкѣ. „Подумай-ка!“ закричала Оливія: „какое счастье! вѣдь у Георга совсѣмъ разспромялась свадьба съ Варинькой, и онъ женился на Лизѣ.“ — „Я давно это говорилъ!“ — ошвѣчалъ добрякъ съ пасмурнымъ видомъ.

Между шѣмъ я догналъ дѣвку, ошпановилъ ее и увѣрилъ, чшо дѣло шолько въ шномъ, чшобъ обманушь самого хозяина. Мы пошли вмѣстѣ прямо на работника, но онъ ошвернулся и хотѣлъ ишши прочь. Лиза во-рошила его однако, и когда онъ былъ разочарованъ, шо спранными гримасами немало повеселилъ насъ. Мы пошли въ комнашы. Сшоль былъ уже накрытъ, и Пасшоръ ошдалъ насъ. Оливія, кошорая велѣла мнѣ прятаться за собою, пересшупивъ черезъ порогъ, сказала: „башюшка, вѣдь ты позволишь,

чтобы Георгъ съ нами обѣдалъ? Только по-
 зволяю и то, чтобы онъ не скидалъ шляпы.“ —
 „По мнѣ пожалуй!“ — отвѣчалъ спарикъ: „Но
 къ чему жъ это? развѣ онъ ушибся?“ — Она
 вывела меня впередъ, какъ я споялъ, со шля-
 пою на головѣ. „Нѣтъ!“ — сказала она, ве-
 дя меня черезъ горницу: „но у него подъ
 шляпой сидѣтъ пшички, онъ боится, чтобы
 онъ не вылетѣли и не надѣлали проказъ, по-
 тому что эти пшички очень дикі.“
 Опець принялъ эту шушку за шушку, не
 зная впрочемъ, что бы такое шутъ разумѣ-
 лось. Вдругъ снимаешь она съ меня шляпу,
 шаркаешь ногами передъ ошцемъ, и заспа-
 вляешь меня то же дѣлаешь. Спарикъ по-
 смошрѣлъ на меня, и узналъ, но не измѣнилъ
 своего важнаго вида: „Эй! эй! господинъ кан-
 дидакъ!“ вскричалъ онъ, грозя мнѣ паль-
 цемъ: „какъ же вы увертливы? Вдругъ, въ
 одну ночь, потерялъ я помощника, кошорый
 вчера съ такимъ усердіемъ брался чинить
 иногда за меня проповѣди.“ Тутъ поохо-
 палъ онъ ошъ души, поздоровался со мною, и
 мы съѣли за столъ. Моисей пришелъ уже го-
 раздо позже: какъ избалованное дитяшко,
 онъ обыкновенно пропускалъ мимо ушей,
 когда звонили къ обѣду. Кромѣ шого, онъ об-
 ращалъ очень мало вниманія на гостей, даже
 и шогда, когда имъ прошиворѣчалъ. Чтобы

лучше обманушь его, посадили меня, не между сеспрами, а на краю сшоло, гдѣ иногда саживали Георга. Онъ вошелъ въ дверь, у меня за спиною, и подойдя ко мнѣ, ударилъ меня крѣпко по плечу, воскликнувъ: „Хлѣбъ да соль, Георгъ!“ — „Спасибо!“ отвѣчалъ я. — Чужой голосъ и чужое лице испугали его. — „Что скажешь?“ „вскричала Оливія: „вѣдь онъ похожъ на своего брата?“ — „Да“ — возразилъ Моисей, скоро собравшійся съ духомъ: „сзади, какъ и на всѣхъ людей.“ Онъ больше на меня и не сморѣлъ, а спалъ прилежно догоняя насъ, убирая пропущенныя имъ кушанья. Потомъ вздумалось ему и вспасть, чтобы прибрасть кое-что въ саду или на дворѣ. Къ концу обѣда, явился и наспоющій Георгъ, и шѣмъ общеснво приобрѣло еще болѣе живосши. Хотѣли возбудить въ немъ ревность, и бранили его, что онъ во мнѣ сдѣлалъ для себя опаснаго соперника. Однако онъ былъ довольно скромень и уверпиль, и наконецъ своими низко-сладкими ошпрошамн перепуталъ шакъ и себя, и невѣспу, и свое подобіе, и обвнхъ дочерей Пасшора, что уже нельзя было разобрать, о комъ идепъ рѣчь, и рады были, когда онъ замолкъ, усвннсь за кускомъ своего же пирога и спаканомъ вина.

Послѣ обѣда, вздумали было прогуляться; но мнѣ, въ моемъ мужицкомъ нарядѣ, не годилось итти съ ними. Еще по утру, когда узнали женщины, кто и зачѣмъ шакъ поспѣшно убрался изъ дому, вспомнили, что у нихъ въ шкапу виситъ прекрасная бекещъ одного родственника, который, бывая здѣсь, надѣвалъ ее на охошу. Мнѣ предложили ее, однако я отклонилъ это, по наружности, разными шупочными предлогами, но внутренно изъ шщеславія, чтобъ лицомъ родственника не разрушилъ хорошаго впечатлѣнія, какое произвелъ я подъ видомъ крестьянина. Между тѣмъ отецъ пошелъ къ себѣ отдохнуть, а мать занялась, какъ и всегда, хозяйствомъ. Тутъ пріятель мой предложилъ, чтобъ засадили меня что нибудь расказашъ: на это я шопчасъ согласился. Мы отправились въ садъ и расположились въ бесѣдкѣ, довольно просторной. Я началъ расказывать сказку, которую послѣ написалъ, подъ названіемъ *Новой Мелизины*. Она въ такомъ же отношеніи къ *Новому Парису*, какъ бы юноша къ мальчику, и я бы помѣстилъ ее здѣсь, если бъ не боялся чудесною игрою фантазіи испорчить окружающую насъ здѣсь простоту и привлекающую насъ деревенскаго быша. Довольно шого, что мнѣ удалось пріобрѣсти награду, общую изо-

брѣшателямъ и раскащикамъ такихъ произведеній, по есть, возбудишь любопытство, оковаешь внимательность, подспрекнешь къ преждевременнымъ ошгадкамъ непроницаемыхъ сокровенностей; непрерывно новыми и сугубыми странностями запущаешь воображеніе въ лабиринтъ необыкновеннаго, возбудишь участіе, состраданіе и ужасъ, и наконецъ, посредствомъ превращенія всего, обманчиво важнаго, въ замысловатую и веселую шутку, успокоишь умы, дашь воображенію пищу къ новымъ картинамъ, а разуму къ дальнѣйшему размышленію.

Если кто нибудь со временемъ будешь чинать эту сказку въ печати, и усумнишься, можешь ли она произвести такое дѣйствіе; то пусть подумаешь, что человекъ дѣйствуетъ только въ настоящемъ. Пишетъ есть иногда злоупотребленіе языка, чинать про себя — жадная замѣна рѣчи. Человекъ производитъ въ человекъ все, къ чему онъ способенъ своею личностію, наиболѣе юноша въ юношахъ, и здѣсь-то рождаются чистѣйшія впечатлѣнія. Ими-то оживляется свѣтъ, и эта жизненность поддерживается ими нравственно и физически. Опъ опца наслѣдовалъ я нѣкошораго рода поучительную говорливостъ, опъ машери — даръ, все, что можешь произвести и обнять воображеніе,

излагаюъ весело и сильно, обновляюъ извѣстныя сказки, другія выдумываюъ и рассказываюъ, изобрѣшаюъ даже и во время сказа. Опцовскимъ *приданымъ* надѣдалъ я часно обществу: кому пріятно слушаюъ мнѣнія и шолки другаго, а особливо юноши, кошораго сужденіе, при недоспапочнои опытноси, всегда кажешся неосновашельнымъ! Машъ моя, напрошивъ, образовала меня собспвенно для общешвеннаго круга. И пущѣйшая сказка имѣешъ большую прелешъ для воображенія, и малѣйшая основа цѣлаго принимаешся разумомъ съ благодарностію.

Такими рассказами, кошорые мнѣ ничего не споили, пріобрѣшалаъ я привязанностъ къ себѣ дѣшей, подспрекалаъ и забавлялаъ жоностъ, и обращалаъ на себя вниманіе даже пожилыхъ людей. Рано долженъ былъ я прекратишъ пакія упражненія въ общешвъ, и приноравливаюъся къ его пону, а чрезъ эшо поперялаъ много и жизненнаго наслажденія и свободнаго развитія въ умѣ. Однако оба сіи дара, полученныя опъ родителей, въ соединеніи съ прешымъ — выражашся фигурно и сравненіями, не покидали меня во все печеніе моеи жизни. По симъ-шо свойспвамъ, кошорыя узаны во мнѣ были ученымъ и умнымъ Докшоромъ Галломъ посредшвомъ его мешоды, ушверждадаъ онъ, что я рожденъ соб-

ешвенно бытъ народнымъ ораторомъ. Это
открытіе очень меня испугало, потому,
что если оно было основательно, то въ
моемъ опечесствѣ, гдѣ нѣтъ нужды въ оратор-
ствахъ, все прочее, что бы я ни предпри-
нялъ, было бы, къ сожалѣнію, неудачнымъ,
напраснымъ трудомъ.

Съ Нѣм. Вл.

II. НОВАЯ ИСТОРИЯ.

ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

11 ДЕКАБРЯ 1790 ГОДА.

(*Отрывокъ изъ Новой Біографіи Суворова, (*)*)

Крѣпость Измаиль, лежащая на лѣвомъ
берегу Дуная, имѣла въ окружности около
десяти верствъ, включая и Молдавское пред-
мѣстіе, находившееся внутри укрѣпленій.
Встарину, была она окружена простою ка-
менною стѣною, построенною еще Генуэз-
цами; но со времени послѣдней войны, по
важности своего положенія, была она вновь
укрѣплена Европейскими Инженерами. Зем-
ляные валы ея, имѣвшіе въ вышину оупъ 3

(*) Сочиняемой на Нѣмецкомъ языкѣ Г. Смишомъ.

до 4 сажень, являлись еще выше по глубинѣ рововъ, простиравшейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оцѣ 6 до 7 сажень; впрочемъ она не имѣла внѣшнихъ приспособекъ и покрышаго пуши. Влѣво оцѣ города поднимался на 40 фушовъ крушой каменный каваліеръ, занятый 22 пушками, и заключавшій въ себѣ до тысячи человекъ. Со стороны рѣки, городъ защищаемъ былъ каменнымъ бастіономъ, имѣвшимъ шѣсный входъ и полспыя стѣны, и нѣсколькими башарями.

Сія крѣпость, называвшаяся у Турокъ Орду-каеси, п. е. войсковою крѣпостью, служила имъ средоточіемъ для перехода чрезъ Дунай, и для военныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу сей рѣки. Число войска, находившагося въ оной, мало по малу значительно увеличилось прибытіемъ гарнизоновъ всѣхъ взятыхъ Русскими крѣпостей, Хошипа, Бендеръ, Акермана, Килии и пр.: сіи войска посланы были шуда въ наказаніе. Султанъ запрещилъ, подъ опасеніемъ сильнѣйшаго гнѣва его, сдавать Измаилъ: объявлено было фирманомъ, что, въ случаѣ пошери сей крѣпости, каждый воинъ, бывшій въ ней, будетъ подлежать, гдѣ бы онъ въ послѣдствіи ни нашелся, неминуемой смертной казни.

Главное въ оной начальство было поручено храброму Сераскиру Аулузлу-Пашѣ, по-

сдѣвшему съ честію во браняхъ. Дважды предлагали ему званіе Великаго Визиря, и дважды онъ ошклонялъ сію почесть. При немъ находился неуспрашиваемый Каптанъ-Гирей, братъ Крымскаго Хана, прославившійся храбростію въ прежнемъ походѣ. Шестеро сыновей сопровождали опца, горя неперпвнѣмъ сравнишься съ нимъ доблестію. Сверхъ того были въ крѣпости многіе прехъ и двухъ-бунчужные Паши, воины, опличившіеся опытностію и мужествомъ въ прежнихъ битвахъ. 38,000 человекъ (въ томъ числѣ 19,000 Янычаръ и 8000 Спаговъ) составляли гарнизонъ. Всѣ они были воины опборные, испытанные. Крѣпость была снабжена военными и съвѣтными припасами на долгое время.

Взятіе сего мѣсца, защищаемаго многочисленнымъ воинствомъ, подъ начальствомъ храбрыхъ Полководцевъ, представляло не легкую задачу. Прежнія попытки Россіянъ были безуспѣшны. Войска безъ пользы, въ теченіе чепырехъ недѣль, обледали крѣпость. Наспунила глубокая осень: погода и грязь сдѣлались несносными. Послѣдній поискъ 20 Ноября, былъ неудаченъ; и опредѣлено было снять осаду. Уже многіе полки оставили осадную армію; часть войска посажена была на суда. Вдругъ прѣзжаетъ гонецъ — видить

радость Турокъ, уныніе Русскихъ. Именемъ Князя Пошемкина объявляетъ онъ, что главное начальство надъ осаднымъ корпусомъ предъ Измаиломъ поручено Суворову. Сердца всѣхъ ошверзлись радости и надеждъ.

Пошемкинъ корешко писалъ Суворову: „Возьмите Измаиль, во что бы то ни стало.“

Суворовъ повиновался безпрекословно, хотя и сомнѣвался, можно ли что либо сдѣлать въ такое позднее время года. Онъ немедленно призвалъ войска изъ Галаць, и отправившимся изъ подъ Измаила полкамъ послалъ повелѣніе возвратиться, бросилъ на коня, и въ сопровожденіи немногихъ Казаковъ, поспѣшилъ къ осаждаемой крѣпости.

2го Декабря примѣтили въ Русскомъ лагерьѣ двухъ всадниковъ, скачущихъ во всю прысь. Думали, что это Казаки. Всадники приблизились: то былъ Суворовъ съ проводникомъ, у кошага къ сѣдлу привязанъ былъ узелокъ — весь снарядъ Генерала. Все пришло въ восторгъ. Пушечный громъ со всѣхъ бапарей привѣтствовалъ героя. Всѣ ожили надеждою. Дѣла приняли другой оборотъ. Ревность Суворова, невѣроятная его дѣятельность, презрѣніе опасностей, увѣренность въ успѣхъ — словомъ, вся душа его вселилась въ войновъ: всѣ до послѣдняго

воспылали желаніемъ участвовашь въ славномъ приступѣ.

Начались приготожденія. Спали спрощены лѣспницы для приступа, вязаны фашины, учились солдаты употребленію оныхъ. На четвертый день по прїездѣ Суворова, явились и оспальныя войска: изъ корпуса, споявшаго въ Галацахъ, собственныя его, Фанагорійскій гренадерскій полкъ, подъ начальствомъ Полковника Золотухина, 1200 казаковъ и Арнаушова. Адмиралъ Рибасъ оспался въ прежней позиціи. Всѣ сухопутныя и морскія войска составляли около 28,000 чел., изъ коихъ половина состояла изъ Казаковъ. Сими силами неуспрашимый въ душѣ Суворовъ дерзнулъ на приступъ къ крѣпости, въ коей было 38,000 человекъ гарнизону.

Нѣсколько дней сряду обзрѣвали крѣпость. Самъ Суворовъ, въ сопровожденіи большей части Генераловъ и многихъ офицеровъ, для сообщенія имъ своихъ намѣреній, приближался къ ней со всѣхъ сторонъ: избиралъ и назначалъ пункты, въ коихъ колонны должны спрощены, гдѣ итти на приступъ, гдѣ подавать другъ другу взаимную помощь. Турки сначала спрѣляли въ шолпу сію, потомъ умолкли.

Въ ночи на 7^е Декабря, построены были на обомъ крылахъ, подъ руководствомъ

Принца де-Линя и Артиллеріи Генерала Ршнцевца, башарей, чтобы подашь видь, будто намѣрены начашь правильную осаду. По недоспашку въ осадной артиллеріи, копорая опсправлена уже была въ Киію и Бендеры, упошребилъ полевые орудія, изъ коихъ самыя большія были 12-фуншовныя. Въ сію первую ночь Турки вовсе не мѣшали рабошамъ, но ушромъ сильно опшвѣчали на огонь, опкрывшійся съ сихъ башарей.

7го Декабря, Суворовъ опсправилъ къ Сераскиру письмо Князя Пошемкина, присовокупивъ къ шому приглашеніе къ сдачѣ, въ немногихъ строкахъ. Опшвѣтъ былъ: „совѣшумъ Русскимъ опойши; наспунаешъ зима; у нихъ нѣтъ ничего; у насъ же всего довольно.“ На второе приглашеніе опшвѣчали въ восшочномъ слогѣ: „Прежде остановишся Дунай въ шеченіи своемъ, и небо падешъ на землю, нежели сдашся Измаиль.“ Послѣ шренъяго опыта, щадивъ кровь человѣческую (швердый въ своемъ намѣреніи охотно склоняется къ крошосши), Суворовъ въ корошккой запискѣ увѣдомилъ Сераскира чешшнымъ словомъ, что если въ шощъ же день не поднимушь бѣлаго знамени, крѣпощъ будешъ взята присшупомъ, и никому не будешъ дано пошщады. Многіе Полководцы Турецкіе, ушпращенные симъ грознымъ обвѣ-

номъ, хотѣли уступити, но съдвласный Паша пребылъ твердъ, и ошвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ.

Всѣ средства крѣпости были ищощены. Суворовъ собралъ военный Совѣщъ. Въ краткихъ, сильныхъ словахъ объявилъ онъ, что дважды Русское воинство осаждало Измаиль, дважды ошсупадо ошъ онаго; нынѣ, въ шрешій разъ, остается побѣдити или умереть со славою. Онъ не скрылъ затрудненій сего предпріяшя, но въ то же время указалъ и средства къ преодолѣнію оныхъ: надлежало сломити гордыню Турокъ, почтившихъ сію крѣпость непобѣдимою. Ничто не смѣешь противиться силѣ и оружію Россіянъ: всего болѣе должно дѣйствовать на души ихъ. — Бригадиръ Пашовъ (сполько прославившійся въ послѣдствіи), младшій изъ засѣдавшихъ въ Совѣщъ, первый воскликнулъ: „на приступъ!“ и всѣ повторили сіе слово. Суворовъ бросился къ нему на шею, и пошомъ расцѣловалъ сряду всѣхъ присутствовавшихъ. „Сегодня“ воскликнулъ онъ: „помолимся Богу, завтра поучимся, а послѣ завтра — побѣда или славная смерть!“ Всѣ воспылали ревностію; рѣчь его воспламенила всѣ умы; нѣкоторые проливали въ восшоргъ слезы. Рѣшено было, пойти приступомъ на Измаиль.

Въ это самое время получено было письмо Князя Пошемкина, который, какъ казалось, не довѣряя успѣху въ семь дѣль, возлагалъ всю отвѣтственность на Суворова, и говорилъ, что предоставляеть ему отказатьсь оный приступа, если оный несовершенно увѣренъ въ успѣхъ. Суворовъ отвѣчалъ коротко: „дважды Русскіе снотали у вѣроть Измаила: спыдно будеть не войти въ третій разъ.“

8 и 9го чисель, учили и гошовили солдашь. Суворовъ самъ показывалъ имъ, какъ они должны поступать на приступѣ, какъ бросашь фашины, ставишь лѣспинцы; учили молодыхъ солдашь владѣть шпыкомъ: фашины предсавляли Турокъ. Силь личнымъ наспавленіемъ одушевилъ оный всѣхъ, и вселялъ въ нихъ пламенное усердіе содѣлашь доспойными уроковъ своего Военачальника.

10 числа поушру, началась ужаснѣйшая канонада: сорокъ орудій съ берегу, сто съ острова на Дунаѣ, и слишкомъ полшорасна съ судовъ флотшилии производили, въ продолженіе всего дня, непрерывный огонь: болѣе двухъ сошь пушекъ съ крѣпости отвѣчали сподъ же сильно. Земля спонала подъ шрескомъ орудій. Одинъ Русскій корабль загорѣлся и взлешѣлъ на воздухъ: все сіе было шолько предвѣстіемъ ужаснѣйшихъ явленій.

Все изговорилось. Наступила предшествующая кровавому дню таинственная ночь, для многих тысячъ послѣдняя. Пальба мало по малу утихла. За грознымъ шумомъ дня, наступило глубокое молчаніе, но никто не предавался сну: безпокойство, ожиданіе, недоумѣніе превозили всѣхъ; всѣ, болѣе или менѣе, предавались надеждѣ. — Въ это самое время, за нѣсколько часовъ до приступа, Суворовъ получилъ письмо Римскаго Императора Леопольда, и, не читавъ, спрясалъ въ карманъ: душа его преисполнена была предшоявнымъ подвигомъ, и не могла вмѣщать въ себѣ инаго.

Онъ посвѣщилъ къ спорожевымъ огнямъ, чтобъ въ послѣдній разъ ободрить своихъ. Офицеры и солдаты грѣлись у огня, въ ожиданіи великаго часа. „Который полкъ?“ спрашивалъ онъ, приближаясь къ пылающему костру, и получивъ отвѣтъ, восклицалъ: „помилуй Богъ, славный полкъ! храбрые люди! съ ними я побѣдилъ непріятеля шамъ-шо, билъ Турокъ шамъ-шо: сегодня надѣлаюшь они чудесь!“ Сіи слова воспламенили воиновъ.

И Турки готовились къ бою. Узнавъ ошъ перемешчиковъ о близкой опасности, приняли они свои мѣры: приготовились къ ошпору, и провели ночь безъ сна, на валахъ.

Войско, назначенное на приступъ, состояло изъ трехъ отдѣленій, каждое изъ трехъ колоннъ: первое или правое крыло было подъ командою Генераль-Лейтенанта Павла Сергѣевича Пошемкина; второе, или лѣвое, Генераль-Лейтенанта Самойлова; третье, или морская сила Консръ-Адмирала Рибаса.

Первыя три изъ девяти колоннъ были подъ начальствомъ Генераль-Маіора Львова, Лассія и Мекноба; каждая изъ нихъ состояла изъ 150 стрѣлковъ и 4 или 5 баталіоновъ. Двѣ слѣдующія, подъ командою Генераль-Маіора Безбородка, состояли изъ 900 пѣшихъ Казаковъ и Арнаутовъ, предводительствуемыхъ Бригадирями Плашовымъ и Орловымъ. 2 пѣхотные баталіона составляли ихъ резервъ. Шестая колонна, состоявшая изъ 120 стрѣлковъ и пяти баталіоновъ, была подъ командою Генераль-Маіора Голенищева-Кушужева.

Со стороны Дуная, каждая колонна состояла изъ 1000 и до 2000 Казаковъ, поддерживаемыхъ тремя баталіонами регулярной пѣхоты. Начальниками оныхъ были Генераль-Маіоръ Арсеневъ, Ашаманъ Чепѣга и Бригадиръ Марковъ.

Волоньерами при семъ штурмѣ были: Принцъ Карлъ де-Ливъ, Полковникъ Дюкъ де Фронсакъ, (заслужившій попомъ, подъ

*

именемъ Дюка де Ришелье, благодарность двухъ народовъ), Графъ Ланжеронъ, Полковники Князя Лобановы-Росповскіе, Валеріанъ Зубовъ и другіе.

Вся конница, регулярная и Казаки, расположена была въ вершѣ опшуда, чѣмъ подоспѣшь въ надлежащее время. Самъ Суворовъ избралъ себѣ мѣсто среди колоннъ, чѣмъ легче обозрѣвать цѣлое и распоряжаться всѣми частями.

Ударило при часа ночью 11 Декабря — поднялась первая ракета. Всѣ изгошвились къ приспуу. Въ чешыре часа поднялась другая ракета: поспроились. Съ нешерпѣніемъ ожидали прешней и послѣдней: ровно въ пять часовъ поднялась она — и колонны двинулись.

Ночь была темная. Погода пасмурная; небо покрыто облаками. Въ густомъ шумѣ, видѣнь былъ только огонь Русскихъ орудій; онъ вскорѣ освѣшилъ горизонтъ, и опразился въ синихъ струяхъ Дуная. Лишь только прошан нѣсколько сажень за башарей, Турки, неспрѣлявшіе во всю ночь, спали производить съ своей стороны сильный огонь, озарившій остальную часть горизонта. При дальнѣйшемъ шествіи Рускихъ, ружейный огонь заблесталъ на всемъ пространствѣ вала: крѣпость представила зрѣ-

лице огнедышащей горы. Ужасная картина усугублялась общим воплем: „Алла!“ ошдававшимся въ окрестностяхъ города.

Колонны подошли съ сухаго пуши въ величайшемъ порядкѣ и совершенной тишинѣ, бысро спустились во рвы , гдѣ вода въ нѣкошорыхъ мѣстахъ была солдашамъ по плечи, съ неуспрашимостью бросили фашины, перешли и подняли лѣспницы къ валу, кошорый былъ шакъ высокъ, чшо должно было связывать по двѣ лѣспницы. Въ нѣкошорыхъ мѣстахъ это средство показалось слишкомъ замедлительнымъ: солдашы, горя нешерпнѣемъ сразишья, взлѣзали на валъ съ коропкихъ лѣспницъ, поддерживая другъ друга шшыками. Сшрѣлки каждой колонны ошавались на краю рва, и сбивали защитниковъ вала, кошхъ узнавали во шмѣ при блескѣ выспрѣловъ.

Около шесши часовъ, храбрый Генералъ Лассій со второю колонною, первый очушился на валу; первая и шрешья, долженшвовавшя поддерживать его, нашли великя шпруденія, и ошсшали. Лассій былъ ешъ-сненъ: сонны Турокъ, вооруженныхъ саблями, кинулись на него, чшобъ ошбросишь его въ ровъ: онъ держишья съ шрудомъ; опасность возрастаетъ. Но вопшь и двѣ ошсшальныя ко-

лонны взобрались на валъ, и спѣшашъ къ нему на помощь.

Особенно велики были затрудненія, которыя должна была преодолѣть первая колонна, сосшавленная изъ храбрыхъ гренадеръ Фанагорійскихъ: переправившись черезъ первый ровъ, встрѣпили они рядъ палисадъ, которыя должно было обходить по-одиначкѣ, потомъ надлежало перебраться черезъ другой ровъ, и наконецъ достигли до-перваго со стороны рѣки баспіона; поставили лѣспницы, ползли на присупѣ, поражая всѣхъ, комъ дерзали прошивишься; овладѣли баспіономъ, потомъ другимъ; много пренебрѣли ошъ огня съ каваліера, который щещенно шшурмовали, потомъ примкнули къ второй колоннѣ и удержались на валу.

Генераль Мекнобъ мужешвенно велъ шрешью: въ шо самое время раздробило ему ногу каршечью; онъ упалъ, умирающимъ голосомъ ободря сподвижниковъ. Мѣсто его занялъ Полковникъ Хвощовъ, и безпрепятшвенно поведъ вверхъ воиновъ, раздраженныхъ пошерю начальника.

Всѣ спарались превзойши другъ друга храброспію. Генералы и офицеры первые бросались во рвы, спавили лѣспницы, взлѣзали впереди, и воспламеняли солдатъ своимъ примѣромъ.

Неуспрашимый Кушуровъ скоро взошелъ бы на спѣну, если бь 4 и 5 колонны, долженспвовавшія подкрѣплять его, не нашли упорнаго сопротивленія. Сии колонны, состоявшія изъ спѣшенныхъ Арнаушовъ и Казаковъ съ укороченными пиками, пошли было смѣло впередъ, перебрались чрезъ ровъ, наполненный въ семь мѣспѣ водою, людямъ по плеча; полззли по лѣспницамъ, но щещино. Число Турокъ въ семь мѣспѣ было весьма велико, сопротивленіе ихъ опчаянно. Казаки, взбиравшіеся на валь, были обратпо повергаемы со спѣнъ. Уже шѣла ихъ начали наполнять рвы, какъ Турки съ грознымъ воплемъ: „Алла! Алла!“ сдѣлавъ быспрую вылазку съ боковыхъ баспіоновъ, кинулись во флангъ и въ пылъ наступавшимъ. Началась ужаснѣйшая сѣча. Всякъ сражался, какъ будто учаспѣ шого дня опъ него одного зависла. По перемежавшимся воцлямъ: *Алла!* и *ура!* догадывались, на чью спорону склоняется побѣда. Подполковникъ Яцунскій, съ двумя баталіонами Полоцкаго полка, состоявлявшими резервъ, бросился на врага. Примкнувшыи, двинулись они впередъ и, поражая всѣхъ сопротивниковъ, старались подкрѣпить своихъ шоварищей. Уже прошли они чрезъ ровъ; вдругъ палъ храбрый Яцунскій: новыя шолпы Турокъ смѣщали ряды без-

спрашныхъ; они поколебались. Въ сіе мгновеніе полковой Священникъ, поднявъ крестъ со знаменіемъ Спасителя, возгласилъ имъ побѣду именемъ Бога живаго, спавъ впереди рядовъ, и кинулся на Турецкія сабли. Ничто не могло противостоять воспламененымъ войнамъ; они опрокинули врага, завладѣли рвомъ и валомъ.

Дважды присупала Кушуровъ, дважды былъ онъ отражаемъ: большая часть его офицеровъ, множество солдатъ были побиты. Число Турокъ непрерывно возрастало. Суворовъ видя въ его бѣдствіе, и послѣдно велѣлъ ему сказать, что назначилъ его Командантомъ Измаила, и уже послалъ въ Петербургъ извѣстіе о покореніи сей крѣпости. „Съ нами Богъ!“ восклицаетъ Кушуровъ, и опять бросается впередъ. Нѣкоторыя отряды, снесенныя внизъ по рѣкѣ, обошли валъ съ береговой стороны, и отперли Килійскія ворота: наконецъ и Кушуровъ вошелъ въ крѣпость.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило при сухопутныхъ колоннахъ, морскія равномерно двинулись впередъ. Корабли стояли въ двухъ линіяхъ: въ первой находились регулярная войска, имѣя на флагахъ Казаковъ, во второй пловучія башарей и канонирскіе боны; они шли впередъ на веслахъ, подъ ужаснѣй-

шимъ огнемъ. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ берега, вторая линія примкнула къ обоимъ крыламъ первой, и сослала большое полукружіе, изъ коего смершь и гибель изрыгались на городъ. Подъ прикрытіемъ сего огня, произведена была высадка: слишкомъ десяти тысячъ Турокъ защищали эту сторону. Сопротивленіе ихъ было тщетно: въ 7 часовъ, всѣ сіи войска спали на сушѣ. — Здѣсь Принцъ-де-Линь былъ раненъ въ колѣно. Бригадиръ Марковъ велѣлъ вынести его изъ боя, и въ то самое время оторвало у него самого ногу.

Въ 8 часовъ, Россіяне овладѣли укрѣпленіями съ суши и съ рѣки. Городъ взятъ, приступъ конченъ: новая, ужасная брань возгорается на всѣхъ улицахъ, площадяхъ, въ мечешяхъ и въ домахъ.

Опчаяваясь въ спасеніи своей жизни, Турки хопѣли, по крайней мѣрѣ, продать оную какъ можно дороже. Особенно сильно было сопротивленіе въ нѣсныхъ улицахъ и въ ханахъ или восточныхъ гостиницахъ, обширныхъ, каменныхъ зданіяхъ, въ копорыя храбрѣйшіе солдаты удались съ пушками. Каждый изъ сихъ хановъ сдѣлался новою крѣпостью, копорую надлежало брать приступомъ.

Одинъ изъ сихъ хановъ, построенный весьма твердо, защищаемъ былъ съ необыкновеннымъ упорствомъ: непреклонный спарецъ Аудузлу-Паша, съ двумя тысячами отборныхъ Янычаръ и съ нѣсколькими пушками, бросился шуда, въ намѣреніи защищаться до послѣдней капли крови. Генераль-Потемкинъ отрядилъ шуда Полковника Зодошухина, съ баталіономъ Фанагорійскаго грендерскаго полка — храбрыхъ на храбрыхъ. Битва продолжалась здѣсь болѣе двухъ часовъ. Наконецъ пробили ядрами вороша: гренадеры бросились въ домъ; ничто ни могло имъ прошивостояшь; большая часть непріятелей пала; оспальные, нѣсколько сотъ чловѣкъ, сдались; въ числѣ ихъ и спарецъ Аудузлу. Они вышли на площадь; мимо-бѣгущій егеръ увидѣлъ богачый кинжалъ за поясомъ Аудузлу, и хощѣлъ ошнать; раздраженные симъ Янычары, еще необезоруженные, отшолкнули его. Въ этомъ смяшеніи ранили одного Русскаго Капишана. Гнѣвъ солдатъ вспыхнулъ: они бросились на Турокъ, и всѣхъ положили на мѣстѣ. Такимъ образомъ палъ Аудузлу-Паша.

Суворовъ, распоряжая всѣмъ, предвидя все, приказалъ ввезти въ городъ двадцать легкихъ орудій, чшобъ прекрашшь бой на улицахъ и покоришь ханы. Карпечный огонь

вскорѣ очисти́лъ улицы, и войска, при безпрерывномъ боѣ, мало по малу дошли до средины города. — Ко всѣмъ бастіонамъ, въ коихъ были пороховые запасы, приказаль онъ приставишь караулы: послѣдствіе оправдало сію предосторожность, ибо Турецкіе отряды неоднократно покушались пробраться въ бастіоны, зажечь порохъ, и собственною смершію купишь гибель побѣдоносныхъ сопроотивниковъ. Уже солнце поднялось высоко, а бой не прекращался. Почти каждый домъ надлежало брать присшупомъ. Изъ каждаго спрѣляли въ Русскихъ; и женщины, вооруженныя кинжалами и ножами, сражались какъ бѣшенныя, забывъ страхъ и опасность. Зрѣлище смерти и опустошенія представляется повсюду. Раздраженные солдаты, не внемля гласу Начальниковъ, жаждущь крови.

Около полудня, Генераль Лассій, первый изъ восшедшихъ на стѣну, первый вошелъ и въ средину города, и взялъ въ плѣнъ молодаго Сулшана Машсуда-Гирея, который, съ тысячью Ташаръ, храбро защищался въ Армянскомъ Монастырѣ.

Казаки 4 и 5 колоннъ и въ городѣ нашли сильное сопротивленіе. Капланъ-Гирей, посѣщавшій всюду, гдѣ грозила большая опасность, и примѣромъ своимъ одушевляв-

шій своихъ воиновъ, собравъ при дальнѣйшемъ вторженіи Россіянъ, нѣсколько тысячъ Ташаръ и Турокъ для послѣдняго опыта, и повелъ ихъ на врага. Сначала встрѣтился онъ съ отрядомъ Казаковъ, своеручно изрубилъ нѣсколько человекъ, и опьянелъ у нихъ двѣ пушки. Ободренный симъ успѣхомъ, идеши онъ впередъ при звукахъ дикой воинственной музыки, выражающей состояніе души его: два баталіона гренадеръ и одинъ егерскій являющіеся на помощь Казакамъ, и начинается опчаянная сѣча. Каптанъ, забывъ самого себя, вездѣ подаеши примѣръ: пашеро достойныхъ отца сыновей сражающіеся подлѣ него; всѣ пашеро падающіе предъ его глазами. И онъ ищетъ смерти: на приглашеніе къ сдачѣ, опшвѣпшвуеши сабельными ударами, и, поразивъ многихъ, покушавшихся взять его живаго, падаеши мершвъ. Въ сей день ничто не могло противостояти Россіянамъ.

Солдаты, раздраженные сильнымъ сопротивленіемъ, не щадили никого: разразились ужаснѣйшія спраски. Вездѣ убійство и грабежъ; вездѣ поднимающіеся груды мертвыхъ тѣлъ, воиновъ, женъ, дѣтей. Солдаты надѣвають на себя одежду богатыхъ Турокъ; склоняющіеся подъ шажестію драгоценной добычи, серебра, сабель и пистолетовъ. Хозяе-

ва богатыхъ лавокъ защищаютъ имущество свое до послѣдняго издыханія. Вездѣ домаюшъ, грабятъ, опустошаютъ дома; владѣльцы ихъ плаваютъ въ крови. Никто не могъ удержатъ опчальныхъ.

Въ два часа по полудни, всѣ войска достигли середины города. Суворовъ ввелъ 16 эскадроновъ конницы и 2 полка Казаковъ, чѣмъ довершилъ очищеніе улицъ, въ коихъ Турки еще сражались по-одиначкѣ. Нѣскольکو тысячъ собрались въ мечети, и опшуда угрожали разсѣяннмъ Россіянамъ. Рибасъ хладнокровно являешся предъ мечешью, и гордо приказываетъ имъ положить оружіе, если всѣ они не хотятъ пастъ подъ мечами. Они повинуются.

Еще защищался каменный бастіонъ: шамъ сражался прехъ-бунчужный, сѣдовласый Паша, Губернаторъ города. Ему предлагаютъ капитуляцію. Онъ спрашиваетъ, вѣтъ ли остальной городъ, и узнавъ, чѣмъ шамъ сопрошивленіе кончилось, опправляетъ парламеншера къ Рибасу. Самъ между шѣмъ садился на коверъ, и посреди развалинъ крѣпости, спокойно куритъ шрубку, какъ бы во время совершеннаго мира. За симъ сдаешся онъ въ плѣнь, и уступаетъ бастіонъ.

Въ 4 часа по полудни, побѣда была рѣшена, и Измаиль вѣтъ, послѣ самаго кро-

вопролишняго присшупа изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ новой Исторіи, послѣ присшупа, въ которомъ 28,000 человекъ напали на 38,000 въ крѣпости, покорили и испрелили ихъ.

Каждый офицеръ оказался героемъ; каждый солдатъ сражался какъ левъ, въ продолженіе десяти часовъ сряду, по нападаю, по пробиваясь, забывая опасность и гибель. И шь, копорые за 10 часовъ предъ симъ колебались въ успѣхъ, теперь шли побѣдителями въ крови побѣжденных: всѣ улицы и площади покрыты были Турецкими трупамн.

Бывшіе на присшупѣ Очаковскомъ, называли оный, въ сравненіи съ Измаильскимъ, дѣшскою игрою: здѣсь надлежало преодолѣть величайшія препяшствія; перебраться чрезъ глубокіе рвы, чрезъ высокіе круные валы, покрытые льдомъ, и побѣднть ошчаянную храбрость многочисленнаго гарнизона, не видѣвшаго средины между побѣдою и смертію. Побѣдители въ послѣдствіи съ изумленіемъ ужасомъ взирали на шь опасныя мѣста, по коимъ они вошли на крѣпость въ шемношъ ночной: казалось, что и днемъ шамъ пройши невозможно. Такимъ образомъ опасность и сшрасшъ возвышающъ человека надъ самимъ собою.

Послѣ шуму, шреску и грому, продолжавшихся нѣсколько часовъ, мало по малу насшупила пищина. Бишва кончилась; улеглись взволнованныя спрасши. Но часпные выспрѣлы продолжались во всю ночь: многіе Турки засѣли въ домахъ, погребахъ, сараяхъ и мечешяхъ: нѣкоторые изъ нихъ были побиты; другіе сдались. Многіе Турки скорѣе отдавали жизнь, нежели имущество.

Суворовъ немедленно отправилъ гонца къ Князю Пошемкину, которъ тогда былъ въ Бендерахъ, и могъ слышать пальбу подъ Измаиломъ. Реляція его соспоела въ слѣдующихъ словахъ: „Русскія знамена развѣваются на спѣнахъ Измаила.“ Императрица донесъ оны слѣдующими словами: „Гордый Измаиль палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества!“

На другой день, 12 Декабря, отправлено было благодарспвенное Господу Богу молебспвіе, при громѣ изъ завоеванныхъ пушекъ. Всѣ Генералы и офицеры присуспвовали при ономъ: обнидали и поздравляли другъ друга, проливая радоспныя слезы. Жизнь казалась имъ новымъ даромъ небесъ. Многіе, пропавшіе безъ вѣспи, явились, и успокоили друзей и поварищей. — По соверпеніи молебспвіа, Суворовъ посспшилъ къ главному

караулу, который занимали его храбрые Фанагорійскіе гренадеры; чепыреста человекъ изъ нихъ легли на мѣстѣ. Оспальные удостоились хвалы героя.

Генераль Кушуровъ назначень былъ Комендантомъ, какъ обѣщано было на приснупѣ. На вопросъ, сдѣланный Суворову, почему онъ поздравилъ Кушурова съ симъ мѣстомъ, когда дѣло еще не было рѣшено, онъ отвѣчалъ: „Суворова знаешь Кушурова, а Кушуровъ Суворова: Если бѣ Измаиль не былъ взятъ, то мы оба пали бы подъ развалинами.“ Къ тому прибавилъ онъ: „Кушуровъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою.“

Поперя Россіянъ была немаловажна, чего и надлежало ожидать при опчаянномъ сопривлєніи. Особенно пало много офицеровъ; почти всѣ они были изрублены саблями и совершенно обезображены. По первой реляціи, показано было убитыми 65 офицеровъ, ранеными 227, солдатъ убитыми 1830, ранеными 2500. Но въ послѣдствіи оказалось убитыхъ болѣе 4000, раненыхъ 6000; изъ 650 офицеровъ ранено было болѣе 400: сіе показаніе не покажется увеличеннымъ, если примемъ въ разсужденіе трудность предпріятія и упорность сопривлєнія.

Турокъ испреблено было 33,000 человекъ; въ пльнѣ взято 5,000, не считая множества женщинъ, дѣтей, Жидовъ, Армянъ и Молдаванъ. Въ числѣ пльнныхъ находился юный Максудъ-Гирей, одинъ изъ семи Султановъ, Губернашоръ Измаильскій и нѣскольکو другихъ Пашей. Изъ всего гарнизона ушелъ только *одинъ* человекъ. Онъ былъ легко раненъ, упалъ въ рѣку, схватилъ плавающую доску, и успѣлъ выйши на другой берегъ: опшуда видѣвъ паденіе крѣпости, и принесъ первую о томъ вѣсть Великому Визирю.

Пльнные Турки должны были убраться свои мершвыя шѣла, и побросать оныя въ Дунай; недосугъ было копать могилы. Убитыхъ Россіянъ предали землѣ по обряду Церкви. Убитый на присшупѣ Бригадиръ Рибоьеръ былъ погребенъ въ монастырѣ Св. Іоанна, подлѣ храбраго Вейсмана, падшаго въ прежнюю съ Турками войну.

Добыча была несмѣшная: въ крѣпости взяты 232 пушки, множество ядеръ, великое количество пороху, 345 знаменъ, кои почти всѣ обогрены были кровію защитниковъ, два санджака (Бендерскій и Измаильскій), коихъ во всей Турецкой Имперіи только пять; большое, богатое знамя Ташарскаго Хана, семь бунчуковъ, 250 знаменныхъ

древокъ: знамена изъ богатой маперіи сорваны были солдатами; множество съвсннхъ припасовъ и разныхъ поваровъ, свезенныхъ шуда изъ сдавшихся прежде него крепостей, 10,000 лошадей и пр. и около 10 милліоновъ рублей деньгами. Суворовъ, по обыкновенному своему безкорыстію, оказался ошъ участка при раздѣлѣ сей добычи, и удовольствовался шюю, которая не пропадетъ во вѣки — славою.

Такъ кончилось сіе предпріятіе, предъ конемъ смѣлость всякаго другаго воина оспановилась бы въ недоумѣніи. Въ шо же время доказано было, сколь важно на войнѣ пользоваться надлежащею минушою: днемъ позже, все покушеніе было бы шщешно; поднялась гусшюй шуманъ; земля сдѣлалась шшоль грязною и слизкою, что невозможно было бы взобратъся на валы: сія погода продолжалась во всю зиму.

Черезъ недѣлю послѣ шого Суворовъ возвратился въ Галацы. Кушшовъ остался въ Измаилѣ Коменданшомъ съ досшашочнымъ гарнизономъ; осшальные войска пошли въ Бендеры на зимнія кваршеры. Такимъ образомъ, блистательный подвигъ окончилъ незначемяшюю кампанію шого года.

Примѣръ и счастливый успѣхъ Суворова побудили въ послѣдствіи другихъ Гене-

радовъ, неимѣвшихъ его генія, водить солдатъ слѣпо, безъ надлежащаго пригосовленія, на приступъ и на гибель. Дѣло, удавшееся Суворову и одушевленнымъ его воинамъ, конечно будешь неуспѣшно шамъ, гдѣ нѣтъ сихъ нравственныхъ пружинъ. Приступъ къ Измаилу, предпринятый въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, не долженъ подавать повода къ пренебреженію медленнаго, но вѣрнаго и не столь кровопролитнаго хода правильной осады.

Впрочемъ сія побѣда, кромѣ другихъ послѣдствій своихъ, произвела два дѣйствія — безусловную довѣренность солдатъ къ побѣдителю, и ужасъ врага при одномъ его имени. Кто спрашивается, шось уже побѣжденъ вполонину. На войнѣ, какъ и въ мирѣ, рѣшишь не только физическая, какъ нравственная сила: сія послѣдняя должна бытъ возвышена всеми возможными средствами. Солдатъ, почишающій себя непобѣдимымъ, непобѣдимъ въ самомъ дѣлѣ: ужасъ предшесвуешь ему, и гоповишь побѣду. Къ шому недоспащочно дѣлѣ храбрыхъ, но обыкновенныхъ: нужны подвиги чрезвычайные, изумляющіе, оглушающіе воображеніе. Одинъ подобный ударъ производишь дѣйствія, продо-

жающіяся цѣлѣе вѣки — и шаковой ударъ
былъ приспунъ къ Измаилу.

Перевель В. ~~Иль~~.

Вильна, 15 Дек. 1824.

III.

КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

I.

РАЗБОРЪ ФОНЬ-ДЕРЬ-БОРГОВЫХЪ ПЕРЕВодовЪ РУССКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Любопышно послушать, какъ иностранцы, особенно Нѣмцы, ближайшіе сосѣди наши, судятъ о Русской Словесности, съ частію коей Господинъ фонь-дерь-Боргъ познакомилъ ихъ въ довольно удачныхъ и близкихъ переводахъ (*). И такъ выпишемъ, что въ 60 номеръ Литературныхъ Нѣмецкихъ Листковъ говорится при случаѣ появленія

(*) Эти переводы не въ примѣръ ближе къ подлинникамъ Французскихъ переложеній С. Мора и переложеній Англійскихъ Боуринга, изъ кошорыхъ послѣднія однако же заслуживающъ нѣкошорую признашельность.

сихъ переводовъ: во 1^{хъ} вообще о духъ нашей Поэзи; во 2^{хъ} о нѣкоторыхъ нашихъ Спихошворцахъ въ особенності. Сіи сужденія не во всемъ сходны съ шѣми, кошорья у насъ повшоряющся ежедневно, и попому-шо показались мнѣ досшойными нѣкошпораго вниманія.

„Новѣйшая Русская Изящная Словес-
 „носшь еще очень зелена: въ какомъ же об-
 „разѣ представляется она наблюдашелю? Въ
 „образѣ вышедшаго изъ ошроческихъ лѣпш
 „юноши нашего времени, кошораго къ спи-
 „хошворшву понуждаешъ молодосшь, а, мо-
 „жетъ бышь, и дарованіе; сей юноша по-
 „кушаешся высказашъ поэшическимъ язы-
 „комъ чувсшва свои, но вшо не совсѣмъ лег-
 „ко; посему онъ шрудное спараешся замѣ-
 „нишь менѣе шруднымъ, и вмѣшо чувсшвъ
 „обрабощываешъ мысли, а какъ глубокое раз-
 „мышленіе не ешъ сшязаніе первой моло-
 „досши, шо сначала довольсшвуешся про-
 „нищашельносшю и ошпроуміемъ, способно-
 „сшями, кошорья въ душѣ чловѣческой
 „окриляющся ранѣ прочихъ. Вошь почему
 „въ произведеніяхъ молодыхъ спихошворцевъ
 „вспрѣчаемъ сполько поучишельно-чувсшви-
 „шельныхъ изрѣченій. Обозрѣвая фонъ-дерь-
 „Боргово Собраніе, убѣждаемъ, что Русская
 „Поэзія ешъ подобный Поэшь-юноша. Сіе

„собраніе все почши соспавлено изъ поучи-
 „пельныхъ Одъ, Элегій, Посланій, Сапирь,
 „многословныхъ Балладъ и Сказокъ, въ коихъ
 „болѣе ума и описаній, нежели смѣлости во-
 „ображенія и пенлопы чувствва; кромѣ того
 „сіи произведенія вообще между собою до по-
 „го сходны, что Писателей распознаешь
 „только по опшѣнкамъ, а не по мощнымъ
 „какимъ опличіямъ.“ — Далѣ Нѣмецкій Кри-
 шикъ предупреждаетъ возраженіе, кошорое
 бы могли ему сдѣлать на счѣтъ эшого по-
 слѣдняго упрека: „Сходство сіе“ — говоришь
 онъ; „напрасно бы кто вздумалъ приписатьъ
 „самому Ф. Д. Боргу: онъ кажется, перево-
 „диль добросовѣстно, и сверхъ того вездѣ
 „оказываешся человѣкомъ искуснымъ, знаю-
 „щимъ.“ — Согласны! Согласны также въ
 шомъ, что много истиннаго въ строгомъ
 приговорѣ Кришика: но ужели не вмѣнишь
 въ вину Г. Переводчику выборъ подлинни-
 ковъ, чрезвычайно односторонній? выборъ, по
 видимому, только такихъ произведеній, та-
 кихъ Писателей, кошорые у насъ, за исклю-
 ченіемъ всѣхъ съ ними несходствующихъ, одо-
 бряющся извѣсною школою? — Именно со-
 вѣшамъ школы сей, ея, говорю, совѣшамъ
 и мнѣніамъ, кошорыми Переводчикъ явно ру-
 ководствовался при соспавленіи своего Со-
 бранія, должны мы приписатьъ изобиліе *вода-*

ной, вѣлой описательной лже-Поэзіи, коею преисполнены Фоль-дерь-Борговы переложенія. Такъ! наша Словесность молода: но и у насъ были и естъ Поршмы (хотя ихъ и немного) съ воображеніемъ неробкимъ, съ слогомъ немногословнымъ, неразведеннымъ водою благозвучныхъ, пусшыхъ эпипешовъ. Не говорю уже о Державинъ! — Но шаковъ наприжъ въ нѣкошорыхъ легкихъ своихъ стихошвореніяхъ Капенинъ, кошорого Баллады, *Мстиславъ*, *Убійца*, *Наташа*, *Лѣшій*, еще шолько пошчпшки, однако же (да не разсердяшся наши весьма хладнокровные, весьма ошпорожные, весьма не романшическіе самозванцы — Романшики!) по шю пору однѣ, можешъ бышъ, во всей нашей Словесности принадлежашъ Поэзіи Романшической. — Таковъ былъ нѣкогда Бобровъ, Поэшъ, кошорый, при счасшлливѣйшихъ обшпоящельствахъ, былъ бы, можешъ бышъ, украшеніемъ Русскаго слова, кошорый и въ шомъ видѣ, въ какомъ намъ являешся въ своихъ угрюмыхъ, незрѣлыхъ конечно созданіяхъ — ознаменованъ нѣкошорымъ дикимъ величіемъ. — Такова наконецъ госпожа Бунина, кошорой *Прогулка болящей* ешъ произведеніе, исполненное живой, глубокой скорби: Нѣмецкій Кришникъ, прочитавъ оную, согдася бы, что и у насъ иногда говоршшь

сильное чувство, незамѣнное ни модными словами, ни описаніями, ни оспроуміемъ.

Изъ Собранія Образцовыхъ сочиненій съ стихахъ Переводчикъ (см. 1 часть его переводовъ, 2й мы вовсе не знаемъ и, спало, о ней и не судимъ) извлекъ произведенія самыя вычищенные, самыя выглаженные, а посему-то одно съ другимъ столь сходныя! Гдѣ же на Русскомъ, какъ напри- мѣръ въ Державинѣ или Пепровѣ; и бы- ли какія неровности, онъ ихъ щцашельно *выправиль*, и шѣмъ лишилъ конечно недо- спашковъ, но недоспашковъ, иногда нераз- лучныхъ съ красочами, одному. Державину, одному Пепрову свойспвенными! —

Вопшъ почему, при всей вѣрности, при всемъ испианомъ достоинствѣ переводовъ г. фонъ-дери-Борга, они еще однообразіе своихъ подлинниковъ, вопшъ почему, ни по шѣмъ, ни по другимъ нельзя и не должно за- ключать о совершенномъ будшо бы однообра- зии всей нашей Поэзии! —

„Другое еще сходство представляется въ „сихъ стиховвореніяхъ вообще съ произведе- „ніями молодой Музы: въ бѣльшей части ихъ „нѣшъ жизни самобышной; подобно юношѣ, ко- „шорый, хошя бы и надѣленъ былъ дарованіями, „держишся, иногда и самъ не зная шого, признан- „ныхъ уже образцевъ, сии стиховворенія всѣ

„почти сушь подражанія чужой, а именно Фран-
 „цузской Словесности, а нѣкоторыя, преим-
 „ущественно позднѣйшія, подражанія и Нѣмец-
 „кой. — Господинъ фонъ-дербургъ, въ двухъ,
 „довольно толстыхъ книжкахъ, предлагаетъ
 „намъ примѣры, взятые изъ сочиненій 26-ти
 „Спихотворцевъ, родившихся между 1711 и
 „1799 годами, и слѣдовательно почти совер-
 „шенно исполняющихъ минувшее споль-
 „щеніе. — Всѣ они безъ исключенія испытали
 „рѣшительное на себя дѣйствіе Французской,
 „классической Словесности вѣка Людовика
 „XIV, даже касательно наружнаго образа
 „произведеній своихъ; Переводчикъ передалъ
 „намъ оный безъ всякаго измѣненія. Многія
 „изъ сихъ спихотвореній писаны Алексан-
 „динами; Оды Французскимъ, малоизмѣняю-
 „щимся элегическимъ размѣромъ (*); Басни
 „же, совершенно въ родъ Басень Лафоншено-
 „выхъ, спихами вольными. — Позднѣйшіе
 „Русскіе Спихотворцы конечно обнаружи-
 „ваютъ нѣкоторое знакомство съ Словесно-
 „стію Нѣмецкою, но, кажется, знаютъ ее

(*) Какой это особенный элегическій Фран-
 цузскій размѣръ? Мы его не знаемъ. Въ Одахъ
 же нашихъ господствовала (и по нѣкогда) деся-
 тиспишная, — каждый стихъ въ чешыре стопы
 — ямбическая шпрофа, вовсе не элегическая.

„преимущественно въ томъ видѣ , въ ко-
 „ромъ находилась подъ многоразличнымъ ино-
 „племеннымъ вліаніемъ, съ половины про-
 „шедшаго вѣка до появленія Гете. Сей же
 „последній, по причинѣ поучительнаго на-
 „правленія Русской Словесности, по видимо-
 „му, почти не встрѣчалъ въ оной ошголо-
 „сковъ пѣснямъ своимъ.“

Крипикъ не говоритъ здѣсь, объ удач-
 ныхъ и неудачныхъ подражаніяхъ *отдѣль-
 нымъ* стихотвореніямъ Гетевымъ: они у
 насъ конечно найдутся! Онъ говоритъ о
 произведеніяхъ, *созданныхъ* нами не по из-
 вѣстному какому образцу Гете, а въ духѣ
 его, съ его свободою. Примеры, можешь быть,
 лучше объясняешь мысль сію: и такъ поло-
 жимъ, что ни въ одной Трагедіи Озерова
 нѣтъ подражанія ни одной въ особенноти
 Трагедіи Вольперовой (*); но въ нихъ кра-
 соты и недоспашки одни и тѣ же. Эдипъ и
 Димитрій, Фингалъ и Поликсена изобрѣшены
 и обработаны въ духѣ Вольпера, какъ бы, въ-
 рояшно, самъ Вольперъ изобрѣлъ и обрабо-
 талъ ихъ.— Далѣе, въ Кавказскомъ Пльнникѣ
 и Бахчисарайскомъ Фонпанѣ, встрѣчаемъ

(*) Чего однако же, нельзя сказать о Дими-
 тріи Донскомъ, котораго, безъ сомнѣнія, подра-
 жаніе Танкреду.

мы, кромѣ нѣкопрыхъ явныхъ, довольно близкихъ подражаній Чайльд-Гарольду и Абидоской Невѣстѣ, нѣсколько, хошя и не много, мѣстѣ, которыя какъ будто вылились изъ пера самаго Бейрона. — Вошь, что нашъ Кришикъ называетъ ошголосками: признаемся, что и мы не помнимъ въ нашей Словесности такихъ ошголосковъ швореніямъ Геше.

Кришикъ, похваля фонъ-деръ-Борга за его извѣстія о жизни Русскихъ Писателей, выписываетъ изъ него нѣкопрыхъ занимательныя, но въ Россіи всѣмъ извѣстныя приключенія Ломоносова— и продолжаетъ:

„Переводчикъ увѣряетъ, что Ломоносовъ совершенно зналъ языкъ Нѣмецкій, чиналь того времени Нѣмецкихъ Спихошворцевъ, и рѣшился подражать имъ. Намъ напрошивъ кажется, что онъ болѣе писалъ по образцамъ Французскимъ, нежели Нѣмецкимъ; хошя, можеть бышь, и имѣлъ въ виду нѣкопрыхъ Германцевъ, особенно Геллерта и другихъ, копорые съ 1740 года, уже спали приобрѣшашъ извѣстность.“ (См. Ушреннее Размышленіе о Божіемъ величии.) „Но пусть послушающъ спрору, съ кошорой все Собраніе начинается.“

Слѣдуетъ переводъ первой спроры подражанія Юву довольно близкій, однако же

не совершенно равносильный *), Кришикъ за-
шѣмъ восклицаетъ :

„Здѣсь одежда и выраженіе безъ сомнѣ-
„нія Французскія: и невольно вспомнишь Жанъ-
„Баптиста Руссо или Ла-Мотта! — Въ Ве-
„чернемъ Размысленіи, мы находимъ болѣе
„Германскаго, находимъ что-то похожее на
„слозь и мысли Галлера.“

(Слѣдующъ при спрофы изъ сего Размы-
сленія).

„Оба (и Галлеръ и Ломоносовъ) иногда въ
„стихотвореніяхъ своихъ дѣлаются еспе-
„сиво-испытателями: но Переводчикъ правъ,
„когда, въ отношеніи къ другимъ, называетъ
„Ломоносова высокимъ; для большей части
„его преемниковъ недоспунны и его сила и
„полнота мыслей; онъ, правда, не слишкомъ
„богатъ чувствами, но почти всѣ прочіе
„на сей счетъ еще его бѣднѣ.“ —

Здѣсь осмѣлимся спросить: справедливъ
ли сей, столь рѣшительный приговоръ, со-
ставленный по двумъ, шремъ, много чешы-
ремъ или пяти, и (какъ уже замѣчено) не

---

*) Такъ напр. стихъ :

Durchdröhnt er mit dem Wort die Luft.

(онъ словомъ заставляетъ стонать воздухъ) не то,
что :

Словами небо колебалъ —

всегда лучшимъ стихотвореніямъ каждаго Писателя, удостоившагося перевода Господина фонъ-дёръ-Борга и сужденій Господина Кришика? — приговоръ, составленный по немногимъ сочиненіямъ нѣкоторыхъ только нашихъ Писателей и, не смотря на то, проспертый на всю Словесность Русскую?

Увѣрѣнъ, что безприсраспные Нѣмцы онаго не признають безъ дальнѣйшаго изслѣдованія: — мы же да воспользуемся тѣмъ, что есть справедливаго въ сихъ замѣчаніяхъ. Такъ! въ нашемъ Стихотворствѣ съ одной стороны слишкомъ много описательнаго, съ другой слишкомъ мало простоты, слишкомъ много умничанья и поученія. — Дадимъ волю чувству, котораго мы не лишены, но котораго *стыдимся*, благодаря привитымъ намъ правиламъ Французской Поэтики, сплошь составленнымъ изъ приличій, жеманства и принужденія, правиламъ, господствующимъ еще болѣе въ образѣ мыслей и предразсудкахъ нашихъ свѣтскихъ юношей, нежели даже въ книгахъ учебныхъ. У насъ люди свѣтскіе и понынѣ рабѣтспвуютъ передъ сими чужезычными законами, вопреки романтическому лепетанію, коимъ съ нѣкотораго времени бьютъ въ уши вспрѣчному и поперечному, ибо теперъ конечно бытъ, или по крайней мѣрѣ казашься Романшикомъ,

— обязанность всякаго любезника *). Да рѣшится наши Поэты не украшать чувства своихъ, и чувства вырвущаясь изъ души ихъ сподъ же сильными, нѣжными, живыми, пламенными, какими вырывались иногда изъ богатой души Державина? Но послушаемъ, что далѣе говоритъ нашъ Криптикъ. —

„Легкошью, дарованіемъ музыкальнымъ и лирическимъ, кажешся, всѣхъ болѣе надѣленъ Ипполитъ Теодоровичъ Богдановичъ, которой, будучи Секретаремъ при Польствѣ въ Дрезденѣ, можешь бышь пріобрѣлъ нѣкоторое Германское образованіе, Пѣсенька его: „*Минуло мнѣ пятнадцать*

---

*) Но что же за то и Романпизмъ всѣхъ ихъ, пишущихъ и непишущихъ? Онъ обыкновенно оснанавливается на Ла Маршинѣ, на Французскомъ переводѣ Бейрона, на Романахъ Вальшера Скоппа: нѣкоторые только когда-то и какъ-то заглядывали въ мелкія стихотворенія Шиллера и даже знаютъ, что Гете написалъ Фауста; одни смѣльчаки поговариваютъ иногда о Шекспирѣ, грозятся прочесть его, и охотно бранятъ Расина, ибо не въ силахъ ему просишь, что льпъ за б; буде желали прослыть людьми съ умомъ и со вкусомъ, буде желали участвовашъ въ свѣтскихъ рѣчняхъ о Словесности, непременно должны были знать наизусть ширады двѣ, три изъ его Федры или Гевелін.

„*лѣтъ!*“ прелесшна съ перваго стиха до по-
 „сѣдняго, и выдержишь сравненіе съ самыми
 „счастливыми бездѣлками, которыя мы (т. е.
 „Нѣмцы) можемъ предъявить въ семь родѣ!“

Каковы же здѣсь сужденія Господина
 глубокомысленнаго Нѣмецкаго судьи-словес-
 ника? — По одной милой, но ничтожной
 бездѣлкѣ, онъ Богдановичу передъ всѣми Рус-
 скими Писателями, приписываетъ самое
 большее, не только музыкальное, но и ли-
 рическое дарованіе! — Каково его Нѣмецкое
 щещеславіе? — Всѣмъ, что у насъ есть хо-
 рошаго, обязаны мы Господамъ Нѣмцамъ! И
 послѣ того Нѣмцы же упрекають Францу-
 зовъ въ надменности! —

„Всѣхъ ближе къ Французамъ *Сумаро-*
 „*кой* — (т. е. Сумароковъ), Княгиня, Кры-
 „ловъ, Басни коего писаны совершенно по
 „Лафонтенову образцу.“ — Что это зна-
 чить? И тѣ и другія писаны стихами воль-
 нымъ. Это такъ: но ужели въ произведеніи
 поэтическомъ нѣтъ ничего важнѣе стихо-
 сложенія? — Крыловъ по духу и слогу Ба-
 сень своихъ, самый народный изъ всѣхъ на-
 шихъ Писателей: въ нихъ едва ли есть что
 нибудь Лафонтеновскаго, и ровно ничего нѣтъ
 не Русскаго. —

„Спихотворныя произведенія славнаго
 „Россійскаго Прозанка — Карамзина зара-

„жены вялою нѣсколько сеншменпально-
 „спію. Переводчикъ выхваляетъ намъ испин-
 „но - Русское остроуміе фонъ-Визина: со-
 „мнѣваемся однако же, чшобы чшпашель со-
 „гласился съ нимъ, прочитавъ переложенный
 „имъ разговоръ фонъ-Визина.“ (Ссылка на
 273 стр. второй части Собранія.)

Не знаемъ, какой эшо разговоръ: но не
 думаемъ чшобы онъ былъ взятъ изъ Недоро-
 сля, а шо, надѣмся, Господинъ Кришикъ увѣ-
 рился бы въ справедливости похвалъ Пере-
 водчика фонъ-Визину.

„Иванъ Ивановичъ Дмипріевъ, безъ со-
 „нвнія, самый счастливый преемникъ, по лег-
 „кости—Богдановича, а по богатству мыслей
 „и величію—Ломоносова. Всѣмъ его стихо-
 „твореніямъ предпочитаемъ два: *Освобожде-
 „ніе Москвы и Ермака*. Но индѣ и у него
 „слишкомъ много словъ, а мѣстами замѣшна
 „Французская высокопарность (см. къ Вол-
 „гѣ).“ —

Радуемся, чшо Кришикъ отдаешь пол-
 ную и должную справедливость почтенному
 Нещору Стихотворцевъ нашихъ; но какъ,
 говоря о преемникахъ Ломоносова, забылъ
 онъ Державина, перваго Русскаго Лирика,
 генія, кошораго одного мы смѣло можемъ
 прошивопоставить лирическимъ Поэтамъ

всѣхъ временъ и народовъ? Но мы сами забываемъ, что для Г. Крѣпика — первый нашъ Лирикъ — кто бы шому повѣрилъ? — Богдановичъ! что, можешь бышь, онъ и не подозрѣваетъ существованія торжественныхъ Оды Ломоносова, которыя общѣльными, разсѣянными въ нихъ красочами не только взвѣщивающъ, но далеко превосходящъ извѣстныя Крѣпику Оды поучительныя; что онъ не только здѣсь, но вовсе не упомянулъ о Державинѣ; не упомянулъ также о Пушкинѣ, котораго имя въ 1825 году, кажется, могло бы, должно бы бышь уже извѣстнымъ всякому, судящему о Русской Словесности!

„Въ Романсахъ и Балладахъ Русскіе
 „Спихотворцы рѣдко возвышались надъ дан-
 „ными для оныхъ правилами Сульцера и
 „надъ сочиненіями въ семь родѣ Шибелера
 „и другихъ Нѣмецкихъ Писателей 18 спо-
 „льшія. Доказательствомъ сему могушь по-
 „служить *Свѣтлана* и *Дѣвнадцать спя-*
 „*щихъ Дѣвъ* Жуковскаго. Переводчикъ гово-
 „ришь, что слоги Жуковскаго, смѣль, кра-
 „шокъ, мощень: но шакowymъ по крайней мѣ-
 „рѣ нельзя названъ слоги послѣдняго произве-
 „денія. Лучше — *Пѣвецъ во станѣ Рус-*
 „*скихъ воиновъ* и *Теонъ и Эсхинъ* его же:
 „здѣсь встрѣчаемъ немного болѣе жизни, и

„въ способъ положенія нѣкоторое сходство съ Балладами Шиллера, коего творенія, какъ увѣряешь Переводчикъ, Жуковский хорошо знаетъ. Но самое благодѣтельное дѣйствіе Шиллеръ и вообще Нѣмецкая Словесность оказали на младшемъ изъ всѣхъ здѣсь, исчисленныхъ Стихотворцевъ, Кн. Вяземскомъ, который, вопреки Переводчику, отлучается болѣе чувствомъ, нежели (какъ увѣряешь насъ Г. фонъ-Боръ) остроуміемъ и умомъ проницательнымъ. Стихи его: *Къ друзьямъ*, и еще болѣе: *Къ N. N. на смерть сына*, подтверждаютъ наше мнѣніе.“ (Выписка изъ послѣдняго стихотворенія.) —

Хотя здѣсь Нѣмецкій Критикъ, по своему обыкновенію, сужденіе свое основываетъ на двухъ, небольшихъ произведеніяхъ Кн. Вяземскаго, однако же на сей разъ мы довольно съ нимъ согласны, и скажемъ любезному намъ Поэту со всею опроверженностію, къ которой онъ съ нашей стороны привыкъ: и мы увѣрены, что ему болѣе суждено дѣйствовать на сердце своихъ читателей изліаніями собственнаго сердца, нежели цеголять передъ ними ложнымъ и не рѣдко замѣшканнымъ остроуміемъ! —

Въ заключеніе Критикъ желаетъ, чтобы Г. фонъ-деръ-Боръ сообщилъ Нѣмцамъ почтеныя, непоповѣленные переводы нашихъ спа-

ринныхъ народныхъ Пѣсень, „въ которыхъ“ (будто бы) „говорился о богахъ древнихъ, Славянъ, прародителей Владиміровыхъ, вѣптяхъ его времени, которыхъ“ (будто бы) „бысть дышавъ глубокою заувывно-стию.“ — Мы не знаемъ *Пѣсень*, (ни даже *Сказокъ*), въ коихъ говорилось бы о богахъ Славянскихъ; также можемъ увѣрить Г. Критика и Г. фонъ-дёръ-Борга, что не всё наши старинныя Пѣсни заувывны: но раздѣляемъ отъ всего сердца просьбу перваго Г. фонъ-дёръ-Боргу, человеку съ истиннымъ дарованіемъ, просьбу, передать своимъ соотечественникамъ лучшія наши Пѣсни и Сказки народныя, особенно же *Слово о плку Игоревѣ*; — присовокупляемъ только желаніе, чтобы, при семъ важномъ трудѣ, пользовался Переводчикъ лучшими совѣтами, нежели какими руководствовался досель!

В. Кюхельбекеръ.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ Г. ПОЛЕВАГО.

Que dites-vous du livre d'Hermodote? — Qu'il est mauvais, répond Anthime; qu'il est mauvais. — Qu'il est tel, continue-t-il, que ce n'est pas un livre, ou qui mérite du moins que le monde en parle. — Mais l'avez-vous lu? — Non, dit Anthime. — Que n'ajoute-t-il que Fulvie et Mélanie l'ont condamné sans l'avoir lu et qu'il est ami de Fulvie et Mélanie.

La Bruyère.

Государь мой!

Будучи совершенно удаленъ по занятіямъ службы и Литературы не только ошъ всѣхъ журнальныхъ споровъ, но даже и ошъ чшенія Журналовъ, особенно же вашего Телеграфа, я очень удивился, услыщавъ, что вы упомянули въ немъ и обо мнѣ. — Не благодарю васъ за эту честь, которой я себя не желаю, но сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣчаній.

М. А. Дмишріевъ, назвавши меня *первымъ* изъ молодыхъ Московскихъ Спихотворцевъ, увлекся своею ко мнѣ дружбою. — Онъ былъ приспраспенъ, ошибся; но приспрасенія и ошибки такого рода скорѣе прощаюся, нежели тѣ, которыя происходятъ ошъ *другихъ* побуждений.

Я лучше васъ знаю, что превосходный паланшъ Г. Щепкина поддержалъ почти всѣ мои піесы. — Публика Московская также это знаетъ — и такъ не было вамъ нужды говорить это.

Кажется, вамъ хотѣлось похвалить *Лукавина*. Не благодарю васъ, потому, что хорошее въ этой пиесѣ принадлежитъ Шеридану, а несовершенства принадлежатъ мнѣ.

Вопреки вашимъ словамъ, я никогда не подражалъ Пикару; хотя, не во гнѣвъ вамъ, Пикарь часто достоинъ подражанія.

Пиесъ значительныхъ и оригинальныхъ вы можете ожидать отъ меня; но требовать въ правѣ только мои пріятели, а вы никогда не принадлежали и не будете принадлежать къ числу ихъ.

Чистая и перечисывающая сочиненія Гг. Кн. Шаховскаго, Хмельницкаго, Кокоскина и Загоскина, я всегда старался приблизиться къ нимъ легкостію и силою слога. — Если бы Гг. Жандръ и Павловъ написали Комедіи также хорошо, какъ написаны ими *Вьндеславъ* и *Марія Стуртъ*, то я за честь бы поставилъ себѣ подражать имъ; но они, къ сожалѣнію, не занимались Комедіями. — Г. Дунина-Борковскаго я знаю только по отрывкамъ изъ перевода *Школы-мужей*, и право, изъ нихъ нѣчему научиться. Г. Грибоѣдову я не стану подражать въ слогъ потому, что нашель себѣ другіе образцы. —

Люблю и уважаю Г. Райча, какъ Автора и человека; наслаждаюсь его переводомъ *Георгикъ* и отрывками изъ *Освобожденнаго*

Иерусалима, но, къ сожалѣнію моему, нигдѣ не читалъ его *лирическихъ* стихотвореній, и ошъ него не слыхивалъ, чшобъ онъ упражнялся въ *впомъ* родъ. Ни ошъ кого еще, кромѣ васъ, не слыхалъ о успѣхахъ Г. Шевырева въ *Поэзіи*.

Совершенно согласенъ съ вами, что *Воденіа* есть бездѣлка; но бездѣлка дѣлающая удовольствіе публикѣ, гораздо лучше и важнѣе сухихъ журнальныхъ спашей и плохихъ переводовъ.

Вы сами себя противорѣчите, сказавъ сперва, что не знаете, кто *Московскіе* Стихотворцы, и кто *молодѣ* и кто *старѣ*, а послѣ называя *Подполье*, живущихъ въ *Москвѣ* и *недавно* выступившихъ на подприще.

Вы называете мои подражанія Скрибу *вздорными*. Неразборчивость ваша въ выраженіяхъ дала бы и мнѣ право назвать *вздорными* вашъ *Журналь*, и, можешь быть, съ бѣльшимъ основаніемъ; но я не хочу подражать вамъ, а только прошу, пока вы волею или неволею не спянете соблюдать приличій, прошу избавить меня ошъ помѣщеніа имени моего въ *Телеграфѣ*.

Послѣ сего вы уже догадаетесь, почему и Г. Даміріевъ не хотѣлъ съ вами соспязаться.

Слуга вашъ

Александръ Писаревъ.

Москва, 30 Іюля 1825.

ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРЕКАЛЧКА.

I.

Прибавленіе къ статьѣ: *Еще на одну статью Дамскаго Журнала (См. С. О. 1825, кн. II, стр. 294.)*

Защитникъ спашьи Г. Воейкова, (подъ заглавіемъ *Образецъ Краснорѣчія*, помѣщенной въ 7 кн. Дамскаго Журнала), подписывающійся *Владиміромъ Елагинымъ*, изъ Пензы, напечаталъ еще спашью въ 15 кн. Д. Ж., изъ села *Астафьева*, въ видѣ письма на мое имя. Долгомъ поставляю оповѣчать, но не Г. Елагину, ибо его существованіе болѣе нежели сомнительно, а вообще для шѣхъ чинашелей С. О., когорые обращали вниманіе на этошъ споръ.

Защитникъ Г. *Воейкова* опровергаетъ мое оправданіе Г. *Вулгарина* слѣдующимъ образомъ:

1) „Дѣло шао о Поэзіи Г. *Перевощикова* а стихъ:

Здѣсь *Калдирое* съ *Корезомъ* сномъ покояшся
вѣчнымъ и проч.
есть чужой стихъ. Гдѣ же опроверженіе?
гдѣ же правость *Фаддея Венедиктовича*?“

Вошь опроверженіе: эштошь стихъ (равно какъ и все эшо стихошвореніе), *написанъ Г. Перевощиковымъ*, который и самъ, молчаніемъ своимъ, подтвердилъ сіе показаніе. Время не ушло: если эштошь стихъ чужой, то почтенный Г. Перевощиковъ можешь рѣшивъ споръ однимъ словомъ.

2) „Для показанія, что во второмъ изданіи Образцовыхъ Сочиненій, порядокъ-піесь перемѣненъ, и много прибавлено новыхъ, напечапано (въ II кн. С. О.) оглавленіе пяшой часши сей книги, а **Θ!** В. произнесъ свой судъ о двухъ первыхъ часпяхъ, въ коихъ порядокъ и выборъ стихошвореній оспался совершенно шопъ, какой находился въ первомъ изданіи. Гдѣ жъ опроверженіе?“

Здѣсь. Въ 7^й книжкѣ Д. Ж. сказано опшюдь не о первой и о второй часпяхъ Образцовыхъ Сочиненій, а обо всемъ Собраніи: „Смѣемъ увѣришь почтенную опечестивенную публику, что *во второмъ изданіи*, порядокъ и выборъ стихошвореній оспался прежній, ш. е. совершенно шопъ, какой находился въ *первомъ*, безъ малѣйшей перемѣны и переспановки.“ О первыхъ ли шолько двухъ часпяхъ здѣсь говоршся?— Сверхъ шого и въ первыхъ двухъ часпяхъ ешь зна-

чисельные варианты (*). Слѣдственно, Г. Булгаринъ и въ семь случаевъ былъ совершенно правъ.

(*) Въ изданіи *Образцовыхъ Сочиненій* 1822 года, противъ изданія 1816 года, *выпущены* слѣдующія стихотворенія : въ 1 помѣ : 1. Рабство, соч. Капниста. 2. Счастливецъ, Башюшкова. 3. Властители и судьямъ, Державина. 4. Скоропечность юности, Гнѣдича. Во второмъ помѣ : 1. Къ Лилѣ, Башюшкова. 2. Разлука, Башюшкова. 3. Пѣсня : На листочкѣ нѣжной розы, Коспрова. 4. Пѣсня : Мы желали и свершилось, Карамзина. 5. Пѣсня : Въ чемъ я виненъ предъ тобою? Мерзлякова. 6. Романсъ : Осень блѣдная въ поляхъ. 7. Мудрость, Давыдова. 8. Веселый часъ, Башюшкова. 9. Пѣсня : Ты проходишь, дорога. — *Прибавлены* слѣдующія : Въ 1-мъ помѣ : 1. Приглашеніе къ обѣду, Державина. 2. Надежда, Башюшкова. 3. Къ кораблю, Милонова. 4. Финляндія, Барашинскаго. 5. Подражаніе 45 Псалму, Шапрова. 6. Къ судьбѣ, Мерзлякова. 7. Гробница, М. Дмишріева. 8. На коварство, Державина. 9. Прошедшее, М. Дмишріева. 10. Элизіумъ, Жуковскаго. 11. Совѣсть, Плешнева. 12. Подражаніе Псалму XIV, Шапрова. 13. На рожденіе Гремиславы, Державина. 14. Надежда, изъ Шиллера, М. Дмишріева. Во 2-мъ помѣ : 1. Тоска сельской дѣвушки, Мерзлякова. 2. Чувство разлуки, Мерзлякова. 3. Ода на смерть Князя Купузова, Державина. 4. Богъ въ нравственномъ мірѣ, Восшокова. 5. Къ папріотамъ,

3) „Я доволенъ сознаниемъ, что Драмы *Борисъ Годуновъ* не существуетъ (*). Но, будетъ ли имъ доволенъ Ѳаддей Венедиктовичъ?“

Надѣюсь. — Одинъ Корреспондентъ въ № 15 Сѣв. Пч. назвалъ Драмою *Борисъ Годуновъ* Драму *Бояринъ Матѣевъ*, и самъ чрезъ два дня прислалъ о томъ замѣчаніе, которое напечатано въ 4 кн. С. О. Защитникъ, Г. Воейкова вывелъ изъ сего, что Г. Булгаринъ не читаетъ книгъ, которыя кришкуютъ. Забавно!

4. „Я доволенъ сознаниемъ, что Ѳ. В., говоря о спискѣ военныхъ Генераловъ, могъ же досмотрѣть, могъ ошибиться; ибо онъ человекъ.“

Точно такъ! Изъ этой ошибки даже (Г. Булгаринъ, вмѣсто того, чтобы сослаться

Мерзлякова. 6 и 7. 2я и 3я Тиршеевы Оды, Мерзлякова. 8. На переходъ Альпійскихъ горъ, Державина. 9. Спутники жизни, Милонова. 10. Ласпочка, Державина. 11. Подражаніе 127 Псалму, Шапрова. — Многіе жалуются, что наша Литература не оригинальна — несправедливо! Спрашиваемъ: гдѣ и когда возможно было такъ смѣло утверждать то, въ опроверженіе чего довольно сказать нѣсколько словъ! Г.

(*) Но довольна ли Русская Грамматика этимъ родинельнымъ падежемъ?

на 13 странику, привелъ 5^ю) именно явствуетъ, что Г. Булгаринъ читалъ сей списокъ, и что онъ блиноду не крипикуетъ книгъ, коихъ не читалъ, какъ сказано въ обвиненіи.

За симъ защитникъ Г. Воейкова весьма *невинно* и *живописно* опклоняетъ отъ себя обязанность отвѣчать на оспальные пункты моего возраженія: „У насъ-де рабочая пора: удобряемъ землю, пашемъ парь, поземъ пшеницу и готовимся къ снокоосу, а потому нѣтъ у меня свободного времени отвѣчать на другіе пункты ваши; но имѣю честь васъ увѣрить, что ни одной епроки не оставлю безъ опроверженія. У насъ въ Ильинъ день престольный праздникъ, и крестьяне три дни не работаютъ: тогда постараюсь удѣлать отъ хозяйственныхъ заботъ своихъ нѣсколько часовъ, для убѣжденія васъ и пр.“

Но уже насупидъ Сентябрь мѣсяць, а доказательствъ нѣтъ! Теперь г. помѣщикъ скажетъ вѣроятно: „насупили упренники, холодно; воображеніе мерзнетъ.“

Для убѣжденія читателей въ томъ, что спорная статья писана именно въ Пензѣ, и Владиміромъ Елагинымъ, предложилъ и Авдору оной оправдаться, означивъ, въ какомъ ему угодно Журналѣ, свой чинъ, долж-

ность и мѣсто жительства, какъ сдѣлано мною. И что онъ оповѣчаетъ на это?

„На изъявленное вами сомнѣніе о моемъ существованіи, предлагаю неопразимое доказательство: пишу — следовательно существую.“

Доказательство превеликолѣпное! Иванъ пишетъ; следовательно Антипъ существуетъ! Теперь позволено и мнѣ сказать: я доволенъ этимъ сознаниемъ! Теперь можно догадаться, кто пишетъ спашьи въ защиту Г. Воейкова. Повторяю: двухъ фениксовъ быть не можешь (*).

Николай Гречъ.

Сентября 1. 1825.

Никольское.

(*) Прошу позволенія чинамелей моихъ выписать окончаніе этой спашьи Дамскаго Журнала: оно вовсе не относится къ Литературѣ, но я не могу умолчать объ этомъ: „Теперь опашаешь мнѣ (пишешь мнимый *Вл. Елагинъ*) поблагодаришь васъ, М. Г., за уведомленіе, что вы служите въ Императорской Публичной Библіотекѣ; вопъ это для насъ новостъ. Мы, деревенскіе жители все полагали, что вы и нынѣ находишь при той же должности, при которой находились въ концѣ 1820 года. Зачѣмъ

О статьѣ въ Іюльской книжкѣ Новостей Литературы, издаваемыхъ Г. Воейковымъ.

О Журналистахъ я не скажу ни слова: это шаковой народъ, кошорый умѣеть повериваться на всѣ стороны, особливо шуда, куда вѣшеръ дуешь; словомъ, это живые или ходячіе флюгеры.

Олимп. Нов. Лист. Авг. 1825, стр. 99.

Въ сей книжкѣ напечатана спашья: О шестомъ путешествіи по Россіи Издателя

же вы покинули должность, кошорую опправляли съ такимъ вождельнымъ успѣхомъ?.....“
Изъ эшихъ спрокъ и шочекъ, иной можеть заключишь, что я опспавленъ, исключень, изгнанъ изъ службы. Долгомъ посшавляю сказашъ, что я имѣю честь служишь въ Императорской Публичной Библиотекѣ съ Мая мѣсяца 1817 года. Ошъ должности же, кошорую опправлялъ въ концѣ 1820 года, уволенъ я по шой причинѣ, что самое мѣсто, кошорое я занималъ, было упразднено. Съ успѣхомъ ли я опправлялъ должность сію, судишь не смѣю, но знаю, что за десятиимѣсячное прохождение оной, удостоился я получишь при увольненіи, весьма значительное Высочайшее награждение, и вскорѣ зашѣмъ былъ произведенъ за опличіе по службѣ въ настоящій чинъ. — Повшоряю извиненіе мое предъ читателями, что занимаю ихъ сими подробностями: я при-

Отечественныхъ Записокъ (*), въ коей, между прочимъ выписаны многія мои сужденія о благонамѣренныхъ и общепользныхъ трудахъ почтеннаго П. П. Свиньина. Мнѣ прилично было видѣть, что мнѣнія мои, выраженные опкровенно и безъискусственно, приведены на память отечественной публикѣ. Я корешко знаю П. П. одиннадцать лѣтъ, всегда былъ съ нимъ друженъ, всегда старался способствовать его трудамъ, и съ благодарностью принималъ его любопытныя спашья. Я никогда не писалъ о трудахъ Павла Пепровича ничего такого, что могло бы противорѣчитьъ исчисленнымъ въ сей книжкѣ Н. Л. похваламъ, а если помѣщалъ чужіи критическія спашья на его изданіе въ моемъ Журналь, то дѣлалъ сіе по обязанности: я и на свои спашья неоднократно печаталъ у себя же возраженія. Мнѣ жаль и со вѣсно только, что въ 12 кн. С. О. 1821 г. я позволилъ тогдашнему моему сотруднику (А. Θ. Воейкову) напечатать неоснователь-

---

нуждень къ тому! Но погет теѣт неміні даво!
— Впрочемъ, и эта замашка защитника Г. Воейкова подтверждаетъ мою догадку, *къмъ* пишущся сіи спашья Дамскаго Журнала. Н. Г.

(*) Т. е. *О шестомъ путешествіи Издателя О. З. по Россіи.*

ное мнѣніе объ Отчественныхъ Запискахъ къ счастью, Г. Свиньцъ (въ О. З. 1821 г.) умѣлъ торжественно отразить всѣ несправедливыя нападенія нынѣшняго Г. Издателя *Новостей Литературы*.

Долгъ плашемъ красенъ! Въ изъясненіе благодарности за семь ссылокъ на мои сужденія, приведу двѣ ссылки на Г. Воейкова. Вотъ, какъ постоянно и единообразно онъ судишь о книгахъ:

Рускій Инвалдъ на 1822. годъ,
№ 190 стр. 758.

Дамскій Журналь,
1825, кн. 7 стр.

Мы пользуемся симъ случаемъ, чшобы ондашь полную справедливосшь сему Журналу, коего богатое, разнообразное и любопытное содержаніе не только оправдало, но даже и превзошло ожиданія наши. *Сѣверный Архивъ* не принадлежитъ къ числу вѣременныхъ явленій въ ученомъ свѣтѣ, копорыхъ крашкременный блескъ служишь перѣдко предвѣстникомъ скороаго и всегдашняго забве-

Сѣверный Архивъ—Журналь, копорый, по сущоспи своего содержанія, дурному слогу и чрезвычайной дороговизнѣ, мало извѣсненъ, еще меньше раскупаешся, и читашся только спрашными и охотниками до древностей и ли-

нія. Изданіе Г. Булгарина перашурныхъ пойдешъ на ряду съ Древнею Россійскою Вивліою, и занявъ почешное мѣсто въ Россійскихъ книгохранилищахъ, приобрьпешъ себѣ съ лѣшами еще большую и посшоянную цѣну.

А. Воейковъ.

А. Воейковъ.

Если со временемъ Г. Воейковъ спанешъ еще судишь о Сѣверномъ Архивѣ, шо мы не преминемъ сообщишь о шомъ нашимъ чипашелямъ: не знаемъ, на которую спшорону лягутъ будущія его сужденія. — Tempora mutantur!

Николай Гречъ.

Сентября 1. 1825

Никольское.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. N° XVIII.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КВИТАНЦІЯ ПОСЛѢ СМЕРТИ, П О В Ъ С Т Ь ,

РАСКАЗАННАЯ СЛѢПЫМЪ СКРИПАЧЕМЪ (*).

(Изъ *Редгонтлета*, Романа С. Вальтера Скотта.)

Вы конечно слышали о Сиръ-Робертѣ Редгонтлетѣ, который жилъ въ нашей спорнѣ до дорогихъ годовъ? Здѣшній край долго его не забудешь: опіцы наши чушь смѣли дышашь, когда слышали его имя. Онъ былъ вмѣстѣ съ горцами во время Монроза, и его видѣли еще въ горахъ съ Глинкерномъ въ

(*) Въ сей Повѣсти читашель увидишь живое изображеніе шариннаго суевѣрія и раздоровъ въ Шотландіи. Безприсраспные наблюдатели нравовъ, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, справедливѣе оцѣняшъ пользу просвѣщенія, которое испребляешъ ненависть къ людямъ и вредные предразсудки. Съ симъ намѣреніемъ написанная Повѣсти, при всей спранныости ихъ содержанія, могушь бышь занимашельны. Не надобно шолько шеряшъ изъ виду цѣли оспроумнаго Авшора.

1652 году: за то, когда Король Карль II возвратился, то кто у него былъ въ болѣешей милосннн, какъ не Лердъ (*) Редгоншлешъ? Оуъ былъ произведенъ въ рыцари при Лондонскомъ Дворѣ, собственною рукою Короля, и бывши изъ самыхъ горячихъ защитниковъ Епископской ереси (**), прибылъ сюда, сердитъ какъ левъ, въ званнн Намѣстника Графсшва и съ порученнмъ выжитъ всѣхъ Виговъ и всѣхъ нѣхъ, которые прнняли спорону Парламенша (Covenant). Спрашное было тогда время, поному, что Виги были сколько же безпокойны, сколько Кавалеры (***) упрямы, и между ними бывало кто первый напааь, топъ и правъ. Редгоншленъ всегда хотѣаь брашь силою; имя его также сшало извѣсно въ здѣшней споронѣ, какъ имена Клевергоуза и Тома Далейя. Ни долина, ни ушесь, ни пещера не спасали бѣдныхъ нашихъ горныхъ жншелей. Редгонш-

(*) Лердъ (Laird) у Шотландцевъ значншь пошн по же, что Лордъ у Англичанъ. *Перев.*

(**) Это говорншь иновѣрецъ, слѣпой музыкантъ, привязанный къ признанной въ Шотланднн Протестантской Пресвитерской Церкви, которая такъ называется въ прошивуположеннн Англнйской Епископской. *Перев.*

(***) Кавалерами назывались въ Англнн дворяне Римско-Католическаго исповѣдання, приверженцы Спнуаршова Дома. *Перев.*

по спѣнамъ, въ трубахъ и на спарыхъ баи-
няхъ, гдѣ совы свили себѣ гнѣзда. Сирь-
Джонъ замаялъ это дѣло, и похороны были
ошправлены, пакъ, что ни чершей, ни
духовъ при томъ уже и въ поминѣ не было.

Когда же все было кончено, и новый
Лердъ началъ приводить свои дѣла въ поряд-
докъ, дано было знать каждому аренда-
тору, чшобъ явился для уплаты недоимокъ
по своимъ наймамъ. Тогда и у дѣда моего
пошребовали денегъ за два срока, которые
съ него причисались по записной книгѣ
Сирь-Роберта. Тотчасъ онъ бросился въ за-
мокъ пересказать свой случай; его ввели къ
Сирь-Джону, который сидѣлъ въ опцов-
скихъ креслахъ, въ глубокомъ шраурѣ, съ
полспымъ галспукомъ на шеѣ и проегран-
ною шпаженкою при бедрѣ, вмѣсто большой
спаринной сабли его родителя: эша сабля,
съ клинкомъ, рукояшкой и ножнами, была
по меньшей мѣрѣ въсомъ во сто фуншовъ. —
Мнѣ пакъ часто пересказывали ихъ разго-
воръ, что право кажешся, будшо я самъ
при томъ былъ; а я тогда еще и не родился.

(Въ самомъ дѣлѣ, Алень, спарый мой
спушникъ, презабавно подражалъ льспивому,
умильному напѣву арендашора, и лицемѣр-
ной печали, съ какою Лердъ опвѣчалъ ему.
По словамъ слѣлаго музыканша, дѣдъ его,

говора съ Лердомъ, упялилъ глаза на роковую расчешную книгу, какъ будто бы принялъ ее за *буль-дога*, который рычишь и мѣшишь ухватишь его за горло).

„Очень радуюсь, Сирь-Джонъ, что вижу васъ на прародительскихъ вашихъ креслахъ; поздравляю васъ съ полученіемъ богатаго здѣшняго помѣстья, и желаю вамъ бѣлаго хлѣба вдоволь. Родитель вашъ былъ добрый господинъ, Сирь-Джонъ; вы также очень достойны донашивать его башмаки, — должно бы было сказать сапоги, пошому что онъ никогда не хаживалъ въ башмакахъ, а только иногда въ мѣховыхъ туфляхъ, когда у него была подагра.“

— „Ахъ, Спины!“ сказалъ Лердъ со вздохомъ и утеръ себѣ глаза платкомъ: „ощецъ мой умеръ скороспично; здѣшняя сторона его смершью много пошеряешь. Нѣкогда ему было и дѣлъ своихъ успроишь; но я надѣюсь, что онъ хорошо пригошовился предъ судомъ Божіимъ, а это всего важнѣе, хоть онъ мнѣ и оставилъ много узловъ раслушывать. Хмъ! хмъ! приступимъ къ дѣлу, Спины! Мнѣ нѣкогда шеряшь времени по пущому.“ —

Съ этою рѣчью раскрылъ онъ проклятую расчешную книгу. Я слыхалъ о какой-то книгѣ Суда, и увѣренъ, что это рас-

счётная книга должниковъ, пропустившихъ сроки.

— „Спинни“,“ сказала Сиръ-Джонъ, все тѣмъ же тихимъ, медовымъ голосомъ: „Спинни Спинсонъ, за тобою здѣсь есть цѣлый годъ недоимки по арендѣ, которую ты долженъ былъ уплатить въ минувшій Маршиновъ день.“ —

Спинни. Не во гнѣвъ вашей чести, Сиръ-Джонъ, я уплатилъ ее покойному вашему бапюшкѣ.

Сиръ-Джонъ. У тебя есть конечно въ томъ квипанція, Спинни, и ты можешь мнѣ показать ее?

Спинни. Мнѣ нѣкогда было получить ее, ваша честь. Чуть только положилъ я на эпошъ самый сполъ деньги, а Сиръ-Робертъ принялся было ихъ считать, чтобы дать мнѣ въ нихъ расписку, какъ вдругъ сдѣлался ему припадокъ, отъ котораго онъ и умеръ такъ скоропоспѣжно.

— „Жаль“,“ сказала Сиръ-Джонъ, съ минутой помолчавши: „но вѣрно былъ же какойнибудь живой человекъ свидѣтелемъ, когда ты платилъ? Я прѣбую отъ тебя доказательспва, talis qualis, Спинни; мнѣ не хотѣлось бы поступить по всей строгости съ добрымъ человекомъ.“ —

Спини. „Право, Сиръ-Джонъ, въ комна-
тѣ былъ тогда только Дугаль-Макъ-Кал-
лумъ, погребщикъ; а ваша честь знаете,
что и онъ отправился на пошъ свѣтъ за
старымъ своимъ господиномъ.

— „И еще разъ жаль, Спини,“ сказала
Сиръ-Джонъ, всё пѣмъ же голосомъ безъ
всякой переменны: „пошъ, кому шы, по сло-
вамъ своимъ, заплашилъ, умеръ; свидѣтель,
на копораго шы ссылаешься, что былъ при
уплашъ, шоже умеръ; денегъ, копорымъ
должно же гдѣ нибудь да бышь, никпо не
видалъ: какъ же шы хочешь, чтообъ я вѣ-
рилъ всему этому?“

Спини. Не знаю, ваша честь; только
вошъ маленькая цыдулка о разныхъ моне-
тахъ, какія были въ мѣшкѣ. Я занялъ эти
деньги у двадцати человекъ, и каждый изъ
нихъ можешъ присягнуть, что я ему ска-
зала, на какую нужду занимаю.

Сиръ-Джонъ. Я ни сколько не сомнѣва-
юсь въ пошъ, что шы заняла, Спини, да
дѣло идепъ о плашежѣ: въ немъ-то мнѣ ну-
жно ошъ себя какое-либо доказательство.

Спини. Деньгамъ должно бышь гдѣ ни-
будь въ домъ, Сиръ-Джонъ; а какъ ваша
честь никогда ихъ не видала, и его честь
покойный Лердъ не могъ унести ихъ съ со-
бою въ могилу; шо станется, что изъ лю-

дей вашихъ который нибудь и знаешь, гдѣ они.

Сирь-Джонъ. Мы ихъ спросимъ: справедливость того требуешь.

Но слуги и служанки, пажи и конюха, все сказали на острѣзъ, что вовсе не видали такого мѣшка съ деньгами, о какомъ рассказывалъ мой дѣдушка. На бѣду еще, онъ въ тѣ поры ни одному изъ нихъ не сказалъ, что пришелъ расплашиться за наемъ. Одна служанка запримѣшила только, что онъ несъ что-то подъ полою; и она подумала, что это была его возынка.

Сирь-Джонъ Редгонплешъ велѣлъ людямъ своимъ выйти, а самъ сказалъ моему дѣду: „видишь ли, Спини, какъ я охотно все дѣлаю къ своему оправданію; но по чистой совѣсти, думаю, что самъ ты лучше всехъ знаешь, гдѣ опыскать деньги. Такъ совѣшую тебѣ, для собственной твоей пользы, больше не опинькиваться, а заплатишь или убираешься вонъ, Спини.“

— „Богъ васъ проститъ за то, что вы замышляете!“ отвѣчалъ Спини, не зная болѣе, что сказать: — „я честной человекъ.“

— „И я также,“ перервалъ Лердъ: „и надѣюсь, что и все, живущіе въ здѣшнемъ домѣ, тоже честные люди.“ Помолчавши съ полминуты, прибавилъ онъ посуровѣе: „Ес-

ли между нами есть плусть, такъ это дол-
женъ быть пошъ, кто рассказываетъ о
накомъ дѣлѣ, котораго не можешь доказать.
Я тебя понимаю отлично: ты хочешь вос-
пользоваться вздорною молвою, которую
разсѣяли о нашей фамилиі, именно о смер-
ти моего отца, и шель думаешь отдѣлаться
отъ уплаты за наемъ аренды, а можешь
быть, еще и повредишь доброй моей славъ,
давая черезъ то разумѣшь, будто бы я по-
лучилъ деньги, которыхъ отъ тебя требую.
Гдѣ жъ, по своему, эти деньги? я хочу
знать непременно.“

Дядь мой видѣлъ ясно, что все прили-
ки были прошивъ него, и чуть ума не рях-
нулся: онъ по на одной ногѣ споялъ, по
на другой, озиралъ одинъ за другимъ все
углы въ комнашѣ, и не отпѣчалъ ни слова.

„Говори, негодяй!“ вскрикнулъ Лердъ,
бросивъ на Спини совсѣмъ особый взглядъ,
пошому что это былъ взглядъ его отца,
когда онъ бывало сердился, и брови его
сморщились на лбу почти тою же страшною
подковою, которую подъ часъ видали на лбу
покойника. „Говори, сударь, подтверждаю
тебѣ: я хочу знать твои мысли. Никакъ,
ты осмѣливаешься подозрѣвать, что день-
ги у меня?“

— „Упаси меня, Боже, чшобъ я сказала что нибудь шакое!“ ошвѣчала Спhini. —

„Или думаешь на кого изъ моихъ людей?“ спросилъ Лердъ все шѣмъ же голосомъ.

— „Я не хочу взводишь вины на невишнаго,“ ошвѣчала мой дѣдушка: „а если кто изъ нихъ въ шомъ и грѣшенъ, шакъ мнѣ нѣчьмъ докажашь.“ —

„Надобно жъ деньгамъ быть гдѣ нибудь, ежели хочъ слово ешь правды въ швоихъ рассказахъ;“ молвилъ Лердъ: „спрашиваю у тебя: гдѣ шли деньги, какъ шы думаешь? и шребую рѣшишельнаго ошвѣща.“

— „Въ аду, если хочише знашь, что я думаю,“ взвошилъ дѣдъ, вышедши изъ себя: „въ аду, съ вашимъ банющкой и серебрянымъ его свисшкомъ.“ —

Сказавши это, онъ бросилъ вонъ, очерци годову, и по дѣломъ: послѣ шакихъ рѣчей, комната Лердова была для него ненадежнымъ мѣшпомъ. Уходя, онъ слышалъ, что Лердъ клясся шакъ громко и шакими кляшвами, какихъ и опецъ его съ роду не говаривалъ, и грозилъ наслашь на дѣда моего Балъи и всю земскую полицію.

Спhini побѣжалъ къ главному своему зашмодавцу, Лаури Ляпрейку, ошвѣдашь, не удастся ли чѣмъ ошь него поживишься; но когда дѣдъ рассказалъ ему про свою кру-

чину, по слова: *воръ, нищій, банкротъ*, были еще самыя привѣшлывыя изъ шѣхъ; кошорыя градомъ посыпались у него изъ за зубовъ. Поподчивавши моего дѣдушку такими жесткими привѣшлывами, Лаури выпацилъ изъ подъ спуда спарую погудку и началъ его укоряшь за то, что онъ обмокнулъ руки въ крови людей; какъ будто бы арендаторъ смѣлъ не послушаться своего Лерда, а особливо шакого Лерда, какъ Сиръ Робертъ Редгоншлешъ. Тогда Спини попереялъ шерпѣнье: онъ и Лаури чуть не вцѣпились другъ другу въ волоса, и шупъ ужъ дѣдушка, на бѣду, вызвѣздилъ всю подногошную и про самага Лаури, и про погдашній его расколь. Ну, словомъ, онъ наговорилъ ему сполько, что морозъ подралъ по кожѣ того, кто слышалъ. И по правда, что дѣдъ мой былъ на ту пору самъ не свой, и живалъ когда-то съ людьми, кошорые не слишкомъ церемонились и въ словахъ и въ дѣлахъ.

Наконецъ они распались. Дѣду моему, чтобы ворошиться домой, должно было проѣхать Пинмаркійскимъ лѣсомъ, въ кошоромъ, сказывающъ, много черной ели. Лѣсъ я знаю; сполько сами вы догадаешесь, что я не могу сказашъ, черныя лѣ шамъ ели, или бѣлыя. Подъ самымъ лѣсомъ, еспѣ обще-

спивенный лугъ, а въ концѣ луга небольшой кабачокъ, копорый погда содержала женщина, по имени Тибби-Фау. Дѣдъ мой оспановился у ворошь, и спросилъ *мучкинъ* (*) водки, поному что у него во весь пошь день не было во ршу ни росинки. Тибби уговаривала его сойти съ коня и съесть кусокъ чего нибудь; полько онъ не хотѣлъ да же и ноги приподнять со снремени, и выщянулъ *мучкинъ* въ два глоска, съ двумя пошсами. Первый былъ: „за память Сиръ-Роберта Редгоншлета! чпобъ ему не было покоя въ могилѣ, покамъсь не оправдаешъ бѣднаго своего арендапора.“ — А второй: „за здоровье врага чловѣческаго, лишь бы онъ опдалъ мяъ мѣшокъ съ деньгами, или сказалъ, гдѣ онъ дѣвался!“ — Дѣдъ мой видѣлъ впереди, что всѣ спанушь его считашъ лгуномъ и обманщикомъ; а это было для него хуже, чѣмъ поперяшь все, что онъ имѣлъ.

Онъ ѣхалъ впередъ, не забошась, куда ѣдешъ. Ночь была темна, а опъ деревьевъ казалась еще темнѣе; онъ пушилъ своего коня самого опыскивашъ дорогу по лѣсу. Вдругъ конь его, усшальный до упаду, началъ скакашь, лягашь и поднимашъ на дыбы,

---

(*) Шотландская мѣра, около полукружки.

шакъ чшо дѣдушка чушь-чушь держался на сѣдлѣ; шунь же рядомъ съ нимъ очунился кто-шо верхомъ, и сказала: „У тебѣ лихой конь, прѣшель; не продашь ли его мнѣ?“

При такихъ словахъ, онъ легонько проринулъ своимъ хлыстикомъ дѣдушкина коня до задривку, и конь мигомъ пошелъ вольною рысью. „Да видно, чшо у него огонь скоро протпывается“, продолжалъ незнакомецъ: „шакъ и съ отвагой многихъ людей: думаюшъ, чшо совершашъ ни вѣшь какія дѣла, а дойдешъ до попышки, шакъ и на попяшный дворъ.“

Дѣдъ мой почши его не слушалъ, прищпорилъ своего коня, и молвилъ: — „добрый вечеръ, прѣшель!“ —

Но незнакомецъ, видно, былъ изъ шѣхъ людей, онъ кошорыхъ не скоро опвяжешся: напрасно Спиини пускался и вскачь, и рысью, и шагомъ, онъ все видѣлъ незнакомца о спору себя. Наконецъ дѣдушка, половину съ досадой, а половину со спрахомъ, коли молвишь правду, счель за нужное сказащъ ему шакія слова:

— „Чего ты онъ меня хочешь, прѣшель? Если ты воръ, шо у меня взять нѣчего; если ты честной человекъ и любишь побесѣдовать, шо у меня на умѣ не смѣхъ и не бодшанье; а если тебѣ нужно, чшобы тебѣ

указали дорогу, шакъ самъ я почти не знаю, гдѣ я шецерь.“ —

„Коли есть у тебя горе,“ ошвѣчалъ незнакомецъ: „по раскаи мнѣ: увидишь, что нѣшь мнѣ равнаго на случай, гдѣ нужно помочь въ бѣдѣ своимъ добрымъ пріащеламъ, хотя мнѣ самому и очень солоно приходи-лось отъ людей на бѣломъ свѣтѣ.“

Дѣдъ мой, не съ шѣмъ, чшобъ надѣялся получишь отъ него какую помощь, а больше, чшобъ облегчишь свое сердце, раскаи ему свое горе отъ начала до конца.

„Правду сказашъ, шы въ худыхъ пискахъ,“ молвилъ незнакомецъ: „но кажешся, чшо я могу шебя изъ нихъ высвободишь.“

— „Дашъ ли шы мнѣ въ займы денегъ на долгой срокъ, милосшивецъ?“ спросилъ Спиши: „иначе я не знаю на свѣтѣ другаго способа выручишь меня изъ бѣды.“

„Да, можно для шого порышъся подъ землею,“ ошвѣчалъ незнакомецъ: „Послушай: я спшану съ шобой говоришь откровенно. Я могъ бы ссудить шебя деньгами, но на шакихъ условіяхъ, кшпорыя шы, можешъ бышь, посовѣщилася бы пріаишь. Скажу шебѣ, что старыи швой Лердъ не спокоенъ въ могилѣ отъ швоихъ прокляшій и жалобъ швоей семьи. Если шы отважишься пошци

съ нимъ повидашься, по онъ выдасшь ше-
бъ квишанцію.“

Волосы спали дыбомъ у моего дѣдушки
опъ эшого намѣка; однако жъ онъ подумаль,
что поварищъ его какой нибудь весельчакъ,
и хочешъ надъ нимъ позабавишься, а кон-
чишь шѣмъ, что ссудишь его деньгами. Къ
тому жъ и водка придала ему смѣлоспи,
а печаль свела почти съ ума. Онъ отвѣчалъ
незнакомцу, что поидеть за своею квишан-
ціей до самыхъ ворошь ада.

Незнакомецъ разсмѣялся. Они пробира-
лись все далѣе въ глушь лѣса, и вдругъ ло-
шадь оспановилась у ворошь огромнаго до-
ма, кошорый Стини принялъ бы за замокъ
Редгоншлешъ; когда бы не зналъ, что нахо-
дится опъ него миль за десяти и больше.
Они въехали большими со сѣдомъ ворошами
во дворъ, увидѣли, что всѣ комнашы въ до-
мѣ освѣщены, услышали, что шамъ играли
на скрипкахъ и волынкахъ, и казалось, пля-
сали и веселились, какъ бывало при Сирь-
Робертѣ о праздникѣ Рождештва. Они слѣз-
ли съ лошадей, и дѣдушкѣ моему чудилось,
что онъ привязываетъ своего коня къ по-
му самому кольцу, къ кошорому привязы-
валь его за нѣсколько передъ шѣмъ часовъ,
когда пріѣхаль къ Сирь-Джону.

— „Какъ эшо?“ сказала Спини: „ужь не во снѣ ли мнѣ грѣзилось, будто бы Сирь-Робертъ умеръ?“

Онъ постучался въ дверь по своему обычаю, — и старый его знакомецъ Дугаль-Макъ-Каллумъ вышелъ ему отпереть, тоже по прежнему своему обычаю.

Дѣдушкѣ казалось, что все эшо видишь во снѣ. Онъ обернулся, хотѣлъ взглянуть на незнакомца, — но не шупь-шо было! его и слѣдъ проспыхъ. Наконецъ дѣдъ опомнился и заговорилъ: — „Такъ ты еще живъ, Дугаль?“ а я право думалъ, что ты умеръ.“

„Обо мнѣ тебѣ нѣчего забошиться,“ отвѣчала Дугаль: „думай больше о себѣ, и спрайся ничего и ни ошъ кого здѣсь не принимаешь: ни золота, ни серебра, ни пишья, ни ѣды; возьми только свою квипанцію.“

Съ такими словами онъ провелъ дѣда черезъ сѣни и переднюю, которую Спини зналъ, какъ самъ себя, и ввелъ въ старую госпиную съ дубовою рѣзбою. Тамъ всѣ были за споломъ: вино лилось рѣкою, кляпы и заспольныя пѣсни раздавались перекашнымъ громомъ, какъ важивалось въ замкъ Редгоншлепъ въ старое, лучшее время.

Но что за спрашное сборище госпей сидѣло за споломъ! Дѣдъ мой узналъ многихъ, которые давнымъ-давно лежали въ мо-

гиль. Онъ увидѣлъ шамъ свирѣпаго Миддл-
тона, развращеннаго Ролеса, хитраго Лодер-
даля; Иршо, у котораго руки еще запяты
наны были кровью Камерона; дикаго Боншо,
который когда-то связалъ добраго Г. Карн-
гилла такъ, что кровь изъ него брызнула;
Домбертона-Дугласа, дважды изменившаго
Королю и опечеству; кровожаднаго Генераль-
Адвоката Маккензи, который, по уму и
жизнейской своей мудрости, былъ высшимъ
существомъ передъ другими; наконецъ Кле-
вергоуза, такимъ же красавцемъ, какъ и при
жизни, съ долгими его черными волосами въ
кудряхъ, разсыпанными по колесу изъ буй-
воловоу кбжи, съ узорчатымъ шитьемъ;
лѣвою рукою все еще онъ держался за пра-
вое плечо и закрывалъ рану на шомъ мѣ-
стѣ, гдѣ прошибла его серебряная пуля.
Сидѣлъ онъ по-одаль отъ другихъ, и смо-
трѣлъ на нихъ въ надменной задумчивости,
— а шѣ хохотали, пѣли и кричали такъ
громко, что спѣшны пряслись. Но ихъ усмѣш-
ка похожа была на спращную судорогу въ
лицѣ, а смѣхъ опзывался такими нелюдски-
ми звуками, что за ногшями у дѣдушки по-
синѣло, и мозгъ заспылъ у него въ коспяхъ.

Прислуживали у спола слуги и солда-
ны, которые живо кровожадно исполня-
ли звѣрскія приказанія господъ своихъ. Тамъ

видны были: Ленгъ - Ледъ Неперптоунскій, по-
могній схватилъ Арджилла; пошъ, кого
называли трубою дьявола; дикой Горецъ
Аморейшесъ, проливавшій кровь, какъ воду;
злобные спражи въ своихъ мундирахъ съ га-
лунами, и многіе надменные служители, съ
гордымъ сердцемъ, съ кровавыми руками,
когда-то помзавшіе передъ знашными (ошъ
чего они дѣлались шакъ злы, какъ безъ шо-
го никогда бъ не были), — и топшавшіе
ногами въ пыли бѣдняка, когда богатый
сшибалъ его съ ногъ. Всѣ они мешались взадъ
и впередъ, и служили шакъ же проворно,
какъ и при жизни своей.

Средь этого ужаснаго пира, Сиръ-Ро-
бертъ Редгонплешъ громовымъ голосомъ ве-
лѣлъ Спини подойти къ себѣ. Онъ сидѣлъ
на первомъ мѣстѣ, пропянувши ноги, кошо-
рья обернушы были фланелью; писполешы
лежали подлѣ него, а огромная его сабля при-
сложена была къ кресламъ, шочно шакъ, какъ
Спини видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ замкѣ.
Подушка большой Лердовой обезьяны лежа-
ла шожѣ подлѣ него, шолько самой обезья-
ны не было, видно часъ ея не наспалъ еще,
пошому что дѣдушка, при входѣ въ комна-
шу, слышалъ, какъ кто-шо говорилъ: —
„Маіоръ развѣ еще не пришелъ?“ — А другой
отвѣчалъ: „онъ въ пору явился къ упру.“ —

Когда же дѣдъ мой подошелъ, то Сиръ-Робершъ, или самъ чоршъ въ его видѣ, сказалъ: „ну, что, Спини, раздѣлся ли ты съ моимъ сыномъ въ уплатѣ годовой швоей недоимки?“

Не легко было моему дѣдушкѣ собраться съ духомъ и дать отвѣтъ; что Сиръ-Джонъ и слышать не хотѣлъ ни о какой сдѣлкѣ, безъ квишанціи его чести Сиръ-Роберша.

„Квишанцію получишь, если сыграешь пѣсенку на волынкѣ, Спини!“ сказалъ Сиръ-Робершъ, или то, что казалось Сиръ-Робершомъ: „сыграй намъ: *Попляши, моя родная.*“

Этой пѣснѣ дѣдъ мой научился отъ одного колдуна, а шоль слышала ее на колдовскомъ шабашѣ. Дѣдъ мой игрывалъ ее подъ часъ на пируцкахъ въ замкѣ Редгонп-лешъ, шолько всегда не по доброй волѣ. Въ эпошъ же разъ кровь у него засныла въ жилахъ, чупъ шолько онъ послышалъ о пѣснѣ; чшобъ вндѣлаться, онъ сказалъ, что не принесъ своей волынки.

„Макъ-Каллумъ, Вельзевуловъ сынъ!“ закричалъ Сиръ-Робершъ ужаснымъ голосомъ: „принеси Спини волынку, кошорую я для него пригошовиль.“

Дугаль принесъ шакую волынку, кошорая стоила бѣ, чшобъ на ней игралъ самъ пѣвецъ

Дональда острововъ. Когда же подавалъ ее дѣду, то тронулъ его локтемъ, и Спিনি, взглянувши на нее хопъ наискось, да смѣшливо, увидѣлъ, что дудки въ ней были спальныя, и докрасна раскалены на огнѣ. Онъ смѣкнулъ дѣломъ, чтобъ не обжечь себѣ пальцевъ, и въ другой разъ опговорила шѣмъ, что онъ очень испуганъ и слабъ, и что у него не достанешь духу даже и мѣхъ надуть.

„Такъ надобно тебѣ чего нибудь съѣшь и выпьешь, Спিনি!“ подхватила Сиръ-Робертъ: „здесь у насъ нѣтъ инаго дѣла, а сытый голоднаго не разумѣешь.“

Такія жъ почши слова говорилъ кровоядный Графъ Дугласъ, чтобъ удержатъ Королевскаго гонца, между шѣмъ какъ по его приказу, опрубили голову Макъ-Леллену де-Бомби, въ замкѣ Тривъ. Спিনি опъ того и пуще спаль осперегаешь. Онъ пріосамился, и молвилъ, что пришелъ не ѣсть и не пить и не играешь на волынкѣ, а дѣлаешь дѣло: узнать, что спалось съ его деньгами, и получишь въ нихъ квишанцію. Онъ даже шакъ расхрабрился, что сказалъ Сиръ - Роберту, что для облегченія совѣсти и для покоя души своей, онъ долженъ ему опдать слѣдующее, а не заманивать его въ пенета.

Сиръ-Робертъ разсмѣялся и заскрежесалъ зубами; однако жъ вынулъ квишанцію изъ

большаго бумажника и подалъ ее Спини:
 „Вопь твоя квишанця, негодный песь!“ ска-
 заль онъ: „а денегъ сынъ мой можешь пои-
 скашь въ кошачьей колыбели.“

Дѣдушка поблагодарилъ его, и хотѣлъ
 было убраться, когда Сирь-Робертъ громко
 закричалъ: „поспой, винная бочка! я еще съ
 побою не кончилъ. Мы здѣсь ничего даромъ не
 дѣлаемъ; должно, чшобъ шы, ровно черезъ годъ,
 явился сюда, и принесь низайшую благодар-
 ность господину своему за всѣ его милости.“

Языкъ у Спини мигомъ развязался. —
 „Будешь, чшо угодно“ — сказалъ онъ: „не
 вамъ, а Богу!“ —

Едва выговорилъ онъ послѣднее слово,
 какъ вдругъ очутился въ густомъ сумракѣ,
 и шакъ со всѣхъ ногъ рухнулъ о землю, чшо
 духъ у него заняло, и память опшибло.

Никогда не могъ онъ сказать, сколько вре-
 мени шакъ пробылъ; когда же пришелъ въ себя,
 шо лежалъ на Редгоншлепскомъ приходскомъ
 кладбищѣ, у самыхъ дверей склепа, гдѣ по-
 гробено семейство Сирь-Роберта; гербъ Ред-
 гоншлеповъ стоялъ у него прямо надъ го-
 ловою. Вокругъ него права, и могильные кам-
 ни смочены были росою, а конь его смирен-
 нонько пасся съ двумя коровами священника.
 Спини было подумалъ, чшо весь съ нимъ
 случай былъ шолько сонъ; однако жъ онъ

держалъ въ рукѣ квишанцію, написанную и подписанную спарымъ Лердомъ; только послѣднія буквы въ его имени были не шакою цвѣрдою рукою выведены, какъ оспальное; видно было, что его невзначай схватила боль, когда онъ кончалъ свое рукоприкладство.

Спини вскочилъ на коня, выѣхалъ изъ вѣного печальнаго мѣста, и хоть въ умъ у него Богъ вѣстъ что бродило, потчасъ однако жъ поскакалъ въ замокъ Редгоншлеть, гдѣ не безъ труда получилъ онъ доступъ къ Лерду.

„Ну, что? лжець и банкротъ!“ сказала ему Сиръ-Джонъ, какъ скоро его увидѣлъ; „привезъ ли ты мнѣ свой долгъ?“

Спини. Нѣтъ, ваша честь, не привезъ; а вопъ квишанція вашего башюшки.

Сиръ-Джонъ. Какъ, плушь, квишанція моего башюшки? ты мнѣ сказалъ, что онъ тебѣ не давалъ квишанціи.

Спини. Не угодно ли вашей чести ее провѣришь?

Сиръ-Джонъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ каждую строку и каждое слово; а прочитавъ наконецъ число, на которое двѣдушка мой не взглянулъ, и гдѣ было написано: *Изъ назначеннаго мнѣ мѣстопробыванія, 25 Ноября,* — онъ вскрикнулъ:

„Что это? вчерашняго числа!... Негодляй! видно ты ходилъ за нею въ адъ.“

Спани. Не знаю, въ адъ или въ другое мѣсто; только я получилъ ее изъ рукъ родителя вашей чеспи.

Сиръ-Джонъ. Я донесу на тебя Тайному Совѣшу, какъ на колдуна! опправляю тебя къ учителю своему сашанъ, на смоляной бочкѣ съ зажженнымъ фишилемъ. . .

Спани. Я самъ хочу донести Пресбиштеру о томъ, что видѣлъ въ прошлую ночь, Сиръ-Джонъ. Объ этихъ дѣлахъ онъ лучше умѣетъ судить, нежели такой темный человекъ, какъ я.

Сиръ-Джонъ подумалъ съ минушу, сдѣлаясь помириве, и велѣлъ моему дѣдушкѣ пересказать по порядку, что съ нимъ случилось. Спани расказалъ ему все какъ было, отъ начала до конца, какъ я вамъ теперь, слово въ слово, ни больше ни меньше.

Сиръ-Джонъ и опашь призадумался подолъ, а послѣ сказавъ моему дѣдушкѣ поище прежняго. „Спани! сказанное мнѣ побою касается до чеспи многихъ благородныхъ фамилій, кромѣ моей. Если ты солгалъ, чтобъ отъ меня опдѣлаться, то накличешь на себя же бѣду: тебѣ по меньшей мѣрѣ, проколютъ языкъ горячимъ желѣзомъ, а это ничѣмъ не лучше, нежели обжечь себѣ паль-

цы о раскаленную спаль на волюнкѣ. Однако же и по спаненіи, что въ расказѣ швоемъ есть правда, Спины; и если деньги онышуща, то я не знаю, что и думашь. Но гдѣ жъ искашъ кошачьей колыбели? въ замкѣ кошекъ много водился; только думаю, что когда онѣ кошались, то имъ нѣль нужды ни въ постели, ни въ колыбели.“

— „Надобно спросишь у Гупчона,“ сказалъ Спины: „онѣ знаетъ всѣ углы и закоулки здѣшняго дома также хорошо, какъ... также хорошо, какъ и другой спраны служилецъ вашей фамили, кошораго ужъ нѣль на свѣшѣ, и кошораго мнѣ нѣль охоты называшъ по имени.“ —

Призвали Гупчона. Онѣ сказалъ, что есть старинная полуразвалившаяся башенка, гдѣ издавна уже никто не живетъ, а лежишь она подлѣ большихъ часовъ; что шуда надобно взлѣзашъ по лѣспницѣ, попому что входишь въ нее можно только снаружи, надъ самими зубцами; что эта самая башенка когда-то называлась кошачьей колыбелью.

„Я сей часъ шуда взлѣзу,“ сказалъ Сирь-Джонъ, взявши, Богъ вѣдаетъ для чего, одинъ изъ писюлетовъ своего опца, кошорые оспавались на сполѣ со дня смерти

покойнаго Лерда. Съ вѣшимъ оныъ взошелъ на плоскую кровлю замка.

Дѣло было не вовсе безопасное, потому что лѣсница была стара и гнила, и въ ней недоспавало доброй пары ступенекъ. Однако жъ Сирь-Джонъ взобрался по ней, дошелъ до узкой лазей, служившей входомъ въ башенку, и заслонилъ собою въ ней свѣсъ. Вдругъ что-то кинулось на него шакъ сильно, какъ будто бы хотѣло сполкнуть его съ лѣсницы; испомешъ пафъ! и Гупчонъ, держа лѣсницу, шакъ какъ и мой дѣдушка стояя подлѣ него, услышали громкой крикъ. Мигнушу снуся, Сирь-Джонъ сбросилъ къ нимъ убишную большую обезьяну, и закричалъ что деньги опшыскались, и чтобъ они шли къ нему на подмогу. Они взлѣзли и нашли не шолько мѣшокъ съ деньгами, но и много другихъ вещей, которыя не задогго передъ шѣмъ, пропали безъ вѣспи.

Когда Сирь-Джонъ осмотрѣлъ башенку: то повелъ моего дѣда въ споловую, взялъ его за руку, поговорилъ съ нимъ милосшиво, сказалъ, что самъ досадуешъ на себя, что ему не повѣришь, и что въ награду за прошлое, будешъ къ нему впередъ добрымъ господиномъ.

„А теперь послунай, Спини,“ прибываль оныъ: „хоня по сущей правдѣ, видѣнїе швое

служить къ чести покойнаго моего родителя, потому что доказываешь, что онъ даже и послѣ смерти своей хощеть, какъ честный человекъ; оправдашь себя; однако же ты долженъ поразсудить, что есть такіе злые языки, которые могутъ изъ него вывести недоброхотные намѣтки на счетъ спасенія души его. Мнѣ кажется, что лучше всего мы сдѣлаемъ, когда взвернемъ всю бѣду на эту шалосливую пварь, Маіора Вейрда, а не спанемъ вовсе говоришь о сѣхъ пвомъ въ лѣсу Пичмуркійскомъ. Ты хлебнулъ тогда лишнее, и потому не можешь ни въ чемъ быть увѣренъ, Спини; а что до этой квишанціи.... (рука, въ кошорой онъ держалъ ее, дрожала), это правда, пресправная бумага, и я считаю, что лучшаго мы не можемъ выдумать, какъ посихоньку бросить ее въ огонь.“

— „Однако жъ, какъ она ни чудна, а это у меня и есть только завѣренъемъ, что я расплатился за свой наемъ,“ сказала дѣдушка, боясь, можешь быть, чтобы не вышло чего худаго, когда выпустить изъ рукъ расписку Сирь-Роберша.

„Я впишу полученныя по ней деньги въ книгу,“ молвилъ Сирь-Джонъ: „а тебѣ дамъ другую расписку, и сей же часъ. Кроме того, если ты сумѣешь держать языкъ за

зубами, и не спанешь говоришь объ этомъ дѣлѣ, шо я сбавлю съ тебя оброка.“

— „Благодарень вашей чесши,“ опвѣчала Спини, смѣкнувши, съ кошорой спороны дуль въперъ: „я, безъ всякаго прошиворѣчя, гошовъ слушаюсь всего, что угодно вашей чесши. Хопѣлось бы мнѣ долъко погово-ришь объ этомъ съ какимъ нибудь знаку-щимъ Пасшоромъ, пошому что мнѣ нелю-бо это свиданье, кошорое башюшка вашей чесши...“ —

„Не называй этого привидѣнїя моимъ опцемъ!“ вскрикнулъ Сиръ-Джонъ.

— „Ну такъ пошъ,“ подхвашилъ Спини: „кто явился въ его образъ, и сказала мнѣ, чтобы прїйши съ нимъ свидѣться черезъ годъ; а это гнѣшомъ лежишь у меня на со-вѣспи.“

„Если это тебя смущаешъ,“ молвилъ Сиръ-Джонъ: „шо можешъ переговоришь съ нашимъ приходскимъ Пасшоромъ: онъ чело-вѣкъ умный и просвѣщенный; къ шому жъ онъ дорожишь чесшью нашей фамили, шѣмъ больше, что ему нужна моя помощь для цовышенїя.“

Говоря это, онъ писалъ новую квишан-цію; когда же опдалъ ее моему дѣду, шо не было уже препяшствїя сечь прежнюю, по-чему Лердъ и бросилъ ее въ огонь изъ сво-

ихъ рукъ. Только, она и не думала горѣть, а улетѣла въ шрубу съ цѣлою вашагою искрою, и съ такою прескошней, какъ бураки въ пошвынныхъ огняхъ.

Дѣдушка мой пошелъ въ Мансу (*), и Паспоръ, выслушавши всю его повѣсть, сказалъ, что онъ попалъ было въ большую бѣду. Но какъ онъ не принялъ задашка отъ нечиспаго духа — такъ онъ подковалъ подчиванье пипъемъ и вѣдою — и отказался воздашь ему чеспъ игрою на волынкѣ по его приказанію; но Паспоръ думалъ, что если дѣдъ мой будешь впередъ веспѣ себя оспорожно, такъ сашанъ нѣчего будешь съ него взять за прошлое. И въ самомъ дѣлѣ дѣдушка, по своей доброй волѣ, долго — долго не брался за волынку и не выпилъ ни глашка водки; а когда уже годъ миновалъ, и черный день прошелъ по добру по здорову, шогда онъ снова началъ играть на волынкѣ, и осушашъ по прежнему чару скибаку или типпенни (**).

Сиръ-Джонъ рассказывалъ свой случай съ обезьяною, какъ ему хошѣлось; и еспѣ люди, которые во всемъ впомъ дѣлѣ видашъ шолько доказашельство воровской повадки

(*) Пресбишерія.

(*) Роды водки, употребляемые въ Шотландіи.

вшой твари. Нашлися и такіе, которыхъ не разувѣришь, что Дугаль и Гушчонъ точно видѣли закоснѣлаго врага рода человеческого въ комнапъ Сиръ-Роберта, а вѣрнѣе всего проклятую обезьяну. Что до свистка, слышаннаго по смерти Лердовой въ его спальнѣ, — говорятъ они, — но эта уродливая живошина умѣла свиспашъ также хорошо, какъ и господинъ ея, если еще не лучше. Одному Небу только извѣстна суцная правда. Жена Пастора первая рассказала всѣмъ эту повѣсть, по смерти мужа своего и Лерда. Тогда дѣдушка мой, хотя ешаръ былъ годами и слабъ здоровьемъ, однако жъ, по крайней мѣрѣ съ виду, не потерялъ ни памяти, ни разсудка; и онъ принужденъ былъ пересказывать добрымъ своимъ пріятелямъ все это дѣло порядкомъ, въ свое оправданіе: иначе того и гляди, что его бъ ославили колдуномъ.

Съ Фр. Сив.

2.

НЕОЖИДАННОСТЬ.

Кленвилъ было имя молодого человека, жившаго въ одномъ незначительномъ городкѣ Франціи. Онъ имѣлъ не прекрасную, но прі-

яшную наружность: его выразительная физиономія показывала характеръ открытый, благородный, способный ко всему возвышенному. И эта физиономія не обманывала: рассказывалъ ли кто примѣръ безкорыстія и рѣдкой честности — всякій зналъ, о комъ это дѣло, и восклицалъ: о, это едѣлаъ Кленвилъ, мы ужъ знаемъ его! Говорилъ ли кто о благородномъ поступкѣ, и другіе не охотно пошумѣвали; ему стоило только сказать, что онъ слышалъ это отъ Кленвила, и никто уже не сомнѣвался въ истинѣ происшествія. Всѣ любили и уважали этого молодого человѣка, не смотря на то, что онъ былъ не богатъ. Тысяча палеровъ ежегоднаго дохода составляла все его имущество. — Какъ! воскликнешь здѣсь какойнибудь эгоистъ: не болѣе тысячи палеровъ! И ими могъ онъ дѣлать много добра? — Безъ сомнѣнія. Но оставимъ такого эгоиста: въ рассказѣ нашемъ онъ не долженъ и не можетъ играть никакой роли.

Кленвилъ часто навѣщалъ одну почтенную старушку, которая жила въ его сосѣдствѣ весьма уединенно. Госпожѣ Мазьеръ было уже восемьдесятъ лѣтъ: съ благородною твердостью перенесла она несчастія, постигшія ее въ преклонныхъ лѣтахъ. Революція

лишила ее большого имѣнія, и сверхъ того похитила сокровище, которое было для нее дороже всѣхъ драгоценностей. Въ несчастнѣйшее время — при началѣ революціи — эта достойная женщина выдала единственную дочь свою за Графа Верлака. Графъ скрылся за границу, увезъ съ собою жену и оставилъ у своей шещи прехлѣбную дочь. Вскорѣ г-жа Мазьеръ получила горестное извѣстіе о кончинѣ Графа и Графини Верлакъ, и посвятила себя совершенно воспитанію маленькой Софіи, черты которой напоминали ей любимую дочь. На нее обращены были все ея старанія, потому, что она одна сославляла все ея надежды, одна привязывала ее къ жизни. Но глубокая старость г-жи Мазьеръ не позволяла долѣе заниматься самой образованіемъ милаго дитяти, и какъ ни больно было для нее, но она увидѣла себя въ необходимости расстаться съ нимъ на нѣкоторое время. „Я должна воспитать ее для нее, а не для себя“ говорила она, и ввѣрила маленькую Софію надзору одной образованной пріятельницы, жившей въ близлежащемъ большомъ городѣ, гдѣ можно было имѣть болѣе средствъ къ воспитанію. Положеніе доброй г-жи Мазьеръ не было впрочемъ ни пріятно, ни блистательно: если иногда занимали ее радости

ныя воспоминанія, но часто были они прогоняемы воспоминаніями гореспными. „Что же дѣлалъ въ ея домѣ Кленвиль?“ спросяшь меня нѣкопорые чипашели. „Какое удовольствіе могъ находить онъ въ ея сообществѣ?“ — Удольствіе упѣшашъ почтенную и несчастную женщину, показывашъ ей, что она не всѣми оставлена, что она не одинока въ мірѣ, и что есть еще благородные люди, которые уважають льща, несчасіе и добродѣтель.

Въ одно время Кленвиль, увлеченный разсѣянносціями, почти неизбѣжными въ его льща, провелъ цѣлую недѣлю, не выдавъ г-жи Мазерь. Вспомнивъ о томъ, поспѣшилъ онъ къ своей старой, почтенной пріятельницѣ, чшобы загладишь вину свою. Онъ нашелъ г-жу Мазерь въ задумчивости: при его входѣ пробудилась она изъ своихъ мечтаній, привѣщсвовала его дружески, и сдѣлала нѣсколько легкихъ упрековъ на счѣсъ его долговременнаго опсущсствія. „Впрочемъ“ — присовокупила она — „намъ нельзя много сердиться на молодыхъ людей, если они насъ позабываютъ. Мы должны бышь благодарны и за мгновенія, копорыя они даряшь намъ.“

— „Ахъ нѣшь, сударыня!“ — возразилъ Кленвиль — „я не забылъ васъ.“

„Очень вамъ вѣрю; поному чшо н. н. принадлежу къ числу несчастныхъ.“

При сихъ словахъ вышупили слезы изъ глазъ ея; Кленвиль сморщилъ на нее съ душевнымъ безпокойствомъ. — „Съ вами не случилось однако жъ“ — сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи: — „какого либо новаго, несчастія . . .“ —

— „О нѣшь!“

„Но эти слезы . . .?“

— „Я плачу не о своей участи.“

„Вы пугаете меня! Ваша внучка . . .“

— „Точно: ея участь безпокоитъ меня, Она будешь очель несчастна, и скоро. Бѣдное, милое дитя! скоро у себя не будешь машери!“

„Что это значить?“

— „Въ мои лѣта, любезный Кленвиль, не надобно обманывать себя ложными мечтами: черезъ годъ, черезъ мѣсяць, можешь быть, черезъ недѣлю, не спанешь меня. Моя внучка, моя милая Софія, будешь тогда одна въ свѣтъ, безъ подпоры, безъ покрошителя, безъ состоянія. Эта мысль приводишь меня въ отчаяніе.“

Кленвиль старался сколько могъ, успокоить г-жу Мазьеръ. „Небо“ — говорилъ онъ ей: — „не оставишь вашей дочери. Оно пошлетъ ей друга . . .“

— „Друга? Добрый Кленвиль! Вы позабыли, что для свиданія друга нужно богатство: вы судите о людях по чувствам собственнаго благороднаго сердца. Дочь моя бѣдна, а въ нашемъ вѣкѣ, когда всякій любитъ только одного себя, нѣтъ друзей безкорыстныхъ.“

„И это слышу я отъ васъ, сударыня?“

— „По крайней мѣрѣ я не знаю ни одного.“

„Такъ вы забыли меня!“ воскликнулъ Кленвиль въ сильномъ движеніи, внимая только голосу благороднаго своего сердца: „Вы забыли меня, или уже сомнѣваетесь и во мнѣ.“

— „Успокойтесь, добрый другъ мой!“ — прервала г-жа Мазверъ: — „я знаю ваше сердце; но въ двадцать пять лѣтъ, какъ можете вы быть *покровителемъ* молодой шестнадцатилѣтней дѣвушки?“

„Сдѣлавшись ея супругомъ. Такъ, сударыня; отдайте мнѣ ея руку: я буду ея *покровителемъ*, и употреблю всѣ старанія сдѣлать ея счастливою.“

— „Вы просите ея руку, и никогда еще ея не видали?“

„Какая мнѣ до того нужда, если она несчастна, если я могу быть ея *подпорою*?“

— „Но вы знаете, что она не имѣетъ никакого состоянія.“

„Если бы она была богата, она не имѣла бы нужды во мнѣ.“

— „Благородный, любезный молодой человекъ!“ — воскликнула г-жа Мазерь, и слезы радости покапались изъ глазъ ея: — „Такъ, я опдамъ ее шебъ; въ швои руки, въ руки добродѣтели передастъ умирающая машь драгоцѣнность, ввѣренную ей Небомъ. Я напишу къ своей внучкѣ, и увѣдомлю, что нашла для нее благороднаго, чувствительнаго, нѣжнаго супруга. Не пройдетъ недѣли, и ты увидишь ее, увидишь шу, которую избрала своею супругою. Безъ шебя, мысль о кончинѣ повергала меня въ опчаянiе; теперь спокойно ожидаю смерти. О, какъ много я одолжена шебъ! Почему не могу богатыми сокровищами вознаградишь все величiе души швоей, все благородство швоего сердца!“

Кленвилъ оставилъ распроганную машь, чтобы уклонишься опъ излiанiй ея благодарности. Возвращаясь домой, встрѣпилъ онъ знакомаго, котораго очень уважалъ и часно видалъ у Г-жи Мазерь. Фьерваль — такъ назывался онъ — не имѣлъ никакихъ опличныхъ, блистательныхъ качествъ; но былъ человекъ самыхъ честныхъ правилъ, съ сердцемъ, расположеннымъ къ добру. Онъ очень полюбилъ нашего Кленвиля, и увѣрялъ,

что не упустивъ случая, докажешь ему на дѣлѣ свою привязанность.

„Смѣю ли спросить, откуда?“ сказала онъ, увидѣвъ Кленвиля: „вы кажешесь такъ разспроены!“

— „Ахъ, бѣдная Г-жа Мазьеръ! Ея положеніе очень горестно!“

„Въ самомъ дѣлѣ?“

— „Она и меня такъ распрогала.“

„Эшо и видно. Впрочемъ — такой бѣдѣ можно скоро помочь. Я поведу васъ въ шумное, блистательное общество; въ большомъ свѣтѣ для насъ всегда готово разсвѣтленіе — надобно тамъ и искать его.“

— „Я совсѣмъ не расположенъ къ шому.“

„Тамъ скорѣе должны вы принять мое предложеніе. Сердишесь, пожалуй, на цѣлый свѣтъ; но опъ эшого Г-жа Мазьеръ не будешь ни богаче, ни счастливѣе. Право, пойдемъ-те со мной; если бы даже вы тамъ и соскучились, опъ васъ будетъ зависѣть отпашья одному, самому еъ собою. Вы знаете, что и въ большомъ свѣтѣ можно пользоваться уединеніемъ, если шолько захотимъ.“

Кленвиль согласился. Фьерваль ввелъ его въ домъ Г-жи Вершѣль, у которой разъ въ недѣлю собиралось многочисленное, избранное общество. „Берегите шолько свое серд-

це, любезный другъ!“ — говорилъ ему дорогою Фьервиль: „вы увидите сегодня прелесную и премилую дѣвушку; я вамъ покажу ее. Это молодая Адель Жюмильи: мать ея оставила Парижъ, чшобы поселишься въ нашемъ городѣ: въ романшическихъ его окрестностяхъ, намѣрена она купить себѣ помѣстье тысячъ во сто налеровъ. Г-жа Жюмильи очень милая дама, лучшаго тона, и будешь здѣсь жить большимъ домою. Но — еще повторяю — берегись ея прелестной дочери. . . . Это роза въ полной своей красотѣ и свѣжести.“

Кленвиль не обращалъ большаго вниманія на слова Фьервиля, и вскорѣ попомъ прибыли они въ домъ Г-жи Верпѣль. Едва показался онъ, какъ всѣ мужчины привѣтствовали его дружески, — съ обыкновенною искренностію и вѣжливостію опвѣчалъ онъ на шакѣй знакъ общей къ нему привязанности.

Взоры Кленвиля блуждали въ кругу молодыхъ, прелестныхъ дамъ, и остановились на одной дѣвушкѣ, кошорой красота обращала на себя всеобщее вниманіе. Случайно взоры ея встрѣтили взоры Кленвиля, и рѣсницы ея скромно опустили, и на лицѣ выступила краска. Кленвиль замѣнилъ это,

подошелъ къ Фьервалю и спросилъ, кто
такова эта дѣвушка.

„Ага!“ — отвѣчалъ Фьерваль: — „вы
ужь опыскали ее? Ну, какова она вамъ ка-
жется?“

— „Очень хороша.“

„О! эта похвала слишкомъ холодна;
скажете лучше, что она восхишительно
прелестна. Она-то и есть Адель Жюмильи,
о которой я давнѣе говорилъ вамъ. Ну, если
вы по тому поршрешу, который начерпалъ
я вамъ, не узнали ея съ перваго раза, то я
готовъ признашь себя никуда не годнымъ
маляромъ. Впрочемъ объ ея умѣ и сердцѣ
опзываются съ такою же похвалою, какъ и
объ ея наружности. Ей дано превосходное
воспитаніе, и какъ ни образованъ ея умъ,
она мила и невинна, какъ дитя. Ка-
кая скромность!... Она могла бы блистать
рѣдкими дарованіями; но играетъ ими, какъ
дитя играетъ куклою, ни мало шѣмъ не
шщеславяся. — Ну? не начинаете ли вы не-
много влюбляться?“

Кленвиль улыбался и молчалъ. Онъ по-
дошелъ къ дамамъ, вмѣшался въ ихъ разго-
воръ, и показалъ въ замѣчаніяхъ своихъ ту
гибкость ума, которая столько уважается
всѣми, шѣмъ больше, что она такъ рѣдка.
Чѣмъ болѣе его слушали, шѣмъ болѣе жела-

ли слушать. Въ особенностяхъ, казалось, по-
 нравился онъ Г-жѣ Жюмильи, и она восполь-
 зовалась первымъ приличнымъ случаемъ,
 чтобы всступити съ нимъ въ разговоръ.
 Кленвиль увлекся столь свойственнымъ его
 дѣламъ желаніемъ нравиться: и въ самомъ
 дѣлѣ никогда еще не былъ онъ такъ любез-
 нъ, за всѣмъ тѣмъ, что иногда небольшія
 невольныя развлеченія прерывали нить раз-
 говора, и взоры его обращались на юную
 Адель. Г-жа Жюмильи была имъ очарована,
 и шепнула Фьервалю: „этойъ молодой чело-
 вѣкъ очень уменъ.“

— „Ваша правда“ — отвѣчала Фьер-
 валь: — „но умъ послѣднее въ немъ досто-
 инство; надобно знать его сердце.“

Кленвиль слышалъ эти похвалы: первая
 заставила его покраснѣть; послѣдняя при-
 мирила его съ нею.

Теперь вмѣшался онъ въ кругъ молодыхъ
 людей, и принялъ участіе въ ихъ играхъ съ
 удовольствіемъ, какого прежде никогда не
 чувствовалъ. Споя подлѣ Адель, могъ онъ
 наблюдать за каждымъ ея движеніемъ, слы-
 шать небесный ея голосъ. Онъ забывался,
 смотря на нее, и пожиралъ каждое ея слово.
 Адель принадлежала къ числу женщинъ, ко-
 торыхъ довольно увидѣшь одинъ разъ, что-
 бы полюбить навсегда. Лице ея было такъ

открыто, такъ непритворно, такъ ясно показывало превосходную ея душу, что нельзя было сморгнуть на нее безъ восхищенія. Съ перваго взгляда можно было совершенно узнать ее: долговременное обхожденіе съ нею не раскрыло бы ея болѣе. Сердце Кленвиль, привыкшее предаваться первому впечатлѣнію, покорилося пріятнѣйшей и могущественнѣйшей силѣ. Онъ любилъ, прежде нежели помыслилъ о томъ, какъ опасна эта любовь для общаго, только предъ тѣмъ имъ даннаго. Подойдя къ Адель, онъ хотѣлъ начать говорить съ нею; но смѣшался, и только взоры его показывали, что происходило въ его сердцѣ.

Въ разсвѣтѣ пошелъ онъ домой: Адель безпрестанно представлялась ему. Двадцать разъ повторилъ онъ себѣ, что она въ этотъ вечеръ дѣлала, что говорила; припоминалъ каждое, даже и малѣйшее ея движеніе. Въ такихъ мечтахъ провелъ онъ большую часть ночи; наконецъ заснулъ, и проснулся не ранее десяти часовъ утра, когда Фьерваль вошелъ къ нему въ комнату.

„Эй, эй!“ сказалъ Фьерваль: „еще въ постель?“

— „Я только къ утру заснулъ.“

„Правое? Такъ безсонница? Прекрасно; я

*

Вшого ожидааь, милый другъ. Вы влюблены, какъ только можно быть влюблену!“

— „Я?“

„Да, да, вы, и знаете ли въ кого: въ прелестную Адель.“

— „Я? влюбленъ въ Адель?“ — Эти слова, казалось, пробудили бѣднаго Кленвилл изъ его усыпленія. Онъ смѣшался, покраснѣлъ; голосъ его сталъ прерываться. . . . — „Почему вы такъ думаете?“

„Ну, шупъ не вижу я еще никакого грѣха!“ — отвѣчала Фьерваль.

— „Грѣха конечно нѣтъ, но большое несчастіе.“

„О, безъ сомнѣнія, превеликое несчастіе влюбиться въ милую дѣвушку, на которой можно жениться, когда только вздумаешь.“

— „Мнѣ на ней жениться? Развѣ вы считаете меня совершеннымъ глупцомъ, и думаете, что я могу имѣть подобныя надежды?“

„А вы, любезный Кленвилл, развѣ думаете, что я въ состояніи насмѣхаться надъ вами? Выслушайте меня. Я знаю Г-жу Жюмильи уже съ давнихъ лѣтъ, имѣлъ случай оказать ей важныя услуги, и долгое время прилежно съ нею переписывался. Безпрестанно писала она ко мнѣ о будущей участи своей дочери, и о своемъ желаніи вм-

дѣшь ее въ счастливомъ супружествѣ. „Дочь моя“ — повноргла она въ своихъ письмахъ: — „довольно богата, и можешь вести пріятную жизнь и съ бѣднымъ мужемъ, а пошому богатства я вовсе не ищу. Но если бы нашелся молодой человекъ съ благороднымъ сердцемъ и умомъ образованнымъ — его желала бы я имѣть своимъ зятемъ.“

Въ то же время просила она меня принять участіе въ будущей судьбѣ ея дочери. Ну, шеперь припомните, Кленвиль, что я обѣщала быть вамъ полезнымъ: шеперь намѣрень я сдержашъ свое слово. Будьте увѣрены, что я знаю васъ лучше, нежели вы сами себя знаете; и безъ сомнѣнія, не употреблю во зло довѣренности Г-жи Жюмильи, если васъ предложу ей въ зящя. Она найдешъ въ васъ всѣ шѣ качества, какихъ только желала. При томъ же вчера ввечеру, она съ такимъ воспоргомъ говорила мнѣ о васъ, о вашемъ умѣ, о вашемъ характерѣ, что вчера же положили мы сдѣлать вамъ предложеніе, и шеперь нужно только ваше согласіе.“

— „Какъ? Мое согласіе?“ — воскликнулъ Кленвиль: — „о Боже! и я не могу дать его!“

Оба молчали. Фьерваль успримилъ пронищасельный взоръ на молодого человека,

на лицѣ кошераго одна сшрассть смѣнялась другою.

„Нѣтъ, нѣтъ!“ повпориль Кденвилъ, въ сильномъ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнащѣ: „я не могу дасть своего согласія. Я люблю Адель, но навсегда отъ нее отрекаюсь.“

Тутъ рассказалъ онъ доброму Фьервалю, какъ принялъ на себя обязанность въ отношеніи къ Г-жи Мазьеръ. „Я не могъ“ — продолжалъ онъ — видѣть слезъ этой почтенной женщины, не пронувшись самъ до глубины души. На краю гроба, видѣла она дочь свою бѣдную сиротою, безъ подпору, въ несчастіи. Она умоляла Небо послать ей покровителя. Я неспособенъ былъ тогда къ холоднымъ вычисленіямъ, и такъ распроганъ, что не могъ прибѣгнуть къ размышленію: слѣдуя внушеніямъ сердца, я предложилъ Софіи свою руку.“

— „И такъ вы отказываетесь. . .“

„Отъ собственнаго своего счастья, для счастья другаго.“

— „И это рѣшиительно?“

„Непремѣнно! И можете ли вы требовать, чтобы я, исполнивъ сердце г-жи Мазьеръ радостными надеждами, вонзилъ теперь въ него кинжалъ? Долженъ ли я сказать ей. . . .?“

— „О, нѣтъ! оцѣ меня не ждите никакого совѣна. И какъ можно совѣшоваць шому, кшо привыкъ слѣдоваць первымъ движеніямъ своего сердца!“

„Ахъ! на моемъ мѣстѣ вы поспуцкам бы шочно шакже; я гошовъ ручащся въ шомъ.“

— „Не ручайшесь, любезный другъ! Вы глупецъ совсѣмъ особаго рѣда. Но — не всѣ глупцы имѣюць честь походить на васъ. Прощайше! Сожалю, чшо на ашопъ разъ не могъ я, какъ желалъ, оказашъ вамъ услуги.“

„Какъ? Вы хошите ошцавиць меня? Вы недовольны мною!“

— „Сохрани Боже! Ваша глупость шакъ прекрасна, шакъ благородна, чшо не дѣзя не извинишь ея. Но мнѣ надобно ищши къ г-жѣ Жюмильи, чшобы передашь ей ошвѣшь вашу. Я нощараюсь изьяснишь ей вашу благодарностъ, ваше сожалвнѣ.“

„Мою благодарностъ“ — прервалъ съ живосцію Кленвиль: — „безъ сомнѣннѣ; но не сожалвнѣ. Сердце мое будеть расшерзано: эщо я предвижу; но я не сожалвнѣ о шомъ.“

Фьрвалъ пожалъ ему дружески руку, и ушелъ.

Бѣдный Кленвиль! И ты не сожалвнѣ о себѣ! Твоя чувствительностъ увлекла ще-

бя и сокрыла ошь глазъ своихъ всю вели-
 кость жертвы, шобою принесенной! — Сле-
 зы кашались по щекамъ его; онъ старался
 прервашь ихъ, и съ усмѣшкою говорилъ самъ
 себѣ: надобно признашья, что я дѣйстви-
 тельно глупецъ. И о чемъ же мнѣ печа-
 лишья? Я опказываюсь ошь дѣвушки, ко-
 торая — нельзя не согласиться въ шомъ —
 ошмѣнно мила. Но она рѣшительно *не мо-
 жетъ* бышь моею. Развѣ я не далъ слова?
 развѣ оно не связываетъ меня навѣки? Обь-
 щаніе, данное несчастному, всего священ-
 нѣе. Я женашь уже! Въ моемъ сердцѣ нѣшъ
 уже мѣста для вновь рождающейся спрасни,
 которая, надѣюсь, не пустила еще шакъ
 глубоко корни, чшобы могла нарушить мое
 и Софіино спокойшвіе. Бѣдная Софія! не-
 счастливая дочь нѣжнѣйшей изъ матерей!
 Сердце мое должно бишья шолько для одной
 тебя!

Цѣлый день старался онъ укрѣпить се-
 бя въ эшой рѣшимости. Образъ Адели пре-
 сѣдовалъ его безпрестанно; но вопще!
 Спрасни могутъ конечно засшавить добро-
 дѣшель мучишья и спрадашь, но не совле-
 кушь ея съ истиннаго пути. Ввечеру по-
 шель онъ къ г-жѣ Мазьеръ, и далъ себѣ сло-
 во, не оставляшь ея до прѣзда Софіи. —
 Онъ надѣялся найти ее одну, и никакъ не

ожидалъ, что заспанешь у нее г-жу Жюмильи съ дочерью. Это не показалось ему спраннымъ, потому что г-жа Жюмильи, рѣшась поселиться въ городъ, должна была ознакомиться со всѣми, кого желала видѣть у себя. Но такое неожиданное свиданіе повергло его въ мучительное замѣшательство; онъ нѣ могъ произнести ни одного слова. Неподвижно стоялъ онъ, въ нерѣшимости, войши ли ему, или скорѣе ворошиться домой. Краска выступила на лицѣ его, какъ будто бы онъ сдѣлалъ какой нибудь пропускъ. Къ умноженію его мученія, г-жа Мазьеръ, увидѣвъ его, подошла къ нему, взяла за руку и, предсавая г-жѣ Жюмильи, сказала: „вошь, сударыня, пошь благородный человекъ, который, пронувшись моею горестью, не помышляя о собственныхъ выгодахъ, вызвался бытъ покровителемъ Софій, когда меня не будетъ болѣе на свѣтъ.“

— „Я имѣю уже честь знать г-на Кленвилля;“ — ошвѣчала г-жа Жюмильи: — „знаю также, до какой степени проспирается его безкорыстіе, его благородство. Какая женщина не будетъ счастлива съ мужемъ, способнымъ къ такимъ возвышеннымъ поступкамъ! Что скажешь ты объ этомъ, Адель?“

Дѣвушка съ робостію опустила глаза, улыбулась и, покраснѣвъ, сказала: „да, я увѣрена въ своею счастье.“

Что изобразить удивленіе Кленвилл при этихъ словахъ?

„Слышите ли, добрый другъ мой?“ спросила г-жа Мазерь, обратясь къ нему:

„Ну, какъ обнимите же свою невесту.“

— „Мою невесту! . . .“

„Какъ? Вы не рѣшаетесь? не хотите ли вы взять назадъ свое слово?“

— „Взлѣчь назадъ свое слово? ни за что. — я сдержу его, хотя бы это и жизни моей стоило.“

„Такъ почему жь не хотите вы объявить своей невесты?“

— „Какъ? Адель . . .“

„Моя дочь, моя милая Софія; а г-жа Жюмилли — она самая пріятельница, у которой она воспитывалась.“

— „Боже! что слышу я! Неужели въ самомъ дѣлѣ и такъ счастлива!“

„Счастлива, сколько ты того заслуживаешь, благородный молодой человекъ!“

— „Такъ вы меня обманули?“

„Я хотѣла напередъ узнать человека, которому вручила драгоценнѣйшее свое сокровище. Счастіе моей дочери будетъ служить мнѣ извиненіемъ. Не правда ли, ты

прощаешь меня? И не раскаиваешься, что последовала первым движениям своего сердца?"

Кленвилъ не могъ отвѣчать: онъ былъ слишкомъ распротанъ. Глаза его, омоченные слезами, обращались попеременно на Г-жу Мазерь, Софію и Г-жу Жюмильи.

Въ эту минуту вошелъ Фьерваль. „Какъ? Одни?“ — закричала ему Г-жа Мазерь: — „а гдѣ же Ношариусъ?“

„Сей часъ будешь. Контракты уже совсѣмъ написаны; недостаешь только . . .

— „Приданого и подписей“ — докончила Ношариусъ, входя въ комнату.

„Ну; объявите же намъ“ — сказалъ Фьерваль: — „какое приданое назначаете вы своей внучкѣ? Я люблю Кленвила; и общалъ доставить ему хорошую партію, а потому и долженъ заботиться объ его выгодахъ.“

— „Такъ пишете же, г. Ношариусъ, что я даю моей внучкѣ, Графинѣ Софіи Верлакъ, сто тысячъ шиллеровъ, которые хранятся въ рукахъ благороднѣйшаго человека, моего стариннаго друга, г-на Фьерваля.“

„Довольны ли вы?“ спросилъ Фьерваль Кленвила.

Кленвилъ бросился къ нему на шею, прижалъ руку г-жи Мазерь къ губамъ своимъ и сказалъ: „вы не соблюдаете цещепенно-

спи въ сюрпризахъ. Первый былъ шакъ для меня дорогъ, что онъ опнимаешь цѣну у вшораго.“

— „Оба пригодятся“ — возразилъ Фьервалъ: — „вы увидите это со временемъ.“

„Вы считали меня очень бѣдною, любезный Кленвиль!“ — сказала г-жа Мазьеръ: „но я только казалась такою. Правда, я потеряла свое имѣніе; но за то у меня остались плоды моей бережливости. Г. Фьервалъ принялъ во мнѣ живѣйшее участіе; онъ сократилъ мои расходы до самаго необходимѣйшаго; хорошее управленіе и нѣкоторыя неожиданныя, счастливые случаи увеличили мой капиталъ, шакъ, что я опчаша могла бы снова возстановить прежній блескъ своего дома. Но привыкнувъ опказывать себѣ въ излишнемъ, я разсудила, что если въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ буду присоединять проценты къ своему капиталу, то въ соснойніи буду скопить для Софіи приданое, которое дастъ ей возможность при выборѣ супруга, смолръшь *только* на его сердце и его достоинства. — Я рѣшилась послѣдовать этой мысли, и вы видите, умѣла ли я ее выполнить.“

— „Превосходная женщина!“ воскликнулъ Кленвиль.

„Не очень хвалите меня, любезный другъ! Безъ сомнѣнiя, вы скоро будете опцемъ, и тогда увидите, спомнѣ ли большаго труда лишаться себя чего нибудь для дѣтей своихъ.“ —

Не берусь описывать радости этого благороднаго семейства — радости, въ которой столь же живое участiе принимали и г-жа Жюмильи съ Фьервалемъ, пошому что дружба — не есть ли она второе родство? И развѣ не природа дала намъ друзей нашихъ? — Свадьба Кленвила и Софiи была празднована безъ всякой пышности: для счастья не надобно шумной веселости. — Нужно ли мнѣ еще прибавлять, что наши влюбленные жили счастливо? Нужно ли говорить, что они всегда были шаковы? Въ этомъ всякой увѣренъ и безъ меня. Г-жа Мазьеръ помолодѣла цѣлыми десятию годами, и если иногда чувствительное ея сердце, при ударахъ несчастiя, скорыми шагами приближало ее ко гробу, то это же сердце, въ счастливѣйшее время, снова удаляло ее отъ могилы.

А. Кунъ.

Б І О Г Р А Ф І Я

Докторъ Философіи Доротея фонъ Родде, урожденная Шлецеръ (*).

Старшая дочь Профессора Шлецера Доротея родилась 10 Августа н. ст. 1770 года съ самаго дѣтства предназначилъ ее отецъ къ ученому образованію. — Нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что къ сему предназначенію послужила главнѣйшимъ поводомъ одна только прихоть. Тогда славилась вымышленная Базедовомъ метода воспитанія, грозившая уничтоженіемъ

(*) Въ 107 номерѣ Сѣверной Пчелы извѣстили мы читателей нашихъ о кончинѣ сей почтенной женщины, последовавшей въ Авиньонѣ 14го прошедшаго Юля н. ст. По желанію нѣкоторыхъ читателей нашихъ, любопытствователей узнать въ подробности Исторію ея жизни и образованія, помѣщаемъ краткую ея біографію. Имѣемъ ли надобность упоминать о знаменитомъ, бессмертномъ отцѣ ея, Августѣ Лудовикѣ Шлецерѣ, воздвигшемъ себя въ ученое свѣтѣ прочный памятникъ, и незабвенномъ въ Россіи, по важнымъ услугамъ, кои онъ оказалъ нашей Исторіи? *Изд.*

основательной и ученой образованности: Шле-
 деру хотѣлось опровергнуть сію методику на
 самомъ дѣлѣ, и самымъ разительнымъ обра-
 зомъ. Ему, какъ человѣку спрогихъ правилъ,
 конечно не могло нравиться это легкое, на
 забавѣ основанное ученіе, это поверхност-
 ное всезнаніе — хвасовство пустыми сло-
 вами и именами — слышное тогда подъ
 нынѣшнымъ шумуломъ познаній существенныхъ
 (Realkenntnisse), которыхъ по методу Базе-
 дова можно было преподавать дѣтямъ въ са-
 момъ низкомъ ихъ возрастѣ. Онъ возмуща-
 валъ сильно на Базедова при каждомъ слу-
 чаѣ, особливо же въ своемъ предисловіи къ
 Опыту обученія дѣтей, соч. Шалотте (Cha-
 lotais). Онъ самъ давалъ прежде много уро-
 ковъ дѣтямъ, частію потому, что того
 требовали его обстоятельства, частію же
 для некоторыхъ наблюдений, къ которымъ
 сіи уроки подавали поводъ. У него учились и
 дѣвцы — между прочими восьмилѣтняя дочь
 Федерера; на которой онъ въ послѣдствіи
 женился. Дѣти, обучавшіяся по его методу,
 хотя и неполны, при многихъ ограниченіяхъ,
 къ которымъ онъ былъ принуждаемъ разны-
 ми отношеніями, отличались однако всегда
 необыкновенно быстрыми успѣхами. Тамъ
 болѣе хорошихъ послѣдствій ожидалъ онъ
 отъ совершеннаго и ненаружимаго исполне-

ния своего плана. Рѣшась сдѣлать опытъ надъ первую свою дочью, имѣлъ онъ въ виду вывести изъ заблужденія не только Базедова и многочисленныхъ его приверженцевъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые или считали женскій полъ неспособнымъ къ ученой образованности, или же утверждали, что она несовмѣстна съ его предназначениемъ. Исторія и Математика, равно какъ основательное познаніе языковъ, и особливо изученіе Классиковъ, были исключены Базедовомъ изъ его мѣтоды ученія, а вмѣсто того ввелъ онъ такъ называемыя *существенныя познанія*, которые надлежало внушать дѣшямъ забавнымъ, игривымъ образомъ. Для Шлецера доспапочно было этого повода, чтобы съ дочью своею начать совершенно противоположный планъ ученія. Въ ней съ самаго нѣжнаго возраста показывались рѣдкія способности; очень рано спала она говорить; о многихъ предметахъ дѣлала остроумныя замѣчанія, и вообще оказывала необыкновенную понимливость. Посему началось очень рано и обученіе. Въ два года и восемь мѣсяцовъ, выучилась она вѣзашъ чулки и говорить низко-Нѣмецкимъ нарѣчіемъ (Platt-deutsch); послѣднее, по живнью опца было необходимо какъ собшвенно для узнанія сего языка, такъ и для по-

слѣдующаго за тѣмъ изученія многихъ сродственныхъ языковъ. Для Французскаго языка, а именно для упражненія въ разговорѣ, приславлена была къ ней няня изъ Француженокъ. На пятомъ году Доротея начала учиться чашаь по-Нѣмецки, по книгѣ, нарочно для того составленной опцемъ ея подъ названіемъ: *Путешествіе маленькой Доротеи изъ Геттингена во Франконію*. Грамматическое изученіе Французскаго языка началось на девятомъ году; иногда же занялась она и Англійскимъ языкомъ, копорый съ перваго приема стала учиться по правиламъ, и въ кошоромъ, какъ собственнымъ прилежаніемъ, шакъ особливо опъ частаго обращенія съ Англичанами, приобрѣла вскорѣ совершенное познаніе. Уроки Италіянскаго языка стали ей давать на одиннадцатомъ году; они продолжались шолько шримѣсяца, а пошомъ повъхала она съ опцемъ въ 1731 году, въ Италію, гдѣ и оставалась полгода. Въ Римѣ оставлялъ ее опецъ у одного Италіянскаго семейства: шамъ, и дорогою въ шракширахъ, по необходимости должна она была говорить по Италіянски, и сему была обязана приобретеніемъ необыкновенной легкости и бѣглости въ разговорѣ на шомъ языкѣ, шакъ что, по свидѣтельству Аббаша Денины, она знала его

совершенно, какъ свой природный. По-Шведски выучилась она отъ отца на шестнадцатомъ году, по-Голландски также подъ его надзоромъ, но только собственно для себя, и читала не иначе, какъ съ помощію Грамматики и Лексикона. Еще на девятомъ году она начала учиться по-Латинь, читала однако, по волю отца, большею частію только историческихъ Писателей, и то не самыхъ занимательныхъ; стиховъ же давали ей не много. На шестнадцатомъ году принялась она за Греческій языкъ, но это занятіе, частію за продолжительною болѣзнію, частію же за путешествіемъ въ горы Гарца, прекращалось, а потомъ опять было продолжаемо. — Въ числѣ разныхъ Писателей были прочтены ею Аполлодоръ, Анакреонъ и Гомеръ. Ко всему этому присовокупилось еще изученіе Испанскаго языка, копорымъ занималась она въ послѣдствіи; нѣсколько времени училась она и Еврейскому.

Нѣкопорымъ изъ сихъ языковъ, какъ уже сказано, училъ ее самъ отецъ, другими занималась она подъ спругимъ его надзоромъ. И въ этомъ слѣдоваль Шлецеръ собственно своимъ видамъ, копорые не могутъ быть одобрены, потому, что безъ сомнѣнія, были слишкомъ тягосны для его дочери. — Для совершеннаго изученія каждаго языка

напередъ назначаемъ былъ срокъ; при томъ Шлецеръ не только не старался знакомить ея съ Литературою, особливо съ Изящною Литературою тѣхъ языковъ, хотя это всего привлекательнѣе для дѣвушки, и всего лучше могло бы облегчить изученіе, непріятное своею сухостию — напротивъ онъ всячески ее отклонялъ отъ того. Такимъ образомъ не была она знакома ни съ однимъ произведеніемъ Изящной Словесности: въ Французской знала только Вольперову Генріаду; — также точно и въ другихъ языкахъ. Чтеніе Поэтовъ считала Шлецеръ пустою игрою времени: онъ позволялъ ей читать нѣкоторыхъ Греческихъ и Латинскихъ Спихотворцевъ, только по историческому ихъ достоинству, а къ познанію тѣхъ Наукъ, которыя облегчаютъ чтеніе Поэтовъ, и дѣлаютъ оное пріятнымъ, для нея пресѣчены были всѣ способы. Не нужно упоминать, что такая метода изученія языковъ не могла имѣть ничего привлекательнаго для молодой, пылкой дѣвицы. Но твердая воля родителей, его строгій приказъ, заступали мѣсто добровольной склонности, и съ помощію отличныхъ дарованій своей дочери, Шлецеръ достигъ желаемого: на семнадцатомъ году, могла она объявляться на десяти языкахъ, и говорить

объ ученыхъ предметахъ съ мужчинами. — Въ эпоху состояла главнѣйшая цѣль опіовскихъ попеченій, достигнутая конечно съ пожертвованіемъ большей части юношескихъ удовольствій Доротеи. И Науками занималась она точно такъ, какъ языками: надлежало безусловно повиноваться причудамъ отца. Исторіи училась она совсѣмъ не такъ, какъ было бы легче для молодого, склоннаго къ живымъ впечатлѣніямъ ума. Въмѣсто занимательныхъ, легко и пріятно поучающихъ книгъ, давалъ Шлецеръ своей дочери многопомныхъ, хотя основательныхъ, но при томъ чрезвычайно сухія шворенія. Масковъ, Рапинъ Тойра (Rapin Thougas), Геррера, Даніель, Мурашори, Галльская Всеобщая Исторія и подобныя тому сочиненія назначаемы были для ея чтенія, и бѣда, ежели при испытаніи, почти ежедневномъ, забывала она не только годъ, но даже число какого нибудь происшествія! Съ тѣмъ вмѣстѣ надлежало ей слушать въ Университетѣ историческія лекціи отца, и всѣ упоминаемыя имъ при томъ шворенія изучать показаннымъ образомъ. Гораздо охотнѣе занималась она съ шестаго года Математикою. Не довольствуясь Геометрією, по волѣ отца, она должно была упражняться въ Прикладной и высшей Математикѣ. Шлецеръ самъ

имѣла мало свѣдѣній по этой части, и потому поручила Профессору Кесшнеру экзаминовать Дорощею въ ея успѣхахъ; несравненно легче для нее было удовлетворять требованіямъ всякаго другаго (*). — Кроме сихъ двухъ Наукъ, занималась она въ разное время и другими, однако, по видимому, безъ особаго основательнаго плана, а слѣдуя причудамъ ошца, который упражнял ее въ шомъ — или въ другомъ предметѣ по собственной волѣ, не принимая почти никогда въ разсужденіе ея склонностей. Такимъ образомъ за Машемашикою послѣдовала Минералогія. На 16 году спала она брать въ ней уроки у Гмелина, а потомъ, для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній какъ въ оной, такъ и вообще въ Горныхъ Наукахъ, должна была ѣхать въ горы Гарца, и прожила полгода въ Клаусштадѣ, у Генераль-Су-

---

(*) Въ предисловіи Мюллера Руководства къ Геометріи для начинающихъ (Гешвингенъ 1790, 2 изд.) говоритъ Кесшнеръ объ ней, не называя ея: „Спранно покажется, но я знаю семилѣтнее дитя, которое не имѣетъ еще силъ, чтобы чертить циркулемъ, но такъ образовано подъ руководствомъ предлагаемаго здѣсь сочиненія, что головою дасть ошчетъ въ теоремахъ и доказательстввахъ двухъ первыхъ книгъ Эвклида.“

перинпендента Даме. И ей, цвѣтущей шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, надлежало въ мужескомъ плащѣ, въ обществѣ горныхъ служителей, лазить въ рудники, посѣщать всѣ подземныя камеры, и не только дѣлать рисунки, вычисленія, разрѣшать предлагаемыя задачи, но и самой, сколько возможно было, заниматься дѣломъ простаго работника! Какъ ни спарались всѣ, ее окружавшіе, облегчать тягосши сего предпріянія и отвращать все непріянное, но при всей эпош внимательности, подвигъ дѣвицы былъ весьма значителенъ. Съ 14 Юля по 21 Августа 1786 года, оспавалась она въ Гарцѣ, и ощенъ ея вполне доспигъ желаемой цѣли.

Какъ мало смошрѣлъ Шлецеръ на склонности своей дочери, тому сауживъ разительнымъ доказательствомъ, что онъ вздумалъ однажды, и твердо рѣшился, заспавивъ ее пройши весь курсъ Медицины: спойло необыкновеннаго труда отклонить его отъ сего намѣренія. За всѣмъ тѣмъ ее принудили учиться нѣкоторымъ отдѣльнымъ Наукамъ, входящимъ въ составъ Медицины, а именно: Бошаникѣ, Натуральной Исторіи, Химіи, и даже Машеріи-Медикѣ и Анатомии. — Разумѣется, что при всемъ помѣ она не оспавляла и обыкновенныхъ занятій

женскаго пола : танцованія , рисованія и музыки.

Наконецъ Шлецеръ наслаждался высочайшимъ шоржествомъ своей меподы воспишанія, когда Гешпингенскій Университетъ далъ его дочери (17 Септября 1787) дипломъ на доcтоинствѣ Доктора Философiи. Первымъ къ тому поводомъ послужила случайная шушка Профессора Михелиса, который сказалъ о дѣвицѣ Шлецеръ (24 Юля 1787), что она, въ наступающей второй половинѣ столѣтiя Гешпингенскаго Университета, будетъ первою въ списокѣ студентовъ и даже можешь получить Магистерскій дипломъ. Шлецеръ, не зная, въ шушку или въ правду сдѣлано было такое замѣчанiе, вздумалъ ближе узнать о томъ, и написалъ къ Михелису (25 Юля), что „если онъ не шушя говорилъ о Магистерскомъ дипломѣ для его дочери, то желательнѣе было бы, чшобъ она его получила, но не просто, а по экзамену всего Факультета, или хотя нѣкоторыхъ Профессоровъ — лишь бы только уволили ее отъ публичнаго провозглашенiя и вызова во время празднованiя юбилея.“ По сему Философскій Факультетъ положилъ сдѣлать испытанiе дѣвицѣ Шлецеръ обыкновеннымъ образомъ, только на Нѣмецкомъ языкѣ, освободивъ ее отъ публичнаго вы-

зова и диспута, а также и ошъ введенныхъ въ обычай обрядовъ, при допущеніи къ экзамену. Августа 25 было назначено сіе испытаніе; оно происходило въ домъ Декана Профессора Михелиса, въ присутствіи его и другихъ Членовъ Философскаго Факультета: Кесшнера, Гейне, Гапшерера, Мейшера, Федера и Куленкампа, съ 5 до 7½ часовъ вечера. Экзаминашорами были Михелись, Кесшнеръ и Мейшерь. Первый заставлялъ ее сдѣлать вольный переводъ съ объясненіями 37 Оды изъ первой книги Горация, потомъ Кесшверъ спрашивалъ ее изъ Алгебры, Минералогіи и Горныхъ Наукъ; Мейшерь изъ Архитектуры, особливо въ отношеніи къ совершенному ею за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ путешествію въ Италію, и наконецъ задалъ ей одну математическую задачу, которую рѣшила она весьма хорошо. По нѣкоторомъ совѣщаніи Факультета, объявилъ ей Михелись заключеніе онаго, давъ ей дипломъ на Докторское достоинство, и шупъ же всѣ присутствовавшіе ее съ тѣмъ поздравили. Она благодарила, говоря, что если теперь еще недостойна этой чести, то надѣется черезъ пять лѣтъ заслужить оную. Потомъ дочери Профессора Михелиса увѣнчали ее лавровымъ вѣнкомъ, и она поспѣшила къ своимъ родителямъ. Въ вѣощъ

день, по приказанію отца, была она одѣта, какъ невѣста. Въ ночь же вечеръ подано ей было сочиненное самимъ Шлецеромъ ошъ имени ея брашьевъ стихотвореніе; семнадцатаго же Сентября, при шоржеспвѣ юбилея, провозгласили ее публично Докторомъ. Сама она при шомъ не была, а находилась въ боковой комнашъ, занимаемой библиотечкою ошкуда могла все видѣшь и слышашъ, что происходило въ Университетской церкви.

Такимъ образомъ достигла она цѣли, предназначенной для нее опцемъ ея, а не ею самою. Ее шоржеспвенно приняли въ сословіе Ученыхъ, и вскорѣ за шѣмъ Іенское Лапшинское Общество избрало ее въ Члены. Хотя Шлецеръ не могъ ничѣмъ разишельнѣ опровергнушь системы Базедова, и оправдать шого, что самъ ушверждалъ прежде о воспишаніи, но не надобно забывашъ, что это сдѣлалъ онъ на счетъ юношескихъ наслажденій своей дочери, и можешъ бышь, шолько случаю обязанъ онъ шѣмъ, что за шаккой дерзкій опышъ дочь его не заплашила преждевременно своею жизнью, или совершеннымъ разстройствомъ своего здоровья. — Шлецеръ оправдывалъ это шрогое, ученое образование своей дочери шѣмъ, что хотѣлъ опчасти наполнить праздные часы, кошо-

рыхъ, при нынѣшнемъ воспитаніи, несравненно болѣе, нежели при прадѣдовскомъ, а праздность очень вредитъ нравственности; опчасши же старался дать своей дочери такія познанія, которыя со временемъ могутъ быть ей чрезвычайно полезны, а если бы и сего не было, то, по его мнѣнію, она ничего не потеряла, кромѣ множества праздныхъ часовъ, могшихъ послужить ей во вредъ; между тѣмъ не совсѣмъ рѣдки случаи, что по ученому образованная женщина можешь оказать немаловажныя услуги Наукамъ. Болѣе всего упирался онъ однако на то, что хотѣлъ предохранить дочь свою отъ скуки въ преклонныхъ лѣтахъ, ибо и Цицеронъ уже провозгласилъ Науки утѣшеніемъ старости. Конечно всякій долженъ въ томъ съ нимъ согласиться; для женскаго же пола скука несравненно несноснѣе, чѣмъ для мужчинъ.

Но не однѣ эти причины руководствовали Шлецера при воспитаніи его дочери: изъ способовъ, какіе были къ тому употребляемы, изъ выбора Наукъ, которымъ дѣвица Шлецеръ должна была преимущественно посвящать себя, неоспоримо явствуешь, что главное намѣреніе отца было то, о которомъ уже мы говорили, то есть, представить живой образецъ преимущества своей мѣтоды надъ мѣтодою Базе-

дова. Только превосходнѣйшіе дары природы могли сохранить дочь отъ щеславія и педантства, которыхъ самъ отецъ старался, казалось, всячески возбудить въ ней. Понятельность о здоровьѣ, коею конечно всякой отецъ долженъ наиболѣе озаботить себя при воспитаніи дѣшей, оставалась поспороннымъ дѣломъ. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло сохранить ее, при самомъ неспешивенномъ образѣ жизни, къ которому была осуждена она. Весьма часто цѣлый день, а непременно уже каждый вечеръ, съ шести часовъ надлежало ей быть съ отцемъ, съ нимъ и подлѣ него работать, и если при томъ оставался онъ чѣмъ нибудь доволенъ, то подвергалъ ее жесточайшимъ порывамъ своего гнѣва: онъ вообще имѣлъ привычку измѣрять силы всѣхъ, его окружавшихъ по своимъ собственнымъ, и дѣлать излишнія требованія дѣшамъ своимъ, а особливо дочери. Еще будучи ребенкомъ, была она принуждена просиживать съ отцемъ далеко за полночь, чтобы помогать ему при его литературныхъ занятіяхъ, дѣлать выписки, переводы и составлять таблицы, разрѣшать задачи, и все тому подобное исправлять передъ его глазами. Къ тому же, отъ ранняго утра до вечера, слушала она множество уроковъ. Для отдыха и забавъ

давали ей очень мало времени ; даже , пока она не оставила родительскаго дома , каждое письмо , какое она отправляла или получала , было читаемо и строго обсуживаемо опцемъ , которъй пребоваъ , чшобъ она и выражалась , какъ ему хотѣлось . Такъ пропекла ея юность : дѣшскія лѣша , дѣшскія игры и всѣ юношескія наслажденія оставались ей неизвѣсными . Къ тому же присо-вокуплялась еще суровость строгаго опца къ прочимъ дѣщамъ его : въ самомъ дѣлѣ , нельзя не удивляться почти непонятной силѣ характера , устоявшаго въ столь тяжгоспномъ , гнѣющемъ положеніи ! Пусть Шдецеръ былъ правъ , желая такимъ воспитаніемъ предохранить дочь свою отъ скуки , въ ея спароспн ; но это слишкомъ дорого куплено , болѣе нежели скучною юностию .

Почти единственныя веселыя минуты имѣла она во время своихъ путешествій , которыя предпринимала нѣсколько разъ , одна и въ сообществѣ опца ; но и тутъ , когда бывала она съ опцемъ , причуды его лишили ее болѣею частію тѣхъ наслажденій , какія были бы приличны ея лѣшамъ и образованности : особливо чувствовала она это во время путешествія по Италіи . Шдецеръ поѣхалъ туда только для обогащенія себя

историческими и политическими свидѣніями, и какъ онъ былъ близорукъ, и не могъ наслаждаться вполнѣ изящными произведеніями Напуры и Искусства, по и дочери, не смотря на ея живѣйшую склонность, не хотѣлъ доставлять ни малѣйшаго къ тому случая. Такимъ образомъ не видала она знаменитаго Терційскаго водопада, потому что для того надежало сдѣлать небольшой объездъ, и вообще, безъ Эллиниста Гейна, который тогда находился въ Римѣ и за особенное удовольствіе поспавлялъ себѣ водить вездѣ эту умную дѣвицу, и знакомить ее съ сокровищами Искусствъ древней сполницы міра, она получила бы очень мало пользы и удовольствія отъ сего путешествія. — Отецъ ея, оставаясь гдѣ нибудь долѣе обыкновеннаго, какъ на примѣръ, въ Римѣ, оставлялъ ее у постороннихъ, часто совсѣмъ ему неизвѣстныхъ людей: сіе послужило ей не только къ существенной пользѣ, но иногда и къ ошрадѣ, потому что всѣ старались ласками и забавами вознаграждать эту милую дѣвицу за скучные часы, проводимые ею въ сообществѣ ученыхъ мужчинъ. Въ Клауспаль, въ домъ Г. Даме, провела она нѣсколько дней въ совершенномъ удовольствіи; тамъ видѣла она картину совершеннаго семейственнаго счастья.

Но радость ея и шухъ была не совершенно чиста, по шѣмъ обязанностямъ, которыя возложилъ на нее отецъ — учись, самымъ плагоспнымъ образомъ, Горнымъ Наукамъ. Гораздо пріятнѣе было для нее путешествіе, сдѣланное вскорѣ послѣ возведенія ея на степень Доктора, въ Страсбургъ, вмѣстѣ съ ея матерью (съ 26 Сентября 1787 года). Въ это время депутация Страсбургскаго Университета, состоявшая изъ Ректора и нѣсколькихъ Профессоровъ, поднесла ей дипломъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, нашла она случай, съ семействомъ Оберъ-Коммисара Грецеля, побывать во Франкфуртѣ на Майнѣ, во время избранія и коронованія шамъ Леопольда II (1790). Возвращаясь изъ Франкфурта, оставалась она въ Кобленцѣ у одной изъ значительныхъ фамилій сего города, и веда жизнь гораздо пріятнѣйшую, нежели въ Гешпингенѣ, гдѣ, по приказанію отца, должна была пригошляться къ преподаванію академическихъ лекцій. Вскорѣ однако отецъ призвалъ ее назадъ въ Гешпингенѣ, а въ слѣдующемъ году, во время путешествія съ нимъ (съ 14 Апрѣля по 17 Мая) въ Любекъ, Киль и Гамбургъ, въ первомъ изъ сихъ городовъ познакомилась съ тогдашнимъ Сенаторомъ, послѣ бывшимъ Бургомистромъ Машвѣемъ Родде, получившимъ въ послѣд-

спвиі опъ Римскаго Императора дворянское достоинство. Она была съ нимъ помолвлена, и черезъ годъ (въ 1782, 28 Мая) послѣдовало въ Геттингенъ бракосочетаніе.

Со времени замужства ея и переселенія въ Любекъ, начинается новый періодъ ея жизни, потому, что съ тѣхъ поръ могла она избирать родъ ученія и занятій по собственнымъ своимъ склонностямъ. Виллерсъ познакомилъ ее съ Французскою Литературою, почти вовсе ей неизвѣсною, а она за то открыла умному Французу всѣ сокровища Нѣмецкой учености. Въ счастливой независимости, уважаемая всѣми, она жила покойно въ новомъ своемъ мѣстопребываніи, и шрое дѣшей, двѣ дочери и одинъ сынъ, осчастливили бракъ ея. Не сходствуя съ болѣею частію такъ называемыхъ ученыхъ женщинъ, которыя желаютъ блистать названіемъ Писательницъ и предоставляютъ воспитаніе дѣтей своихъ наемникамъ, госпожа Родде посвящала напрошивъ того все свое время и всѣ познанія свои, съ неутомимою ревностію, преимущественно образованію своихъ дѣшей. Она не упускала ничего, могущаго хотя сколько нибудь тому способствовать. Они ѣздили съ нею въ разные мѣста, и вездѣ старалась она показывать все достойное примѣчанія.

Склонность сей опличной женщины къ изящнымъ Искусствамъ была, какъ выше сказано, мало удовлетворяема опцемъ, который считалъ это излишнимъ и бесполезнымъ. Вышедши же замужъ, вѣдила она съ супругомъ своимъ, Виллерсомъ и Докторомъ Мейеромъ два раза въ Парижъ, гдѣ тогда (въ 1801 и 1803 году) уже собрана была значительная часть лучшихъ искусственныхъ произведеній всей Европы. Тамъ жила она въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ опличнѣйшими Учеными, Архисшами и людьми Государственными, уважаемая достойнѣйшими особами обоого пола. Въ Национальномъ Институтѣ, въ который (кроме публичныхъ собраній) запрещенъ входъ женщинамъ, была она принята съ опличнымъ уваженіемъ Ласепедомъ, Доломье, Кювье, и другими онаго Членами. Ея сужденіе о представленіи на Французскомъ Театрѣ Волшебной флейшы, превосходнаго произведенія Моцартова, съ разными пустыми перемѣнами и дополненіями — сужденіе, извлеченное изъ ея дневныхъ записокъ (*), и случайно появившееся

(*) Обычай, веспи дневныя записки, къ коему приучилъ ее Шлецерь, оспался у нее и въ послѣдствіи. Сочинителю сей статьи дозволено было просмотрѣть всѣ сіи записки.

въ одномъ изъ Журналовъ , принято было вскорѣ во всѣ другіе, съ присовокупленіемъ величайшихъ похвалъ. Второе пушешествіе въ Парижъ сдѣлано ею было въ самое достопамятное время: во время смерти Герцога Ангенскаго и Генерала Пишегрю , процесса Моро и Жоржа , и принятія Наполеономъ Императорскаго титула. Ясно обнаруживалось тогда во Французскомъ народѣ совершенное равнодушіе , а нерѣдко и явная досада прошиву грубыхъ обмановъ , происходившихъ передъ его глазами , съ цѣлю обмануть и Парижанъ и всю Европу. Г-жа Родде часто имѣла случай наблюдать, какія мѣры принимала Полиція для произведенія искусственнаго восторга. Кромѣ сихъ двухъ путешесствій въ Парижъ , ѣздила она нѣсколько разъ въ Гамбургъ, Киль, Готту, Лейпцигъ, Дрезденъ и Гештингенъ; въ Любекъ же домъ ея былъ всегда мѣстомъ собранія самаго ошборнаго общества тамошнихъ жителей и пріѣзжихъ; всякій , кто только чувствовалъ въ себѣ образованность и дарования , старался бытъ принятымъ въ домѣ Г-жи Родде. Но вскорѣ сей превосходный кругъ разрушенъ былъ сперва общимъ , а потомъ семейственнымъ бѣдствіемъ. Іенское сраженіе привело неожиданно при Французскіе корпуса ко вратамъ Любека; городъ

былъ осажденъ (6 Ноября 1806), только Виллерсъ, своею рѣшимостію и присуществіемъ духа, спасъ домъ Родде отъ ужасовъ грабежа. Тогдашній Маршалъ Бернадошъ (нынѣшній Король Шведскій), остановясь въ семь домъ, почтилъ Г-жу Родде своимъ уваженіемъ: во время пребыванія своего въ Гештингенъ, въ концъ 1813 года, доказалъ онъ это всенародно самымъ лестнымъ для нея образомъ. Но шѣмъ не менѣе бѣдствія, поразившія Любекъ, были поводомъ къ разстройству ея семейственнаго счастья. Осада и грабежъ причинили городу большія потери; совершенное же пресѣченіе торговли остановило большую часть источниковъ промышленности для жителей, а съ шѣмъ вмѣстѣ потерпѣлъ самымъ чувствительнымъ образомъ и домъ Родде, бывший однимъ изъ первыхъ торговыхъ домовъ въ городѣ. Это понудило семейство Родде перемѣнить мѣстопробываніе: оно переселилось (въ 1810) въ Гештингенъ, гдѣ Г-жа Родде, споль же достойная удивленія мужествомъ своимъ и твердостію въ злополучіи, какъ и скромностію въ благоденствіи, была принята со всеобщимъ уваженіемъ. Тамъ нашла она и болѣе пищи для своихъ ученыхъ занятій. Между шѣмъ слабое здоровье побудило ее послѣдственно удаляться отъ общества и ограни-

чтывать себя домашнимъ своимъ кругомъ, и весьма немногими знакомствами. Впрочемъ всякій Ученый или Архистъ, провзавшій чрезъ Гешпянгенъ, поставалъ пріятною обязанностію. снискавъ знакомство Г-жи Родде. Всякъ замѣчалъ съ пріятнымъ изумленіемъ, что при свиданіи съ нею не находилъ ничего, что бы напоминало о присущей *ученой женщины*. Жеманство и педантство, которыя обыкновенно въ общественныхъ кругахъ производяшъ и питающъ скуку, были совершенно изгнаны изъ ея дома. Труднымъ искусствомъ, поставивши каждому въ пріятное соотношеніе съ собою, любезностію, которую можетъ доставити только обращеніе въ большомъ свѣтѣ, обладала Г-жа Родде въ высочайшей степени. — Глубокія познанія соединены въ ней были съ необыкновенною любезностію. — Изъ авторскихъ трудовъ Г-жи Родде, писанныхъ въ то время, когда она жила еще въ домѣ отца своего, напечатаны въ Спрасбургскомъ Журналь: *Magazin für Frauenzimmer*, Письма ея изъ Рима, Непашеля и Клаусталля.

Съ Нльм. Вль.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б . Ъ Г Л Е Ц Ъ .

П о в ѣ с т ь .

„Прощайте, тихій берегъ Дона,
 Ошцовскій прахъ, и машь моя,
 И вся родныхъ моихъ семья!
 Ошь васъ, ошь дружбы, ошь закона,
 Бѣгу на вѣки въ чуждый край,
 Несу позоръ свой за Дунай.
 Хоть я пресступникъ, но презрѣнья
 Ни ошь кого не заслужилъ,
 И чести я неизмѣнилъ.
 Увы! чужое пресступленье
 Ошь правосудія сокрылъ.
 Забышь свой долгъ мнѣ спрашно было;
 Но сосраданіе склонило,
 Я гласу жалѣши внималъ.
 Ошьрышо все и я бѣжалъ;
 Бѣжалъ ошь спрашу, ошь боязни
 Не смерти, но поносной казни.
 Увы! мой спрашный приговоръ,
 Всему бы Дону былъ позоръ:
 Меня сообщникомъ считали;
 По подозрѣнью облича,
 Рукой позорной палача
 Меня бы вѣрно наказали.
 Ошь посрамленья и бѣды,
 Въ Дунай скрою я слѣды.

Забудь шо время машь, родная,
 Когда, въ походъ благословляя,
 Ты мнѣ сказала: ты одинъ
 Моя надежда, Леопольдъ!
 Теперь же: прокляшь будь мой сынъ!
 Ты вѣрно скажешь, умирая.
 Мой спраждешь духъ и спынешь кровь:
 Какъ страшно жизнь свою безславишь!
 Россія, тихій Донъ, любовь!
 Какъ шажко сердцу васъ оставишь;
 Но мнѣ велишь мой геній злой
 Сокрышься ошь роднаго края,
 Не кончишь дни въ справѣ родной!“

О берегъ быспраго Дуная
 Плескаешь, пѣнишя волна.
 На небъ шучи; ночь черна,
 Какъ подземельной мракъ шемницы.
 Но нѣшь ночной здѣсь шишины:
 Здѣсь охраненіе границы
 Прочь гонишь шишину и сны.
 Ничшо не дремдешь, цѣпь въ движенъь,
 И молча ходишь часовой
 Вдоль берега, во шмѣ ночной.
 Во взорахъ, въ слухъ опасенъе,
 Въ ружьѣ зарядъ скрышь боевой.
 Малѣйшимъ шумомъ онъ шревожишь
 Вниманъе вѣрное свое;
 То подъ прикладъ возмешь ружье,
 То на плечо его положишь.
 Вдругъ шихо все, и лишь волной
 Дунай-шумишь; вдругъ волчій вой
 И въ камышахъ онъ слышишь шорохъ;

Или увидишь за рѣкой,
 Какъ будишь съ полки вспыхнешь порождъ.
 То вдругъ сова вспорхнешь надъ ниль,
 И съ шумомъ мимо пронесется;
 То крикомъ жалобнымъ своимъ
 За камышами опзовешися.
 Опять все тихо — лишь волной
 Дунай шумишь, и часовой
 Заходишь скорыми шагами.
 По берегу, взадъ и впередъ,
 И съ нешершнѣемъ смѣны ждешь.

Въ глухую полночь, камышами
 Идешь украдкою бѣглець.
 Тягчишь усалость, какъ свичецъ,
 Его стопы. Но онъ пронами
 Все ближе крадешися къ рѣкѣ.
 Цѣпь часовыхъ ужъ недалеко,
 И Леонидъ, вздохнувъ глубоко,
 Сжалъ саблю въ шрепещной рукѣ.
 Едва лишь шумъ — онъ вспродвигается;
 Или у развѣзжихъ Казаковъ,
 О стремя сабля вдругъ забьется;
 Или обликъ по цѣпи посшовъ
 Рѣкой прощажно пронесется; —
 Онъ остановишися и ждешь,
 Докодь шумъ и сирахъ пройдеши.
 Кому неволя не ужасна,
 Кому свобода не мила,
 И кто себя дѣлаешь зла?
 Чрезъ цѣпь онъ тихо, безопасно,
 Въ травѣ прокрадся, какъ зѣва.
 Онъ у воды. Здѣсь жизнь швод

Споиши между двумя смертями:
 Впередъ — шы гибнешь подь волнами;
 Назадъ ищи — шамъ естъ законъ,
 Тамъ ждешъ палачъ, шамъ ждущъ оковы!
 Нышь, не снесу позоръ суровый!
 Сказалъ и въ волны прынулъ онъ.

Плывешь... кругомъ клочущъ волни,
 Дунай широкъ, а ночь щемна,
 Какъ въ моръ, пристань, не видна.
 Въгонецъ надежды, спреха полный,
 Плывешь... но скоро бысприна
 Его спремленіемъ уносишь.
 Ужь щещно руку онъ заносишь;
 И воду подь себя гребешь;
 Холодный пощъ съ лица щечешь,
 Гнешешь его изнеможенъе
 Несносной щажестью ко дну;
 И силъ послѣднихъ напряженъе
 Не одолъешь ужъ волну.
 Увы! я гибну! Боже, Боже!
 Ты наказалъ....

Въ Галаць жилъ
 Богашый Грекъ. Всего дорже,
 Цоконъ и денъги онъ цѣнилъ.
 Ужь въ нихъ душа его шонула,
 Уже во все края земли.
 Его посланъ корабли
 Съ богашствомъ, съ роскошью Стамбула.
 Онъ дочь имѣлъ. Чершы лица.
 Сама любовь ей рисовала;
 Она одна лишь украшала.

Весь домъ богатаго ошца.
 Стройна, невинна, какъ природа,
 Мила, развязна, какъ свобода ;
 Невыразимый Мирры взоръ,
 Для всѣхъ былъ страшный приговоръ
 Къ любви, къ печали неизбѣжной.
 Но злой отецъ ей приказалъ,
 Для всѣхъ бышь вѣчно безнадежной :
 Себѣ онъ почешей искалъ,
 И тайно дочь предназначалъ,
 За почеши, въ гаремъ Султана.

Среди роскошнаго дивана
 Сидѣлъ однажды Грекъ. Предъ нимъ
 Клубился ароматный дымъ
 Изъ шрубки яшмовой кальяна.
 Онъ слухъ вниманьемъ нѣжилъ свой ,
 Какъ Мирра рѣзвою рукой,
 По струнамъ арфы пробѣгала,
 И голосъ ангельскій сливала
 Съ очаровательной игрой.
 Давно знакомые напѣвы,
 Казались новыми ему.
 Онъ не примѣшилъ, почему
 Румянецъ вспыхнулъ вдругъ у дѣвы.
 Въ дверяхъ угрюмый Карань ,
 Боясь его прервавъ вниманье,
 Стоялъ въ безмолвномъ ожиданьи.
 Какой-то незнакомецъ съ нимъ :
 Цвѣщущихъ лѣтъ черны живыя,
 Одылись скорбью съ раннихъ поръ ;
 Глаза, какъ небо, голубые
 На все бѣдали мрачный взоръ.

Но все, какъ будшо украшали
 Его лице слѣды печали.
 Онъ невнимашельно споялъ,
 Еще онъ Мирры не видалъ,
 Волшебныхъ звуковъ не слышалъ.
 Но скоро душа очнулся,
 Послышалъ какъ бы въ раю,
 Его гласъ дѣвѣ коснулся.
 Забыла Мирра пѣснь свою;
 Ощецъ угрюмый оглянулся.

А. В. ...
А. В. ...

А. В...

(Продолженіе будетъ.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Взглядъ на происшествія текущаго года, съ Мая по Сентябрь.

Великобританія. Важнѣйшимъ дѣломъ Британскаго Парламента, въ продолженіе нынѣшняго его засѣданія, было рѣшеніе вопроса: слѣдуетъ ли уравнять Римскихъ Католиковъ въ правахъ съ Протестантами? Нижняя Палата, убѣдясь доводами Г. Каннинга, приняла сей билль 10 Мая (н. сп.), большинствомъ 248 голосовъ противъ 227. За симъ перенесли оный въ Верхнюю Палату, гдѣ встрѣ-

шлось сильное сопротивление со стороны
 высшего Англійскаго Духовенства и мно-
 гихъ Перовъ. Первыя мѣста въ числѣ про-
 тивниковъ сего закона, занимали Герцогъ
 Йоркскій, братъ Короля, и Канцлеръ Бришан-
 ний. Деспотично замѣчанія, что народъ еще
 разделяетъ съ нѣкоторыми ^{или} имъожимами древ-
 нюю ненависть къ Римскимъ Каполикамъ :
 рѣчь, произнесенная при семъ случаѣ Герцо-
 гомъ Йоркскимъ, была напечатана *золотыми*
буквами, и великолѣпные сіи экземпляры
 вскорѣ разошлись. Билль опринушъ въ Верх-
 ней Палатѣ 17 Мая, 1788 голосами прошиву-
 130. Сіе рѣшеніе удовлетворило желаніямъ
 многихъ ревностныхъ приверженцевъ Про-
 тестантизма, но огорчило Каполиковъ, осо-
 бенно Ирландскихъ: между шѣмъ сіи послѣд-
 ніе не теряютъ надежды, и полагаютъ, что
 Верхняя Палата вскорѣ не преминетъ по-
 слѣдовать примѣру Нижней. — Другой но-
 вый законъ, обратившій на себя вниманіе
 Европы и цѣлаго Свѣта, принятъ былъ объ-
 ими Палатами Парламента, въ началѣ Іюня
 мѣсяца: оный заключаетъ въ себя опмѣну
 прежнихъ постановленій касательно тор-
 говли колоній, и даруетъ онымъ право про-
 изводить торгъ со всѣми народами земнаго
 шара. Сія мѣра не преминетъ возвысить
 богатство и благоденствіе Англійскихъ ко-

дній, и ушвердишь въ то же время узъ, соединяющія ихъ съ метрополією: извѣстно, что Сѣверная Америка побуждена была къ отпаденію стѣснительными мѣраци, кои принялъ тогдашній Англійскій Парламентъ. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ Парламента предъ закрытіемъ онаго, было назначеніе доспащочной суммы на заведеніе колоній въ обширной, малообитаемой Канадѣ. Туда отправляются преимущественно земледѣльцы Ирландскіе, претерпѣвающіе въ отечествѣ своемъ крайнюю бѣдность. При закрытіи засѣданій Парламента, послѣдовавшемъ 6 Юля н. ст., остался нерѣшеннымъ одинъ важный вопросъ: сядуешь ли дозволять вывозъ машинъ изъ Англіи? Годоса въ семь случаевъ раздѣлены.

Съ Европейскими Державами и съ областью Америки, Англія пребываетъ въ мирѣ и согласіи. На берегу Африки Ашантии упили, но ужасныя поварыныя болѣзни свирѣпствуютъ въ Капъ-Костъ-Кастъ. Востокъ Индіи спокоина. Въ Остъ-Индіи, война съ Бирманами продолжается безъ важныхъ успѣховъ. Британніа тамъ, съ другой стороны, распространяетъ владычество свое медленнымъ, но вѣрнымъ образомъ: съ 1817 по 1824 годъ, тридцать Остъ-Индскихъ владѣній признали верховную мадь собою власшь Велико-

бришаннiн: земли сихъ Государствъ простираются ошь предѣловъ Аравiи до Авы, и ошь границъ Тибеша до мыса Коморина. Успѣхамъ Англичанъ не мало способствуютъ междоусобiя шмоощныхъ владѣльцевъ. Предводитель воиншвенныхъ Шейковъ, Рунгешъ-Сингъ воюешъ съ Авганами, и намѣренъ покорить Кабуль.

Общепользныя, исполинскiя предпрiятiя исполняются въ Англiи, по прежнему, съ великимъ успѣхомъ. Къ числу оныхъ принадлежатъ въ нынѣшнее время: заложенiе каналовъ между Лондономъ, Брисполемъ и Поршмушомъ, кошорыми несказанно облегчилось внутреннее сообщенiе, и суда избѣгнушь плаванiя по бурному Бришанскому каналу, ежегодно поглощающему многихъ мореходцевъ; — учрежденiе пароваго судоходства съ разными пунктами Францiи, Голландiи и Германiи: теперь отправляются изъ Англiи пароходы, съ шоварами, пассажирами и письмами, вѣрно, скоро и безпрепятшвенно, въ Булонь, Амстердамъ, Гамбургъ и пр.; должно надѣяться, что сiи сообщенiя вскорѣ будутъ учреждены и съ Балшикою; — отправленiе новыхъ экспедицiй для изысканiй во внутрешности Африки, и наконецъ учрежденiе Университеша въ Лондонѣ.

Франція. Въ нынѣшнемъ году, Французы насладились зрѣлищемъ, невиданнымъ у нихъ въ печеніе полувѣка — коронованія Короля Французскаго въ древнемъ Реймсѣ. Оное совершено было 29 Мая со всѣмъ, приличнымъ важности сего дѣйствія, торжествомъ. Карль X ознаменовалъ вѣнчаніе свое на прародительскомъ престолѣ, многими подвигами добра, благошворительности и милосердія. — 13 Іюня, закрыты были нынѣшнія засѣданія Палаты Перовъ и Депутатовъ. Принятый ими законъ, о вознагражденіи эмигрантовъ, успѣшно приводится въ дѣйство, но превращеніе пяти-процентныхъ облигацій Государственнаго долга въ трехъ-процентныя идетъ медленно; впрочемъ Франція такъ богата, что сіе общошительство не можетъ нанести ей вреда. Правительство усердно занимается усовершеніемъ разныхъ частей народнаго просвѣщенія: въ нынѣшнемъ году учреждены Училища: Главное Богословское въ Парижѣ и Гидрографическія въ важнѣйшихъ приморскихъ городахъ. Нынѣ занимаются планомъ прокопанья, отъ Гавра до Парижа, судоходный каналъ, и симъ средствомъ доставивъ сей столицѣ выгоды приморскаго города. — Важнѣйшимъ дѣломъ Франціи, въ отношеніи къ политикѣ внѣшней, было признаніе независимости острова

Сент-Доминга или Гаити. Распространенныя съшельми мятежа и безначалія, во время Французской революціи, правила были первою причиною ошпорженія сей ошдаленной богатой колоніи. Старанія Франціи, покорить оную склою оружія, были напрасны. Храбрый Генераль Бойе, Президентъ Республіки Гаитійской, прекрашилъ шерьзавісіе сей ошпрова безпорядки, водворилъ на немъ спокойствіе и благоушпроеіство, и желалъ увьнчать сіе дьло добровольнымъ признаніемъ онаго со шпороны Французской короны. Нынѣ достигъ онъ своей цьли: Франція признала независимость Сент-Доминга, получивъ за то великія выгоды для своей шорговли, и обязавъ нынѣшнихъ житеелей онаго вознаградишь пошери, поверенныя прельими помьщиками. Находясь въ шьсныхъ связяхъ съ Испанією, Франція не могла, подобно Ангаліи, войши въ непосредственныя сношенія съ бывшими Испанскими владьвіями въ Южной Америкѣ; но она не преляшснвуешъ своимъ подданнымъ производить выгодную для нихъ съ шьми шпратами шорговлю, наблюдая пошько, чшоби пришомъ не были оскорбляемы чешь и дошпоишество Испанскаго шлага. На случай неприяшнихъ происшешвій въ самой Испаніи, Франція имьешъ на границахъ оной значительную военную силу.

Испанія. Положеніе сей землі не перемѣняется. Правительство желаетъ наблюдать правосудіе, и избираетъ средней пушью между строгостію и послабленіемъ, но его старанія еще не увѣнчались успѣхомъ. Король торжественно успокоилъ вѣрноподданныхъ своихъ объявленіемъ, что онъ не введетъ пагубной Конституціи, и учредилъ Юнпу безопасности, которая должна обуздывать неумѣренныхъ людей всѣхъ партій, ибо и роялисты, увлекаясь необдуманною ревностію, иногда причиняли беспорядки. Учрежденіе сей Юнпы было непріятно многимъ особамъ, находившимъ пользу свою въ продолженіи безпокойствъ. Одинъ изъ Генераловъ, коихъ мы видѣли на сторонѣ защитниковъ Короля, Бессіеръ, забывъ долгъ чести и присяги, вздумалъ (было вооруженною рукою прошившись мѣрамъ Правительства; но оно вскорѣ его усмирило; зачинщикъ мятежа былъ взятъ въ плѣнъ съ своими сообщниками, и на другой же день распрѣданъ. Въ то же время преданъ смертной казни Генераль Эмпеснадо, извѣстный бѣшенствомъ и зѣврешвомъ своимъ въ войнѣ съ Французами, и испуганнымъ защитникомъ конституціонной партіи въ новѣйшее время, когда она уже была побѣждена выборниками законной власти. — Въ Ферро-

лъ и Коруннъ, снаряжающа экспедици, для удержанія за Испанією острова Кубы — оспашка обширныхъ владѣній ея въ Новомъ Свѣтѣ: дурное положеніе финансовъ препятствуетъ предпринять сіи мѣры съ надлежащею силою.

Португалія производитъ, при посредничествѣ Великобританніи, переговоры съ *Бразилією*: надѣюща, что оныя кончены будутъ къ обоюдному удовольствію. Король Португальскій, въ день тезоименитства своего, обнародовалъ всепрощеніе особамъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ безпокойствахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, кои высланы за границу.

Императоръ Австрійскій посѣдилъ въ нынѣшнемъ году *Италійскія* свои владѣнія, Миланъ и Венецію. Всѣ Государи Италіи стеклися въ первый изъ сихъ городовъ. Напрасно нѣкоторые Полишки утверждали, что въ ономъ собирается Конгрессъ для рѣшенія важныхъ дѣлъ въ отношеніи къ Италіи: послѣдствіе явило, что въ Миланѣ было дружеское только собраніе для утвержденія родственныхъ и пріязненныхъ связей. Съ Неаполитанскимъ Дворомъ заключенъ Австрією договоръ, въ силу коего сія послѣдняя Держава выводитъ изъ Королевства Неаполитанскаго еще часть своихъ войскъ.

Король Неаполитанскій, возвращаясь въ столицу свою изъ Милана, обрадовалъ своихъ подданныхъ обнаруженіемъ всепрощенія за политическіе просупки. — Императоръ Австрійскій, по возвращеніи своемъ въ Вѣну, созвалъ Сеймъ Королевства Венгерскаго, и объявилъ, что намѣренъ короновать Супругу свою въ Пресбургъ, въ званіи Венгерской Королевы.

Турція —

Ошлагаемъ окончаніе сей спашья до слѣдующей книжки, надѣясь сообщить въ то время читателямъ нашимъ удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія, объ успѣхахъ Греческаго оружія въ печеніе нынѣшняго лѣта.

(Окончаніе впереди.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И :

1 8 2 5.

57. *Слово на день Святаго Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго*, на Тезоименишество Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича и Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Александра Николаевича, и на рожденіе Благовѣрной Государыни Великой Княжны Ольги Николаевны, говоренное въ Александроневской Лавръ Санктпетербургской Духовной Академіи Инспекторомъ Архимандритомъ Гаврииломъ. С. П. 6. 1825, въ шип. Медиц. Деп. М. В. Д., въ 8, 15 стр.
58. *Курсъ Чистой Математики*, составленный для Военныхъ Училищъ по порученію Беллавена, Профессорами Математики Аллезомъ, Билли, Пюиссакомъ и Будро. Переводъ съ Французскаго, съ дополненіями и присоединеніемъ перевода съ того жъ языка

Дифференціального и Интегральнаго исчисления Бушарля, изданный для руководства въ Артиллерійскомъ Училищѣ. Часть II. Начальная и начертательная Геометрія, нивелированіе, прямолинійная и сферическая Тригонометрія, съемка плановъ и приложение Алгебры къ Геометріи. С. II. 6. 1825, въ Военной шип. Главнаго Шшаба Е. И. В., 8, 464 стр. съ 11 таблицами.

(См. No 106 Сѣв. Пчелы.)

59. *Забавы Калифа, или шутки на одну сутки. Опера-Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. А. Писарева. М. 1825, въ шип. А. Семена, въ 8, 64 стр.*
60. *Полный Французско-Россійскій Словарь, сочиненный по пятому изданію Словаря Академіи Французской. Изданіе третіе. Противу втораго изданія Г. Статскаго Совѣтника И. Тащищева исправленное и во многомъ дополненное. Четыре части. С. II. 6. 1824. въ шип. Ив. Глазунова (четвертая въ М, въ шип. А. Семена) въ 1 ч. 1160, во 2 1332, въ 3 1300, въ 4 1364 страницъ.*

(См. No III Сѣв. Пчелы.)

Къ Читателямъ С. О.

Получивъ множество кришикъ и аншикришикъ на спашьи Московскаго Телеграфа, издаваемаго Г. Полевымъ, мы приведены были въ немалое затрудненіе. Съ одной стороны не смѣли мы наполнять оными своихъ Журналовъ, зная, что многіе почтенные чишатели наши, неучаствующіе въ словопреніяхъ пекущей Липерапуры, жалуясь на безконечные журнальные споры, коими опнимаея мѣсто у прочихъ спашей. Съ другой стороны обязаны мы были удовлетворить справедливому требованію Липерапоровъ, желавшихъ оправдаться предъ публикою, и опровергнуть сужденія Г. Полеваго: *audiatur et altera pars!* Для удовлетворенія желаніямъ той и другой стороны, рѣшили мы напечатать всѣ доспавленные намъ аншикришики (вмѣстѣ съ опвѣпомъ одного изъ насъ Г. Полевому) въ особой книжкѣ, и приложитъ оную къ Сыну Опечества. Сія книжка будетъ раздаваться на слѣдующей недѣлѣ.

Н. Гречь. Ѳ. Булгаринъ.

Сентября 17 1825.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XIX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Я С Н О В И Д Я Щ А Я (*).

(*Повѣсть, соч. Цшокке.*)

В С Т У П Л Е Н І Е.

Къ скорому выздоровленію ошь ранъ, полученныхъ на *Молитскомъ* сраженіи, не мало послужило намъ — насъ было четверо Капишановъ — пріятное мѣстополо-

---

(*) Кто изъ чипашелей не слыхаль о удивительныхъ дѣйствіяхъ живошняго магнешима! Авшоръ предлагаемой здѣсь Повѣспи воспользовался ими для соспавленія завязки оной, но въ его мнѣніи о силѣ и дѣйствіи магнешизма не должно искашь ученаго изслѣдованія и основаній особой психологической сиснемы: его ипошеза нужна была шолько для приданія большей занимательности расказу. Здѣсь прбсвѣщенный чипашель опличить вымыслы ошь истины, обманъ чувствъ ошь вѣрнаго ощущенія, болѣзненное соспояніе шѣла и души ошь здороваго. Но всякій признаешъ, что въ дѣйствіяхъ живош-

женіе нашей *виллы* на берегу моря, и гостепріимство ея богатыхъ владѣльцевъ, Амброзія Фаусцино и супруги его, женщины ошмѣнно любезной. Всего же болѣе порадовало насъ опкрытіе, что хозяева наши оба родомъ изъ Германіи. Онъ прежде назывался Фаустомъ, но удивительное сцѣпленіе обстоятельствъ побудило его поселиться въ Италіи, и перемѣнить свое имя. Невыразимое удовольствіе, вдали онъ опечественнаго неба слышать родные звуки, свело насъ ближе, сдѣлало искреннѣе.

Я имѣлъ позволеніе проводить каждое утро въ библіотеку хозяина. Тутъ, между многими превосходнѣйшими книгами, нашелъ я нѣсколько рукописей, писанныхъ самимъ Фаусциномъ. Онѣ содержали въ себѣ достопримѣчательнѣйшіе случаи изъ собственной его жизни, въ смѣси съ разными рассужде-

---

наго магнетизма много неизяснимаго, много таково, во что углубляясь опасно: посему благоразуміе совѣтуешь каждому, для собственнаго спокойствія, никогда не искать того, что для насъ непоспимимо. На самую Повѣсть Г. Цшокке можно смотрѣть какъ на липературное произведеніе искусства пера, какъ на Романъ, помѣщаемый здѣсь для любителей разнообразнаго чтенія. *Перев.*

ніями о Живописи и Вааяніи. Когда я спалъ просишь у него эшихъ пешрадей для проченія, онъ позволилъ мнѣ взять ихъ, и раскрывъ одну часть, сказала: „Вошь здѣсь найдете вы много необыкновеннаго, даже невѣроятнаго, что, можете быть, со мной только однимъ случилось въ свѣтѣ. Повѣрьте, что все это истина, хотя впрочемъ мнѣ самому представляется иногда, какъ сновидѣніе, или обманъ чувствъ.“

И дѣйствительно, что я нашелъ, было весьма странно; такъ покажется оно и всякому, кто прочтетъ эту удивительную повѣсть. Фаустино сообщилъ мнѣ припомъ изустно разныя мелочныя подробности. — Но этого довольно для вступленія. Здѣсь представляюся читателю отрывки изъ записокъ Фаустина, или, по настоящему, Фауста.

Приключенія въ Вензонѣ.

Двѣнадцатаго Сентября 1771 года, перешелъ я черезъ рѣку Таляменшо при Спаллибергѣ. Скорыми шагами приближался я къ Нѣмецкой границѣ, къ моему опечеству, съ которымъ разлученъ былъ съ самаго дѣтства. Но на душѣ у меня было не весело;

грусть давила ее ; какъ будто какая-то невидимая власть опшадкивала меня назадъ ; какой-то внушрешній голосъ твердилъ мнѣ : воропись !

Нѣсколько разъ останавливался я на грязной дурной дорогѣ, и оглядывался. Ишалія, Венеція, какъ будто манили меня къ себѣ. Но мысль : что шамъ дѣлашь ? чѣмъ жить ? давала опять скорое направленіе шагамъ моимъ вдаль , къ мрачнымъ горамъ , чуть проглядывавшимъ передо мною въ дождѣ и въ шумахъ.

Въ карманѣ было у меня еще нѣсколько денегъ, но слишкомъ не много, чтобы дойти до Вьны — развѣ прибѣгнушь къ милостынямъ, или продашь съ себя часы и бѣлье, и лучшенькое плащье, лежавшее въ узлѣ у меня за спиною. Самое цвѣтущее время моей молодости провелъ я въ Ишаліи, учась Живописи и Ваянію, и наконецъ въ двадцать семь лѣтъ понялъ, что не могу ничего сдѣлать отличнаго. Друзья спарались, правда, ободрять меня похвалами ; моя работа сходила иногда съ рукъ очень выгодно. Но что значило все это, когда я самъ долженъ былъ презирать свои произведенія, не удовлетворявшія моимъ требованіямъ ? Во мнѣ созрѣло печальное чувство, что я слишкомъ слабъ для одушевленія кистью и рѣз-

номъ всего высокаго и прекраснаго, чиню постигала душа моя. Я пришелъ въ опчаяніе. Мнѣ хотѣлось не денегъ, а силы Искусства. Я спалъ проклиная свое пребываніе въ Италіи, попереянное время и самаго себя. Еще имѣя въ Германіи друзей, пошелъ я шуда. Въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, думалъ я, скроюсь отъ свѣта и отъ самого себя. Сдѣлаюсь школьнымъ училелемъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, чтобъ наказать себя за свое высокомеріе, искавшее соперничества Анжело и Рафаэля.

Дурная погода, продолжавшаяся уже нѣсколько дней, возмущала еще болѣе встревоженный духъ мой. Часомъ приходила мнѣ въ голову мысль: какъ хорошо было бы умереть! — Новая дождевая шуча загнала меня въ спорону отъ дороги подъ дерево. Въ величайшемъ уныніи сидѣлъ я на большомъ камнѣ, проходя въ умѣ своемъ исчезнувшіе планы и надежды моей жизни. Вокругъ меня была дикая, гористая пустыня. Холодный дождь лилъ, какъ изъ ведра. Невдалекъ шумѣлъ между скалами ручей, надувшійся отъ проливнаго дождя.

Что со мною будетъ? говорилъ я со вздохомъ, и смотрѣлъ на ручей, довольно ли онъ глубокъ, чтобы въ немъ утопиться. Досадно мнѣ было, что я не подумалъ объ

этомъ; переходя Тааламентшо. Еще тамъ положилъ бы конецъ страданіямъ. — Но вдругъ страшная шоска овладѣла мною, шоска смертельная. Я ужаснулся самого себя, и гнусныхъ своихъ замысловъ. Вскочивъ, побѣжалъ я изо всей силы, какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ самого себя. Тогда былъ уже вечеръ и довольно поздно.

На пути къ мѣстечку Вензопѣ, споялъ опдѣльно большой домъ. Наступавшая темнота, проливной дождь, моя усалоспъ, заспалили меня завернушь въ это строеніе, котораго вывѣска обѣщала прибѣжище и угощеніе страннику. Лишь только спунилъ я на крыльцо, какъ вдругъ овладѣли мною шопъ же ужасъ и ша же смертельная шоска, какія чувспвовалъ я въ лѣсу на камнѣ. Остановясь у двери, я перевелъ духъ. Мнѣ казалось, какъ будто лишаясь я чувспвъ; но шакже скоро я опяшь оправился. Когда же вошелъ въ теплую горницу, когда опяшь повѣяло на меня жизнью людей, мнѣ спало шакъ легко, шакъ весело, какъ давно уже не бывало. Безъ сомнѣнія, думалъ я, все случившееся, происходило шолько отъ шѣдесной слабости.

Съ веселымъ духомъ сбросилъ я на споль свою ношу, и попросилъ себѣ особую комнату, чтобы перемянись совершенно из-

мокшее плащье. Мнѣ опвели маленькую каморку подлѣ общей залы, и шупь, переодѣваясь, слышала я, что идетъ большая сумашоха въ домъ: бѣгаютъ, хлопаютъ дверями, спрашиваютъ обо мнѣ, буду ли я шупь ночевать, пѣшкомъ ли я пришелъ, есть ли у меня кожаная сумка, и прочее тому подобное. Всѣ эти распросы происходили съ большою поропливостію, и такъ; что лишь только ушелъ одинъ, вполне удовлетворенный, какъ явился другой, спалъ почти все то же спрашивалъ, и потомъ убѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

Когда я вошелъ опять въ общую залу, всѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ. Я сдѣлалъ видъ, будто не примѣчаю того, но самъ сгаралъ отъ любопытства, узнавъ, кто такъ подробно обо мнѣ спрашивалъ. Чтобы вывѣдать, началъ я издалека: завелъ рѣчь о погодѣ, потомъ о путешествіи. Потомъ сдѣлалъ вопросъ, есть ли шупь еще кто нибудь изъ провзжихъ? „Есть,“ отвѣчали мнѣ: „какая-то знашная фамилія изъ Германіи, состоящая изъ сцараго барина, изъ молодой, прекраснѣйшей собою, но преопасно больной дѣвушки, изъ пожилой дамы, вѣроятно, матери шой дѣвицы, изъ лекаря, двухъ слугъ, и двухъ служанокъ.“ Далѣе рассказывали, что это семейство приѣ-

хало въ полдень, но часшію дурная погода, часшію болѣзнь дѣвушки задержали его. Такииъ образомъ между рѣчами, узналъ я, что обо мнѣ спрашивали, прежде лекаръ, а потомъ и самъ старый господинъ, и оба съ такою поропливостію, съ такимъ живымъ участіемъ, какъ будто давно меня ожидали. Тракширщикъ увѣрялъ меня, что это должно быть мои короткіе знакомые, и что мнѣ стоить только взойти на верхъ — вѣрно обрадую всѣхъ своимъ появленіемъ.

Я покачалъ головою, увѣренный, что шупъ ещѣ какая нибудь ошибка. Въ цѣломъ свѣтѣ не было у меня ни одного знакомства въ кругу знаиныхъ; а особливо между Нѣмцами. Вскорѣ удостовѣрилъ меня въ шомъ старый слуга незнакомца, который сѣлъ подѣ меня за столъ, и на дурномъ Ишаліанскомъ языкѣ попребовалъ себя вина. Я заговорилъ съ нимъ по-Нѣмецки, и онъ очень обрадовался, когда услышалъ родной языкъ. Все, что было ему извѣстно о господѣ его, онъ расказалъ мнѣ. Я узналъ, что баринъ его, Графъ Гормегъ, везетъ въ Ишалію дочь свою для переменны воздуха, чѣмъ надѣется исправить ея весьма распроенное здоровье.

Чѣмъ болѣе пилъ старикъ, тѣмъ разговорчивѣе становился. Когда и сказаль ему,

что думаю отправиться в Германію, онъ вздохнулъ изъ глубины души, поднялъ глаза къ небу, и придвинувшись ко мнѣ, сказалъ тихо и жалобно, почти сквозь слезы: „Ахъ, какъ бы я желалъ пойти туда вмѣстѣ съ вами! Ахъ, какъ бы я желалъ! Нѣтъ, не могу опъ васъ упайшь“ — продолжалъ онъ: — „это семейство навлекло на себя гнѣвъ Божій. Иначе бытъ нельзя, пошому что шущъ случаются пакія диковинныя вещи — не смѣю рассказывать; да правда, если бъ и смѣлъ, шо никто бы не повѣрилъ мнѣ.“

Подробности о странныхъ путешественникахъ.

Такъ говорилъ Зебальдъ, когда онъ выпилъ еще шолько два спакана вина; но при шрешьемъ позволилъ онъ себѣ уже бытъ со мною гораздо ошкровеннѣе.

„Да, да! почтенный землякъ!“ — сказалъ онъ, посмошрѣвши вокругъ себя съ робосшію, и не видя никого кромѣ насъ въ комнашѣ, продолжалъ; „Да, да! я вѣдь не слѣпъ! видно несмѣтное богатство добромъ не наживаешся. Такъ и въ наши дѣла впушываешся дьявольщина — спаси Боже насъ грѣшныхъ! Баринъ мой, Графъ, можешъ за-

рышь себя по горло въ золото , а все ходишь повѣся носъ, и рѣдко промолвишь слово. Старая барыня — она у Графини Горшензи гувернаншка, компаньонка, или что-то подобное. — У ней на лицѣ написано, что совѣсть нечиста — бродишь, какъ угорѣлая. Сама Графиня — правду скажутъ ; врядъ ли удалось кому нибудь нарисовать и такихъ прекрасныхъ Ангеловъ , какова она , но за то — шушь-то и сидишь самъ врагъ. Ай! ай! что такое?“

Испуганный Зебальдъ вскочилъ съ мѣста и поблѣднѣлъ, какъ смерть. Ничего однако не случилось особеннаго: только вѣтеръ хлопнулъ оконнымъ ставнемъ. Когда я успокоилъ спараго земляка, онъ продолжалъ: „Здѣсь ни что не диво! Мы живемъ въ безпреспанномъ спрахѣ. Вотъ опять одинъ изъ насъ долженъ умереть. Это мнѣ сказывала горничная, Каперица. Да, сударь, — въ добрый часъ молвишь, — если бѣ намъ, съ поварищемъ моимъ Томасомъ, нельзя было подъ часъ опвеспи душу виномъ — нѣчего сказать, въ ѣдѣ, и въ пишьѣ, и въ деньгахъ намъ приволье, только на душѣ-то не весело — такъ я бы давно ужъ убрался, куда глаза глядятъ.“

Я начиналъ уже думать, что Зебальдъ слишкомъ охмѣлѣлъ, и медешъ вздоръ.

„Съ чего жь ты взялъ“ — спросилъ я: — „что одинъ изъ васъ долженъ умереть?“

— Съ чего взялъ? отвѣчалъ онъ: да это такъ вѣрно, какъ я сижу теперь съ вами. Графиня Горшензія сказала это. Вошь видите: въ Юденбургѣ, недѣли за двѣ, была у насъ такая же исторія. Молодая Графиня предсказывала смерть одного изъ насъ. Никто и вѣришь не хотѣлъ, потому, что всѣ были здоровы. Вдругъ молодой секретарь Графа, добрый, любезный господинъ, вѣчная ему память! — когда мы вѣхали по косогору — вдругъ, говорю я вамъ, оборвался съ лошадыю и со всѣмъ, что на ней было, и полетѣлъ въ преисподнюю. Помилуй Господи, что шумъ было! Когда вы поведете черезъ деревню, гдѣ онъ погребенъ, вамъ расскажемъ. Мнѣ и подумаешь о томъ тошно. Дѣло въ томъ, кто изъ насъ теперь проспишся съ этимъ свѣтомъ. Но если это случится, клянусь честію, пошчасъ пошребую у Графа опшсавки, потому что ужъ это неспросна, а мнѣ моя голова дороже, чѣмъ какая нибудь выслуга.“

Я улыбался, видя его суевѣрный страхъ. Но онъ клялся и божился, что все это правда, а пошомъ шепшалъ мнѣ далѣе: „По-вѣрьте, сударь, въ Графиню Горшензію водятся шма злыхъ духовъ. За годъ передъ

силь бѣгала она въ Графскомъ замкѣ по крышамъ, какъ нашему брату не удастся бѣгашь и по ровному мѣсту. Она предсказываетъ будущее; знаетъ всѣ зарытыя въ землѣ сокровища, часно впадаетъ въ изступленіе, и тогда все окрышно ей. Она видитъ человека насквозь, и узнаетъ всѣ его мысли. Докпоръ Вальперъ, человекъ впрочемъ неглупый и честный, утверждаетъ, что не только сквозь людей можетъ она все видѣть, но даже за дверьми и за стѣной. Спрахъ и подушашь! Въ ея умные часы, она таки умна, но за шо въ безумные, когда изъ нее говоришь кто-то другой, мы всѣ пляшемъ по ея дудкѣ. Развѣ не могли мы оспахъ на большой дорогѣ? Нѣтъ, вопъ видишь, надобно было опъ Виллаха сворошить, и по самому дурному пупи, на скаредныхъ лошаденкахъ и на мулахъ, шащиться черезъ горы и пропаси. А зачѣмъ? ей такъ вздумалось. Если бъ мы оспахъ на большой дорогѣ, шащъ господинъ Мюллеръ былъ бы еще досихъ поръ живъ и здоровъ.“

П р е д л о ж е н і е.

Вошедшіе въ комнату хозяйскіе люди принесли мнѣ мой скудный ужинъ, и помѣшали

расскажешь Зебальда. Онъ обѣщала мнѣ однако порассказать еще многое, когда мы будемъ опять одни. Уходя онъ меня, онъ уступилъ свое мѣсто маленькому, угрюмому, пощему челоуѣку, кошораго назвала господиномъ Докшоромъ. И шакъ я знала, что подла меня помѣстился опять одинъ изъ числа неизяснимыхъ путешественниковъ.

Докшоръ смотрѣлъ на меня долго, пока я ужиналъ, потомъ спросилъ меня по-Французски, откуда я, и куда намѣреваюсь ѣхать. Узнавши, что я Нѣмецъ, сдѣлался онъ ласковѣе, и заговорилъ со мною на природномъ нашемъ языкѣ. На мой взаимный вопросъ отвѣчалъ онъ, что Графъ Гормегъ съ дочерью ѣдетъ въ Венецію.

„Какъ бы хорошо было“ — сказала наконецъ Докшоръ: „если бы вы согласились намъ соупшествовать, шѣмъ болѣе, что вы еще не имѣете въ Германіи опредѣленнаго мѣста и назначенія. Вы сильнѣе въ Италіанскомъ языкѣ, нежели всѣ мы; знаете эту землю, ея нравы и обычаи — вы были бы намъ очень полезны. Графъ принялъ бы васъ пошчасъ на мѣсто своего умершаго Секретаря; шполь, покойная жизнь, сошъ шесть гульденовъ жалованья, а припомъ извѣстная щедрость Графа — —“

Я покачалъ головою, и замѣнилъ ему, что ни Графъ меня, ни я Графа, не знаемъ довольно, чтобы заключать навѣрное, можемъ ли мы сойтись другъ съ другомъ. Туть Докшоръ началъ выхвалять Графа, а я сказала на шо: „вамъ будетъ конечно очень трудно сдѣлать сколько же похвалъ Графу обо мнѣ.“

— „О, если сколько въ томъ дѣло“ — возразилъ онъ: — „шо повѣрите, что Графу вы уже рекомендованы. Положишься въ томъ на меня.“

„Рекомендованъ? я? къмъ же?“

Докшоръ, казалось, искалъ словъ, чтобы какъ нибудь поправитъ свою опрометчивость. „Къмъ? къмъ? — необходимостью: Говорю вамъ напередъ, что Графъ согласился бы даже плашить вамъ шо лундоровъ, если бы вы — —“

„Нѣтъ“ — отвѣчалъ я: — „въ жизнь свою не ирудился я для излишняго, всегда только для необходимаго. Съ дѣтства привыкъ я къ независимой жизни. Теперь конечно очень не богатъ, но ни за что не продамъ своей вольности.“

Докшоръ нахмурился, но это не испугало меня. Сказанное мною было не жеманство: я точно такъ думала. Къ тому же не хотѣлось мнѣ и для того ворошиться въ Ишалю, чтобы не взманить опять своей

безполезной спрасши къ Искусствамъ. Впрочемъ не скрою, что и навязчивость Доктора была мнѣ непріятна, и вообще не нравились мнѣ эти путешественники, хошь я и не вѣрилъ, чтобы въ Графинѣ сидѣла шмазлыхъ духовъ.

Видя, что никакія увѣщанія не помогаютъ, Докторъ оставилъ меня.

Тогда спалъ я размышляя, и предложеніе представилось мнѣ довольно въ привлекательномъ видѣ. Пошряхивая нѣсколькими монетами, оставшимися у меня въ карманѣ, я сравнивала свое положеніе при этомъ послѣднемъ своемъ богатствѣ, съ шѣмъ, какое доставилъ мнѣ жизнь у богатаго Графа. Однако слѣдствіемъ всѣхъ размышленій было: „Вонъ изъ Италіи! вселенная передъ тобою открыта. Опець Небесный пишаетъ и юныхъ врановъ. Нужно только спокойствіе духа, мѣсто сельскаго учителя и независимость. Нужно, чтобы я напередъ поразмыслилъ о самомъ себѣ. Все было у меня потеряно — весь планъ моей жизни. Деньги мнѣ шого не замѣняютъ.“

О П Я Т Ъ П Р Е Д Л О Ж Е Н І Е .

Не мало удивился я, когда, спустя минушь десяшь, послѣ разговора моего съ Док-

шоромъ , явился ко мнѣ сауга Графа , и его именовемъ просиль пожаловатъ въ комнату Его Сіяшества. „Что привязались ко мнѣ эти люди!“ думаль я , однако обѣщаль прійти. Это приключеніе начало , если не забавляшь меня , то покрайней мѣрѣ увлекашь любопытство мое на счетъ того , каковъ будетъ конецъ.

Я нашель Графа одного. Онъ расхаживаль большими шагами по комнатамъ. Видъ и осанка его внушали почтеніе ; въ черпахъ лица было много пріятнаго , но вмѣстѣ что-то и грустное. Онъ встрѣшилъ меня извиненіемъ , что попросиль къ себѣ ; заставиль сѣсть , и шущъ , повторивъ пересказанное ему Докторомъ , сдѣлаль мнѣ шѣ же предложенія , которья однако отвергъ я опять съ такою же швердосшію , но скромно. Онъ вздохнулъ , отошелъ къ окну , держа сложенные за спиною руки , вдругъ оборотился снова ко мнѣ , сѣлъ подлѣ меня , и взявъ меня за руку , сказалъ : „Другъ мой ! я взываю къ вашему сердцу. Слишкомъ обманули бы меня глаза мои , если бъ вы не были человекъ честный. И шакъ безъ околичностей ! Оставайтесь у меня. Заклинаю васъ побыть у меня шолько два года. Вы будете имѣть все , что для васъ нужно , а по истеченіи того времени , заплачу я вамъ штысячу луи-

доровъ. И пакъ два года, у меня проведенные, не будутъ для васъ пошеряны.“

Все вто говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ и съ шакимъ добродушиемъ, что я былъ болѣе пронущъ, нежели ослѣпленъ предложеніемъ огромнаго капитала, кошорый могъ обезпечить меня на цѣлую жизнь, дославивъ мнѣ шоль желанную независимость. Я не замедлилъ бы сдаться, если бъ не усшыдился въ самомъ себѣ пакъ явно показашъ, что наконецъ меня прельсшили деньги. Впрочемъ съ другой шпороны, и вто чрезъ мѣру щедрое предложеніе казалось мнѣ подозрительнымъ.

„За шакую сумму найдете вы, милосшивый государь:“ — сказала я ему, — „досшойнѣйшихъ людей, гораздо съ бѣльшими способностями. Въдъ вы меня не знаете.“ Тушь рассказалъ я ему о своихъ общеспельствахъ и занятіяхъ, и думалъ, не огорчая его ни мало, ошшпоронить шѣмъ его шребованія.

— „Мы не разшанемся!“ вскричалъ онъ, и съ умоляющимъ видомъ пожалъ мою руку: „Нѣшъ, мы не разшанемся, пошому, что васъ шолько искалъ я. Для васъ предпринялъ пушешествіе въ Италію со своею дочерью; для васъ пушшился ошъ Вилагаха сюда, по са-

мой несноснѣйшей дорогѣ; для васъ остано-
вился я въ этомъ пращири:“

Я смотрѣлъ на Графа съ большимъ уди-
вленіемъ, думая про себя: видно Его Сія-
тельство изволилъ надо мною потѣшаться.
„Какъ же вы могли меня искасть, когда во-
все не знали меня; когда никто не зналъ,
по какой дорогѣ иду я; когда я самъ, даже
за три дни передъ симъ, не зналъ, по какой
ли дорогѣ отправлюсь я въ Германію?“

— „Послушайше“ — продолжалъ онъ:
— „сего дня послѣ обѣда вы отдохали въ
лѣсу. Вы сидѣли въ самой глуши, подъ дере-
вомъ, на большомъ камнѣ; смотрѣли на ру-
чей, и были очень печальны. Потомъ вдругъ
побѣжали отшуда, не смотря на проливной
дождь. Не такъ ли?“

При этихъ словахъ я осполбенѣлъ. Онъ
увидѣлъ мое смущеніе и сказалъ: „Да, поч-
но, вы потѣ самый, кого я ищу.“

— „Но“ — вскричалъ я, и признаюсь,
на меня въ эту минуту напалъ суевѣрный
ужасъ, я выдернулъ свою руку изъ его руки:
— „Но кто же за мною примѣчалъ? Кто
вамъ сказалъ это?“ —

„Моя дочь“ — отвѣчалъ онъ — „моя
больная дочь. Повѣрю, что вамъ кажется
это удивительнымъ. Но несчастная гово-
ришь и видишь въ своей болѣзни еще удк-

внѣшнѣйшія вещи. Уже съ мѣсяць утверждаешь она, что никто, кромѣ васъ, не можешь возвратишь ей здоровья. Еще за мѣсяць описала она мнѣ васъ шакъ, какъ вы теперь передо мной стоише. Недѣли за двѣ спала она говоритъ, что вы идете къ намъ на встрѣчу. Мы должны были опсправитъ искашъ васъ. Она показывала дорогу, по которой намъ слѣдовало ѣхать — по крайней мѣрѣ въ какую сторону, и это дѣлала она по компасу. Съ компасомъ и ландкаршою въ карешъ ѣхали мы, сами не зная куда, какъ мореходцы на океанѣ. Въ Виллахъ показала она ближайшія къ вамъ пушь; описала даже многія особеннѣности дороги, которой она никогда не видала, и мы должны были своропишь съ большой дороги. Изъ усть Горшензіи узналъ я сегодня, какъ уже вы близко опъ насъ, узналъ и шѣ обстоятельнѣва, о которыхъ я сей часъ говорилъ вамъ. Докторъ Вальтеръ, пошчасъ по приходѣ нашемъ, выпросилъ у пракширщика и расказалъ мнѣ примѣшны ваши, совершенно сходныя съ шѣми, какія Горшензія съ мѣсяць уже швердитъ намъ каждый день. Теперь я въ шомъ удосповрѣнѣ. По шакимъ несомнѣннымъ доказательствамъ, уже я ни мало не сомнѣваюсь, что вамъ, а не кому друго-

*

му, предназначено исцѣлишь дочь мою, и возвратишь мнѣ счастье моей жизни.“

Онъ умолкъ и ожидалъ отвѣта. Я долго сидѣлъ въ размышленіи и нерѣшимости; въ жизнь свою не слыхивалъ я о такихъ диковинахъ. „Все, что говорили вы, Графъ,“ — сказалъ я наконецъ: — „для меня непонятно; а потому, извините, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ. Мое дѣло Живопись и Ваяніе, и то не теперь, а было прежде. Лечить же я не умѣю.“

— „Много непонятнаго въ жизни;“ — отвѣчалъ онъ — „но не все непонятное невѣроятно, особливо когда есть явленія, которыхъ мы не можемъ опровергнуть, хотя причины ихъ отъ насъ и сокрыты. Вы не лекарь; пусть такъ. Но сила, которая открыла моей дочери ваше существованіе въ свѣтъ, сдѣлала васъ, не сомнѣвайтесь въ томъ, и ея избавителемъ. Я былъ въ молодости большой вольнодумецъ, но теперь говорю вѣришь самому непоспоримому. И такъ, любезный мой Фаустъ, вы можете объяснить себѣ и мою навязчивость, и мои несоразмѣрные предложенія. Первая проспительна ошцу, который каждую минуту шрепещеть за жизнь единственной дочери; послѣднія для спасенія столь драгоценной жизни совсѣмъ не велики. Чувствую, что

все это должно вамъ казаться неожиданнымъ, спраннымъ, романическимъ; но поживите съ нами, и вы будете свидѣтелемъ еще спранныйшихъ вещей. Если вы захопите имѣшь какое нибудь особое занятіе, это будетъ соспоить въ вашей волѣ. Я съ своей стороны не спану васъ зашруднять ничѣмъ. Будьте полько моимъ собесѣдникомъ, моимъ ушѣшителемъ. Мнѣ предспоить вскорѣ очень шяжелыя минушы. Кто нибудь изъ нашего круга умреть внезапно, и, если я хорошо понялъ, необыкновенною смершью. Дочь моя предсказала это и — шакъ должно бышь. Я заранѣе шрепещу этого мгновения, кошораго не могу опшрашить всѣмъ богашшвомъ своимъ. Будьте моимъ ушѣшеніемъ! Я очень несчастливъ.“

Онъ говорилъ еще долго, и съ шакимъ мягкосердіемъ, что слезы вышупали на глазахъ его. Все, что до сихъ поръ я слышалъ, изумляло меня, или приводило въ сомнѣніе. То казалось мнѣ, что Графъ не со-всѣмъ въ полномъ умѣ, то подозрѣвалъ я, не помѣшался ли и самъ. Наконецъ я рѣшил-ся, во что бы то ни спало, испытать это приключеніе. Графа считаешь обманщи-комъ было невозможно, а припомъ, меня ни-что не связывало, ничто не манило въ цѣ-ломъ свѣшѣ.

„Ошь щедрыхъ предложеній вашихъ, Графъ,“ — сказалъ я: — „позвольте мнѣ опказаться. Давайше мнѣ сполько, чшобъ я безъ большой нужды могъ жить. Располагайте мною, и я буду доволенъ, если мнѣ удастся что нибудь сдѣлать къ исцѣленію вашей дочери и къ вашему счастью, хошя средство — для меня все еще непоняшно. Жизнь человека очень дорога: я буду гордиться, если успѣю спасти хошя одну. Опказывался опъ денегъ, копорыя вы мнѣ предлагали, я хочу предославить себѣ полную свободу. Опстанусь у васъ, пока могу бышь вамъ полезенъ, или пока мнѣ будешъ у васъ хорошо. — Угодно вамъ принять эшо условіе — тогда я вашъ. Предсавѣше меня въ шакомъ случаѣ вашей дочери.“

Глаза Графа заблестали радостію. Онъ заключилъ меня молча въ свои объятія, и прижалъ къ груди своѣй; послѣ чего вырвалось у него шолько, вмѣстѣ со вздохомъ: слава Богу! Нѣсколько погодя, сказалъ онъ: „Завшра увидише вы дочь мою. Теперь уже она легла въ постель. Я должень еще предупредить ее, чшо вы здѣсь.“

— „Чшо я здѣсь?“ возразилъ я съ удивленіемъ: „Не вы ли сказали давиче сами, чшо она предузнала мое прибышіе, чшо она сывала даде, каковъ я?“

„Извините меня, любезный Фаустъ, я забылъ сказать вамъ еще объ одномъ обстоятельстве. Дочь моя заключаешь въ себѣ два лица. Все, что въ минуты испущенія, если такъ можно назвать, видишь она, слышишь, говоришь и знаешь, вовсе ей неизвѣстно, когда она бываетъ въ натуральномъ своемъ положеніи. Никакая даже малость не оспаривается у нее въ памяти, и она сама бы сомнѣвалась въ томъ, что говорила и дѣлала, и о чемъ мы послѣ ея рассказываемъ, если бы не имѣла причины мнѣ вѣрять. Во время же испущенія, помнишь она все, что прежде съ нею было въ такомъ же положеніи, и что случается съ нею въ обыкновенной жизни. Она видѣла и описывала васъ только въ испущеніи; но такъ совсѣмъ еще ничего не знаетъ объ васъ, кромѣ того, что могли мы рассказать изъ слышаннаго отъ нее же. Не сомнѣваюсь однако, что въ свои необыкновенныя минуты, она васъ приметъ, какъ знакомаго.“

Мы разговаривали нѣсколько часовъ, и щупъ узналъ я отъ Графа, что дочь его давно уже, и даже еще ребенкомъ, имѣла склонность къ ночнымъ лунашическимъ прогулкамъ. Она вставала ночью съ постели, одѣвалась, писала письма къ отсутствующимъ, разыгрывала на фортепیانно труднѣйшія

ношм безъ свѣчи, и дѣлала множесство разныхъ мелочей съ пакиимъ искусствомъ, како-го въ часы бдишельности не только не имѣла, но никогда не могла и достигнуть. Графъ полагалъ, что это испугленіе, или, какъ иногда называлъ онъ, ясновидѣніе, есть только сильнѣйшая степень аунашизма, который однако смертельно изнуряетъ дочь его,

---

У Ж А С Н О Е П Р И К Л Ю Ч Е Н І Е .

Уже было довольно поздно, когда я расшлся съ Графомъ. Въ общей залѣ не оставалось никого, кромѣ спараго Зебальда, который все еще попягивалъ виноцо.

„Послушайте, сударь!“ — сказалъ онъ: — „поговорите со мною пожалуйста по Нѣмецки, чтобы я не разучился. Куда бы жаль было! Вы, кажется, только теперь отъ Графа?“

— „Да, я былъ у него. Онъ уговорилъ меня осмашься при немъ и вмѣстѣ ѣхать въ Ишалію.“

„Ай да славно! Мнѣ право по душѣ, когда хоть однимъ Нѣмцемъ больше около себя вижу; а эти Ишаліянцы, куда какъ мнѣ немиды! Ну, вамъ у насъ все понра-

вишься, кромѣ развѣ Графини, когда она бываешь въ изсупленномъ видѣ. Послушайте, шеперь вы наши, шакъ можно говорить съ вами поопкровеннѣе о нашихъ дѣлахъ. Вошь видишь: Графъ нашъ былъ бы славный баринъ, когда бѣ шолько умѣлъ смѣяться, а шо онъ не совсѣмъ любишь, когда и другіе смѣются. Всѣ около него дѣлають кислыя рожи. Спарушка, что при Графинѣ, была бы славная барыня, да любишь бранишься, если не сдѣлаешь чего вмигъ по малѣйшему ея знаку. Мнѣ кажешся, она для шого шолько ѣдетъ въ Испалію, что тамъ славныя ликеры, пошому что — между нами — она любишь клякнушь порядкомъ. Молодая Графиня была бы шо же не дурна, если бѣ въ ней не водились нечистыя духи. Кшо хочешь у нее бышь въ мидосши, шонъ долженъ выучишься ползашъ на всѣхъ чешырехъ. Гнишесь шолько хорошенько передъ нею. Докшоръ Вальшеръ былъ бы изъ всѣхъ насъ лучшій, когда бы умѣлъ вылечишь ея болѣзнь. За шо мой камрадъ Томасъ . . . .“

Въ это мгновение вбѣжалъ хозяинъ въ ужасъ, крича своимъ людямъ: пожаръ! пожаръ! помогите!

„Гдѣ пожаръ?“ спросилъ я въ испугѣ.

— „Наверху. Я видѣлъ со двора въ окнѣ яркое пламя.“

Онъ убѣжалъ. Во всеи домъ поднялась тревога. Я хотѣлъ выйти. Зебальдъ, блѣдный какъ смерть, удержалъ меня обѣими руками. „Что такое опять?“ кричалъ онъ въ шокъ. Я расшолоковалъ ему по-Нѣмецки, и послалъ его за водою. „Вотъ каково дьявольское навожденіе!“ сказалъ онъ со вздохомъ, спѣша въ кухню.

По лѣспниці бѣгали взадъ и впередъ. Говорили, что комнаша, въ кошорой загорѣлось, заперта, и что послали за инструментами, чтобы разломать дверь. Зебальдъ явился наверху въ одно время со мною; мы оба припахали по ведру воды. Когда онъ увидѣлъ дверь, около кошорой всѣ шѣснились, то сказалъ мнѣ: „шущъ живешъ наша шарушка; ужъ ей не сдобровашъ!“

— „Домайше!“ закричалъ Графъ Гормегъ въ большомъ безпокойствѣ: „Домайте скорѣе; шамъ спишъ Г-жа Монлюкъ; она задохнешся.“

Между тѣмъ пришелъ хозяинъ съ ломомъ. Не безъ труда сладилъ онъ съ дубовою, хорошо вдѣланною дверью. Всѣ бросились было въ горницу, но каждый опшкочилъ въ ужасъ.

Тамъ было совершенно шемно; только въ углу у окна бѣгали по полу синевашо-желтые огни, кошорые однако вскорѣ по-

тухля. Когда распорили дверь, поспе-
сло опшуда чрезвычайно ошпроу, неспер-
нимою вонью. Зебальдъ перекрестился и
кувырнулся внизъ по лѣспницѣ. Съ нѣкопю-
рыми дѣвками случилось то же. Графъ закри-
чалъ: огня! Когда принесли, я пошелъ оп-
крывашъ окна, а онъ свѣшилъ къ поспелѣ.
Ее нашли пусшую. Нигдѣ не видно было и
дыму. У окна шакъ сильно пахло, что мнѣ
сдѣлалось дурно.

Графъ звалъ Г-жу Монлюкъ по имени.
Когда онъ подошелъ со свѣчею, я увидѣлъ у
ногъ своихъ — можно предшавишь себѣ, ка-
ковъ былъ мой ужасъ — большое, черное съ
непломъ пашно и подлѣ него обгорѣвшую
мершвую голову и руку, на другомъ мѣспѣ
при пальца съ золошыми перспними и лѣвую
женскую ногу, не совсѣмъ поврежденную
огнемъ.

„Великій Боже!“ вскричалъ Графъ, по-
блѣднѣвъ: „что эшо?“ Онъ съ ужасомъ смо-
трѣлъ на сіи печальные ошашки чедовѣче-
скаго ошпава. Вглядѣвшись въ пальцы съ
кольцами, онъ опскочилъ и закричалъ во-
нешнему Докшору: „эшо Г-жа Монлюкъ; она
сгорѣла, но нѣшъ ни огня, ни дыму — непо-
няшно!“ — Онъ подошелъ опяшь, чтообы бо-
дѣе удосповѣришься; попомъ опдалъ свѣчу,

сложилъ руки, и блѣдный, какъ смерть, вышелъ изъ комнашы.

Я долго споялъ, какъ прикованный къ мѣсшу. Все, что случилось со мною въ эпошу день и что было мнѣ рассказано, шакъ меня ошуманило, что я безмолвно и безчувственно смошрѣлъ на пепель, уголья и ошврашишельные ошпашки меловѣческаго шрупа у ногъ моихъ. Вскорѣ вся комнаша наполнилась служилелами и женщинами изъ шракшира. Я слышалъ вокругъ себя ихъ перешепшыванье, и мнѣ казалось, какъ будшо сшою между привидѣнiями; рассказы нянюшекъ въ моемъ дѣшснвѣ, спали сбывашься, казалось, на самомъ дѣлѣ.

Когда я пришелъ въ себя, шо съ шрудомъ процѣснился сквозь народъ изъ комнашы, и хошѣлъ ишши въ общую залу. Въ эпо мгновенiе ошворилась боковая дверь, и ошшуда вышла, поддерживаемая двумя женщинами, у каждой по свѣчѣ въ рукахъ, молодая дама въ легкой спальной одеждѣ. Я ошпановился, какъ ослѣпленный и очарованный симъ новымъ зрѣлищемъ. Такой миловидности и благородшва въ лицѣ, въ осанкѣ, въ движенiяхъ, я не видалъ въ моей жизни, ни въ сущешвенномъ мiрѣ, ни въ шворенiяхъ живописцевъ и ваяшелей, ни въ собшвенныхъ своихъ мечшахъ и воображаемыхъ идеалахъ

красоты. Весь ужасъ прежняго зрѣлища былъ забытъ. Я весь обратился въ зрѣніе; былъ изумленъ, очарованъ. Молодая дама тихо переспупала къ той комнатѣ, гдѣ случилось удивительное явленіе. Увидѣвъ народъ, она остановилась, и на Нѣмецкомъ языкѣ, пріятнымъ, но повелительнымъ тономъ, сказала: „выгонише этихъ людей!“ Въ мигъ одинъ изъ слугъ Графа принялся исполнять ея приказаніе, и съ такимъ неучпивымъ усердіемъ, что всѣхъ, и меня вмѣстѣ съ другими, началъ шлокашъ внизъ по лѣспницѣ.

Если когда нибудь бывали Феи, думалъ я — такъ это одна изъ нихъ. *Взглядъ.*

Въ общей залѣ сидѣлъ Зебальдъ опять за стаканомъ вина.

„Вошь, не правду ли я сказала?“ кричалъ онъ мнѣ на встрѣчу: — „одинъ изъ насъ таки опсправился! Такъ угодно было нашей колдовкѣ или самому сашанъ. Одинъ свернулъ себѣ шею, другая сгорѣла безъ огня. Нѣтъ, слуга покорный! завтра же въ опспавку, а не то, пожалуй, дойдетъ очередь и до меня. Надобно убраться по добру по здорову, пока есть время, а то въ Италіи, говорашъ, и горы дышашъ огнемъ. Нѣтъ, я не подойду къ нимъ близко. Не всегда безъ грѣха. Не мудрено, что шутъ какъ разъ дьяволь и насунешъ.“

Я сказала, что видѣлъ молодую даму.

„Она и ешь!“ воскликнулъ онъ: „наша Графиня! Послушайте, сударь, убирайтесь ж вы со мной завтра прочь. Мнѣ право жаль васъ, если вы кончите жизнь въ шакиихъ молодыхъ лѣтахъ.“

— „Такъ Графиня Горшензія?“

„Кому же бытъ иначе? правда, что хороша; но....“

Пришли звать Зебальда къ Графу; онъ пошелъ, или лучше, пощипалъ ноги, шажелѣ вздыхая.

Во всемъ домѣ продолжалась еще спрашная сумашоха. Я сидѣлъ въ задумчивости на скамьѣ, и посреди шакиихъ происшествій казался самъ не свой. Но несравненный видъ молодой Графини, въ ослабительномъ блескѣ, носился безпрестанно предъ внутреннимъ моимъ взоромъ.

Уже поздно за полночь, ошвелъ мнѣ хозяинъ комнашу, въ кошорой я легъ.

А Н Т И П А Т І Я.

Послѣ упомишельнаго прошедшаго дня, я спалъ очень крѣпко, и проспалъ почти до полудня. Когда я проснулся, все, случившееся со мною наканунѣ, предсшавлялось мнѣ

какъ шемное, лихорадочное сновидѣніе. Я припоминалъ, и не вѣрилъ самому себѣ — не могъ однако и сомнѣваться. Впрочемъ на душѣ было у меня повеселѣе. Ни сколько не колебался я въ своей рѣшимости сдержать данное Графу Гормегу слово, во что бы то ни стало. Будущая участь моя представлялась мнѣ споль необыкновенною, что она даже манила и подспрекала меня.

Общая зала, въ которую вошелъ я, была наполнена мѣшными и полицейскими служилыми, капуцинами и мужиками, пришедшими частію по должности, частію же изъ любопытства. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, чтобы сожженіе Г-жи Монлюкъ не было дѣломъ дьявола (*). Хотя Графъ велѣлъ своимъ людямъ похоронить печальные останки ея; но шолковали о томъ, что надобно освятить весь домъ и очистить его отъ бѣсовскаго навожденія. Это стоило большихъ издержекъ. Насъ, путешественни-

---

(*) Суевѣріе породило много ужасныхъ мнѣній: оно всего сильнѣе дѣйствовало на воображеніе людей легковѣрныхъ. Отъ такихъ душевныхъ недуговъ лучшее врачевство есть просвѣщеніе, основанное на Христіанскомъ благочестіи, на страхъ Божіемъ, изгоняющемъ изъ челоуѣка вслкій другой страхъ.

ковъ, хошѣли задержашь и судишь, не рѣшались шолько, духовнымъ или гражданскимъ судомъ; наконецъ положили единогласно, препроводишь насъ въ Удине, къ шамошнему Римско-Каполическому Архіепископу.

Графъ, будучи не шакъ силенъ въ Итальянскомъ языкѣ, очень обрадовался, когда увидѣлъ меня. Чшобы успокоишь умы и покрышь нанесенные хозяину убышки, предлагалъ уже онъ порядочную сумму денегъ. Однако ничшо не помогало. И шакъ предоспавилъ онъ мнѣ кончишь дѣло онъ его имени.

Я предспалъ господамъ чиновникамъ и всему ихъ причешу, и объявивъ, чшо провзжіе шакже шочно для меня посшоронніе люди, какъ и для нихъ, далъ имъ двѣ вещи на разсужденіе. Эшо несчастіе, говорилъ я, или случилось оно ещеспшвенно, по крайней мѣрѣ безъ учаспія Графа — шогда, задержавъ его, какъ весьма знашную и сильную особу, навлекушь они себѣ большія непріятности; или оно вышло дѣйспшвительно онъ нечистаго духа, съ кошорымъ, бышь можеть, Графъ въ связи — въ шакомъ случаѣ для него очень легко надѣлашь имъ, всей деревнѣ, пожалуй и всему ихъ племени, изъ ошшщенія, большія хлопоты. Слѣдовашельно, прибавилъ я, гораздо лучше воспользовашься

предлагаемыми деньгами; пусть ничего бо-
впясь ни ответственности, ни мщениа, и
во всякомъ случаѣ, чистый выигрышь. Мои
доводы убѣдили ихъ. Деньги были отсчиша-
ны. Намъ подали лошадей. Мы съѣли и пов-
хали. На небѣ разъяснѣло еще съ упра.

Графиня, съ своими женщинами и слу-
жителями, отправилась еще за нѣсколько
часовъ до насъ. Графъ оставался только съ
однимъ слугою. Дорогой началъ онъ говорить
о вчерашнемъ ужасномъ приключеніи. Онъ
сказалъ, что оно сильно подѣйствовало на
дочь его, которая послѣ того впала на нѣ-
сколько часовъ въ судороги, потомъ немно-
го уснула, наконецъ проснулась и была очень
покойна, однако захотѣла немедленно отпра-
вить эптою несчастный домъ.

Желая, можешь быть, приговорить ме-
ня къ тому, чего долженъ я ожидать отъ
будущей своей жизни, Графъ продолжалъ
такъ: „Я принужденъ во многомъ уступать
и славовать волю больной моей дочери. Она
очень своевольна и упряма: каждое проши-
ворѣчіе, при ея раздражимельности, сердитъ
ее, а малѣйшая досада можешь причинить
ей большія спраданія на нѣсколько дней. Я
сказывалъ ей о вашемъ прибытіи. Она вы-
слушала равнодушно. Когда же я спросилъ,
могу ли представить васъ ей, она отвѣча-

да: „Развѣ думаете, что я такъ чрезмѣрно любопытна? Еще будетъ время въ Венеціи.“ — Однако я надѣюсь найтти къ шому случай еще дорогой. Не огорчайтесь, любезный Фаустъ, ея причудами. Она несчастная, съ которою надобно обходиться снисходительно, чтобъ не повергнуть преждевременно въ гробъ. Она единственное мое благо, моя послѣдняя на землѣ опрада. О г-жѣ Монлюкъ она, кажется, не горюетъ, пошому что въ послѣднее время съ каждымъ днемъ теряла свою къ ней привязанность, не знаю, по какой собственно причинѣ, но думаю, не опъшого ли, что эта шарушка слишкомъ пристрастилась къ крѣпкимъ напиткамъ. Да, нашъ Докпоръ утверждаетъ, будто эта несчастная страсть и причинила ей такую жалкую смерть. Мнѣ очень жаль шарушки. Она была чрезвычайно предана мнѣ и моей дочери. Докпоръ Вальшеръ рассказывалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ, впрочемъ конечно весьма рѣдко случающихся, какъ человѣческія пѣла сами собою загараются и въ нѣсколько минушь обращаются въ пепель. Онъ старался мнѣ объяснить это явленіе естественнымъ образомъ: однако мнѣ все это не понятно. Знаю только шеперь, что нѣтъ ни-

чего ужаснѣе такой, внутреннимъ пламенемъ пожирающей смерти (*).“

Такъ говорилъ Графъ, и это было предметомъ нашего разговора почти во всю дорогу до Венеціи, потому, что мы останавливались только ночевать, и то не на долго. Такъ угодно было молодой Графинѣ, не смотря на изнеможеніе шѣла ея, и ни на какія увѣщанія отца и Докшора. Я все еще не имѣлъ счастья бытъ ей представленнымъ. Мнѣ даже надобно было всегда держать себя какъ можно далѣе, потому, что я совсѣмъ не имѣлъ чести ей нравиться.

Ее несли въ носилкахъ. Слуги шли пѣшкомъ по сторонамъ; женщины вѣхали, также и Графъ, въ особой коляскѣ, а я съ Докшоромъ верхомъ.

Однажды Графиня, выходя изъ прапшира къ носилкамъ; увидѣла меня и сказала Докшору: „Кто такой этошь человекъ, который безпрестанно около насъ вершился.“

— „Это г. Фаустъ, Графиня.“

„Препрошивная фигура; я не могу на него смотрѣть.“

— „Вы сами его желали. Для него и предпринято путешествіе. Такъ считайте

(*) Пламенемъ невоздержанія!

его за лекарство, которое сами себя предписали.“

„Правда, какъ посмотрю на него, всё равно, что на лекарство — также процивно.“

Хоть я былъ въ спорѣ, но эшошь разговоръ не прошелъ мимо ушей моихъ, и не знаю, что было у меня на лицѣ, но помню, что я ужасно огорчился. Если бы не благосклонное, дружеское обращеніе Графа, но я тогда же поклонился бы причудливой красавицѣ, и навосприлъ бы лыжи. Я не могъ конечно хвалиться красошою, однако зналъ, что не совсѣмъ не нравлюсь женщинамъ. Не разъ говорили мнѣ прекрасныя, и потому досюйныя върояшія успа, что спанъ мой не дурень, мои русые волосы, голубые глаза ни мало не прошивны. Я принималъ эшо за наличныя деньги, хошя и не слишкомъ пѣмъ щцеславился. Однако шеперь, быль подько терпиму, какъ лекарство, эшо было слишкомъ жестко для самолюбія молодого человека, особливо шакого, кошорый, будо онъ Графъ или Князь, не задумался бы причестъ себя къ числу поклонниковъ прелестной Горшензіи.

Однако такъ и осталось. Графиня привѣхала въ Венецію довольно благополучно, и ея лекарство покорно послѣдовало за нею. На-

ица былъ превосходнѣйшій домъ; мнѣ отвѣли особыя комнаты, дали особую услугу. Графъ Гормегъ жилъ, какъ говорится, на большой ногѣ, Между Венеціанскими дворянами было у него много друзей.

Я с н о в и д ѣ н і е.

Уже дни четыре прожили мы въ Венеціи, какъ вдругъ однажды послѣ обѣда, позвали меня поропливо къ Графу. Онъ принялъ меня съ необыкновенно веселымъ лицомъ.

„Моя дочь“ — сказала онъ: „вась пошребовала. Хотя не проходишь дня, чшобъ не имѣла она своихъ припадковъ, но только сегодня, и теперь только шребуешь она вась къ себѣ. Пойдемъ-те къ ней въ комнату, только пише. Малѣйшій шумъ для нее вреденъ и можешь причинишь ей опасныя судороги.“

— „Но“ — спросилъ я съ тайнымъ ужасомъ: „чшо жъ я долженъ буду дѣлать.“

„Какъ это знашь? Предоставимъ все Богу.“

Мы вошли въ большую, великолѣпную, зеленымъ мшифомъ обвѣшанную комнату. Двѣ горничныя стояли, опершись на окно, въ

безмолвіи и поскѣ. Докшоръ сидѣлъ на софѣ, смотря на больную, копорая спояла въ срединѣ комнашы съ зажмуренными глазами; одна рука опущена, другая приподнята въ половину, неподвижно, какъ спашуя. Только волнованіе груди ея было признакомъ дыханія. Торжественная пишина, какая здѣсь царствовала, а припомъ необыкновенное положеніе, въ какомъ находилась Горшензія, на копорую обращены были глаза всѣхъ, наполнили душу мою невольнымъ, но пріятнымъ прешомъ.

Какъ скоро я вошелъ въ это тихое жилище, Графиня сказала, не опкрывая глазъ и не перемѣняя положенія, самымъ сладостнымъ голосомъ: „Наконецъ, шы явился, Фауспъ Эмилій! Зачѣмъ же шы опъ меня скрывался? — О, подойди, благослови меня, чшобъ я излечилась опъ своей болѣзни! Благослови меня!“

Не зная, ко мнѣ ли опносилось это привѣщивіе, споялъ я, вѣрояшно, не совсемъ съ умною миною. Графъ и Докшоръ кивали, чшобъ я подошелъ и, поднявъ руки надъ ея головою, положилъ ей на плеча, какъ бы благословляя.

Я подошелъ, поднялъ руки надъ ея прелестнѣйшею головою, но допронуться до нее недоспавало у меня смѣлости. Легонько

опустили я опять руки. На лицѣ Горшензіи показалось неудовольствіе. Я поднялъ руки опять и, просирая ихъ къ ней, держалъ такъ, самъ не зная, что дѣлаю. Лице ея прояснилось, и пошому я уже не перемѣнялъ своего положенія, но смущеніе мое увеличилось, когда Графиня сказала: „Эмилій, все еще вѣрь въ волю твоею пособишь мнѣ. О, шолько пожелай! Твоя воля могущественна.“

— „Графиня!“ сказала я: „не сомнѣвайшесь въ желаніи моемъ пособишь вамъ.“

— И это сказала я испинно ошъ души. И если бъ она пошребовала, чтошбъ я для нее бросился въ море, я съ радостію бы сдѣлалъ это. Мнѣ казалось, будшо я стою передъ какимъ нибудъ неземнымъ существомъ. Необыкновенная соразмѣрность членовъ, привлекательность, прелестъ всѣхъ формъ, миловидность лица, какъ бы блескомъ озареннаго, все это обворожало меня такъ, что и моя душа порывалась изъ шѣла. Никогда прелестное не предшаваллось мнѣ въ шакомъ очаровательномъ видѣ. Сколько я могъ замѣчать издали, мнѣ всегда казалось лице Горшензіи, хотя очень миловиднымъ, но блѣднымъ, страждущимъ, пасмурнымъ; шущъ же совсѣмъ не шо. Опшвѣнно тонкій румянецъ, какъ бы легкой розовой опсвѣщъ, пробѣгалъ по бѣлизнѣ ея кожи; во всѣхъ

чертахъ было что-то благородное, величественное, чего въ обыкновенной жизни не можешь дать человеку ни природа, ни искусство. Въ цѣломъ выражалось на лицѣ ея, не улыбка, но что-то торжественное, подобное крошкѣ восхищенію. Ни одинъ живописецъ, въ минуты величайшаго вдохновенія, не могъ бы предсавить себѣ такого идеала. Къ тому же это неизмѣнное положеніе, еще неподвижность въ чертахъ лица, вѣки, какъ бы во снѣ, сомкнутые глаза! Никогда не чувствовала я въ себѣ такого восхищительнаго ужаса.

„О Эмили!“ сказала она мнѣ по нѣкоторомъ молчаніи: „теперь я вижу свердосць твоей воли. Теперь знаю, что цѣлою уполяясь мои спрдавія. Волосы твои сверкають златнымъ пламенемъ; изъ перспонъ твоихъ спруающа лучи серебряные; вокругъ тебя небесная лазурь. О, съ какою жадностію вдыхаешь въ себя все мое рущество блескъ твой, благошворный, цѣлигельный.“

При этихъ, довольно поэтическихъ привѣщаніяхъ, вспомнилъ я невольно о лекарствѣ, съ которымъ за нѣсколько дней имѣлъ честь быть сравниваемъ, и сожалѣлъ про себя, что не замѣчаю въ себѣ ни золотыхъ, ни серебряныхъ лучей.

„Не сердись на нее въ своихъ мысляхъ“ — сказала Гершензія; „не сердись на нее, слабую, больную; не сердись на болѣзненное ея оспроуміе, что она сравнивала себя съ горькими врачеваніями. Будь благороднѣе, нежели безразсудная, часто увлекаемая болями, часто доводимая своими земными, шѣлесными слабостями до безумія!“

Докшоръ при сихъ словахъ посмошрѣлъ, смѣючись, на меня, а я на Докшора, съ видомъ изумленія, не о томъ, что унижалась она просить прощенія, но о томъ, что угадывала мысли мои.

„Не развлекайся, Эмилій!“ сказала мнѣ Графиня: „ты разговариваешь мысленно съ Докшоромъ. Обрати все свое вниманіе на меня и на мое исцѣленіе. Мнѣ больно, когда мысли твои и на одно мгновеніе опъ меня опклоняются. Будь швердъ въ швоей воль: въ швоемъ желаніи пролишь въ мое жалкое, исчезающее существо благотворную силу швоего свѣта. Видишь ли, какъ сильна швоя воля! Мои закоопенѣлыя нервы смягчаются, шаюшь, какъ иней на солнць.“

Въ то время, какъ она говорила это, упала поднятая рука ея, и по всему шѣлу разлилась жизнь и движеніе. Она потребовала спула. Ей подали одно изъ, стоящихъ въ комнащъ кресель, съ зломощными богато

выпишными подушками. „Не такой!“ сказала она, и помолчавъ, продолжала: „Клѣпчатымъ полотняомъ обшанушый спуль, копорый спонилъ въ комнашѣ Эмилиа, передъ его письменнымъ споломъ. Топъ принесише.“

Опанъ возбудилосъ во мнѣ удивленіе, какимъ образомъ извѣсны ей всѣ подробности моей комнашѣ, копорой она никогда не видала. Въ самомъ дѣлѣ такой спуль шолько чшо осшавленъ былъ мною передъ письменнымъ споломъ. Когда я одной изъ служанокъ опдалъ ключъ, чшобы принесли спуль, Горшензіа сказала; „Такъ эшо былъ ключъ? Я не могла узнатьъ, чшо эшо было за черное пяшно. Въ лѣвомъ карманѣ швоего жилеша еще еспъ ключъ; вынъ и брось его.“ — Я повиновался.

Когда принесли мой спуль, она съла на него и, какъ казалось, съ удовольствіемъ. Мнѣ приказала она стоять близко передъ нею съ распроспершими къ ней руками, чшобъ пальцы были направлены прямо на ея сердце.

„Къ какому блаженству человекъ способенъ!“ сказала она мнѣ: „дай мнѣ слово, я заклинаю шебя, чшо ты не оставишь меня, пока не исцѣлишь моей распсроенной внушренности. Если же ты оставишь ме-

ня, я погибну. Отъ себя зависишь жизнь моя.“

Я обвѣщала съ восхищеніемъ и гордо-стію бышь хранишелемъ столь драгоценной жизни. „Не смотри на по“ — продолжала она: „если въ болѣзненномъ положеніи ея земнаго бдѣнія, она не узнаешь себя. Пропси ей, попому, что она, жалкая, сама съ собою во всегдашнемъ прошиворѣчій, и не знаешь, что дѣлаешь. Всѣ пороки въ смерпныхъ сущь болѣзни, кошорыя припупляюшь силу духа.“ (*)

Она спала очень разговорчива, и не только не сердилась, когда я о чемъ нибудь спрашиваю, но, казалось, сама находила удовольствіе отвѣчать мнѣ. Я изьявилъ свое удивленіе на счетъ спральной ея болѣзни. Никогда не слыхиваю я, чтооь человекъ, въ болѣзненномъ состояніи, былъ еще возвышеннѣе духомъ, чтооь видѣлъ закрытыми глазами, узнавалъ никогда невиданное и опсущственное, постигалъ даже мысли другаго человека. Мнѣ предспавлялось ея положеніе совершеннѣйшимъ, нежели при самомъ крѣпкомъ здоровѣ.

(*) Въ семь должно согласишься съ ясновидящею.

По минутиномъ молчаніи, какое всегда предшеспвовало ей опвѣщамъ, сказала она: „Я здорова, какъ умирающій, кошораго соспавъ распадается. Такъ буду я здорова и тогда, какъ все человѣческое во мнѣ исчезнетъ и не спанетъ тѣла, этой земной лампы моего вѣчнаго свѣта.“

— „Это объясненіе для меня щемно“ — сказала я.“

„Вѣрю, но ты все поймешь. Я знаю, многое, но не могу пересказать; многое мнѣ ясно, иное шускло, и ни на что не нахажу я доспашочно словъ. Вотъ видишь: человекъ соспавленъ изъ различныхъ веществъ, или часпицъ, кошорья сщѣпляются и принимаютъ формы какъ бы около одного пункта, и шолько чрезъ шо спановишся онъ человекомъ (*). Такъ всѣ часпицы цвѣшка, слипаясь, образуютъ цвѣшокъ. И какъ каждая часпица, примыкая къ другой, ограничивается ее, шо сама по себѣ она не можетъ бытъ ничѣмъ, а всякая служитъ под-

---

(*) Больная, вѣроятно, хотѣла сказать: человекомъ шѣлеснымъ; ибо духовному нелѣпо было бы приписывать соспавленіе человѣческаго существа изъ различныхъ веществъ, или часпицъ, сщѣпленіе ихъ между собою, принианіе на себя различныхъ формъ, и ш. подобное.

ко къ соетавленію цѣлаго (*). Но шѣло
 еспь полько оболочка или чаша другаго изящ-
 нѣйшаго существа. Это изящнѣйшее суще-
 ство еспь душа моя. Душа же содержишь
 меня. И такъ теперь земная чаша моя раз-
 билась, и пошому свѣшь мой выходишь на-
 ружу и сливаецся со всѣмъ шѣмъ, ошъ че-
 го опдѣлень былъ прежде здоровою чашею,
 и видишь, слышишь, чувствуешь внѣ этой
 чашы, какъ и внупри ея. Не шѣло чув-
 ствуешь — оно еспь само по себѣ полько
 мертвая оболочка чувствующаго, по еспь,
 души. Не глазъ видишь, не ухо слышишь,
 не языкъ вкушаетъ, а все душа. Безъ нея
 глазъ, ухо и языкъ сущь какъ бы камни.
 И такъ, еесли земная чаша моя не выздору-
 вѣешь посредствомъ тебѣя, по она совсѣмъ
 разобьется и опнадеетъ. Тогда не буду я
 принадлежать людямъ, пошому, что ничего
 человѣческаго во мнѣ не будешъ, чѣмъ бы
 я могла сообщаться съ ними.“

Она умолкла. Мнѣ казалось, что слы-
 шу сказанія другихъ міровъ. Я не понимала
 ея, но достигала, что она мыслишь. Графъ
 и лекаръ слушали ея съ шакимъ же удивле-

(**) Въ переводѣ выпущено нѣсколько слѣдую-
 щихъ за симъ строкъ, въ коихъ замѣчающа
 спранныя разсужденія изсшупленной.

нѣмъ, какъ и я. Они увѣряли посла, что Горпензія никогда не была такъ весела, никогда не говаривала въ такой связи и такъ совсѣмъ не по земному; ошривистыя слова ея произносились прежде съ принужденіемъ, даже съ выраженіемъ боли: она лежала часто по цѣлымъ часамъ или въ ужасныхъ судорогахъ или въ совершенномъ оцѣпенѣніи. И на вопросы ошвѣчала она очень рѣдко — казалось, будто ихъ не слыхала. Теперь, ошъ нашего разговора въ ней не замѣтно было ни сколько-ушомленія.

Я спросилъ, не ушла ли она, говоря такъ много. „Ни мало“ — ошвѣчала она: Мнѣ очень хорошо. Мнѣ будетъ всегда хорошо, когда ты со мною. Черезъ семь минутъ я проснусь. Нынѣшнюю ночь буду я очень покойна; но завтра по полудни въ три часа, я ошянь засну: тогда не оставляй меня. За пять минутъ до трехъ часовъ, спашу начинашся мои судороги; тогда подними надо мною свои руки, съ швердою волею бышь моимъ избавителемъ. За пять минутъ до трехъ часовъ, и именно по шшнннмъ часамъ въ швоей комнашъ, а не по карманнымъ швоимъ, съ кошорыми у шѣхъ разница въ шрехъ минушахъ. Спавь эши каждый день по шѣмъ, чтобы не пришлось мнѣ ошъ того шерпѣшь.“

Она говорила еще многое, приказывала, что дать ей пишь и ѳсть по ея пробужденіи, когда опнеси ея въ постель и шому подобное. Пошомъ она замолчала. Мало по мау цвѣшь лица ея блѣднѣль и дѣлался шакимъ, какъ въ обыкновенномъ ея положеніи; восхишительная веселосшь въ чершахъ исчезала. Хошя она совсѣмъ не ошкрывала глазъ пока я былъ въ комнашъ, но казалось, что она шеперь еще только засыпаешъ или уже дѣйствительнo спишь. Уже не держалась она прямо, а вся опустилась и свѣбила голову, какъ дѣлаюшь спящіе сидя. Пошомъ спала пошягиваешь и зѣваешь — спала прошираешь глаза, ошкрыла ихъ и очнулась почти въ шу самую минушу, какую прежде назначила.

Мое присушствіе поразило ея. Она оглянулась. Горничныя постѣшили къ ней; пошомъ и Графъ съ Докшоромъ.

„Что вамъ здѣсь угодно?“ спросила она меня очень сухо.

— „Я ожидаю вашихъ приказаній, Графиня!“ —

„Кшо вы шаковы?“

— „Меня зовушь Фаустомъ.“ —

„Позвольте мнѣ ошпашься одной!“ — сказала она почти съ досадою, поклонилась мнѣ гордо, и повернулась ко мнѣ спиною.

Я удалился, и почувствовалъ въ себѣ странное смѣшеніе чувствъ. Какая разница между спящею и бодрствующею! Какъ небо ошъ земли! Пропали мои золотые и серебряные лучи, не стало и дружескаго ты, которымъ шакъ глубоко умѣла онъ проникать въ мою душу; исчезло и названіе, которымъ я былъ осчастливленъ.

Входя къ себѣ, покачивалъ я головою, какъ бы человекъ, слишкомъ углублявшійся въ чтеніе сказокъ о духахъ и чародѣяхъ, и немогшій вдругъ найпись въ наспопящемъ мірѣ. Въ горницѣ передъ письменнымъ столомъ моимъ недоспавало шула.

Я поставилъ другой шулъ, и шопчасъ записалъ все случившееся, даже и слова Гортензіи, какъ ихъ припомнилъ. Я боялся, что не буду въришь со временемъ собственнымъ своимъ чувствамъ, если не оставлю себѣ письменнаго памятника. Общано было мною прощашъ ей всѣ обиды, какія нанесешъ она мнѣ въявъ. И я все охотно прощаль. Только шого, что она шакъ прекрасна — шолько шого не могъ я переносишь равнодушно.

(*Продолженіе впредь.*)

ГРАФЪ СЕНЬ-ЖЕРМЕНЬ (*).

Историческій анекдотъ

Изъ Mémoires de M. me de Genlis.

Я позабыла сказать объ одномъ весьма спраннымъ чловѣкѣ, котораго видала почти каждый день болѣе шести мѣсяцевъ сряду, передъ опъездомъ моего опца въ Сень-Доминго: эпошь чловѣкъ — славный шарлашанъ, Графъ Сень-Жермень (**). Ему казалось тогда опъ роду не болѣе сорока пяти лѣтъ, но, по свидѣтельству людей, видавшихъ его за шридцать, или шридцать

(*) Извѣстный шарлашанъ, о которомъ много было говорено и писано въ половинѣ прошлаго вѣка. Ему приписывали искусство продолжать жизнь чловѣческую, и многіе даже почитали, на вѣру собственныхъ его словъ, что ему было нѣсколько сотъ лѣтъ опъ роду!

(**) Въ 1813 году, помѣщены были въ Journal de l'Empire, многіе анекдоты объ эпошъ Графѣ Сень-Жермень, выбранные, какъ сказано, изъ неизданныхъ записокъ Барона Глейнау. Всѣ сии анекдоты несправедливы и расказаны чловѣкомъ, вовсе незнавшимъ Графа Сень-Жермена.
Примѣч. Сомнительницы.

яшь лишь передъ тѣмъ, кажется досто-
 вѣрно, что онъ былъ гораздо старѣе. Ростъ
 его былъ немного повыше средняго; онъ былъ
 спашень и ходилъ очень проворно; волосы
 имѣлъ онъ черные, лице весьма смуглое и
 умное, черты правильныя. Онъ совершенно
 хорошо говорилъ по-Французски, безъ всяка-
 го иноспраннаго выговора, такимъ же обра-
 зомъ по-Англійски, по-Ишаліянски, по-Ис-
 нански и Поршугальски. Онъ былъ превос-
 ходный музыкантъ; аккомпанировалъ по
 слуху на фортепіано все, что ни пѣли, и
 съ такимъ совершенствомъ, что Филидоръ
 дивился тому, равно какъ и его предлюді-
 лямъ. Онъ былъ хорошій Физикъ и великій
 Химикъ; отецъ мой былъ въ состояніи
 судить объ этомъ, и очень удивлялся его
 знаніямъ въ семь родѣ. Онъ писалъ масля-
 ными красками, не какъ первостатейный
 Живописецъ, но пріятно; онъ нашелъ тай-
 ну составлять краски по испинѣ дивно,
 что дѣлало его картины необыкновенны-
 ми. Онъ писалъ въ высокомъ родѣ, кар-
 тины историческія, и никогда не упу-
 скалъ украшать женскія лица уборами изъ
 дорогихъ камней; тогда онъ употреблялъ
 свои краски для сихъ украшеній, и его изум-
 руды, сафиры, рубины и пр. имѣли точно
 яркость, ослѣвъ и блескъ цѣхъ каменьева,

которыя изображалъ. Лапуръ, Ванлоо и другіе Живописцы ходили смотрѣть его картины, и весьма удивлялись необыкновенному сосаву сихъ ослѣпительныхъ красокъ, коихъ невыгода сосшояла въ томъ, что онѣ закрывали лица; припомъ же онѣ, своимъ непонятнымъ обманомъ зрѣнія, уничтожали сходство сихъ лицъ съ природою. Но въ нѣхъ родахъ Живописи, гдѣ требуется только украшеній, можно бы было весьма хорошо воспользоваться сими спранными красками, коихъ тайны Г. Сень-Жерменъ никому не хотѣлъ открыть. Разговоръ Г. Сень-Жермена былъ наславившеленъ и занимателенъ: онъ много путешествовалъ, и зналъ Исторію новѣйшихъ временъ съ подробностію, кошорая приводила въ изумленіе: ошъ того-то многіе разсѣвали слухи, что онъ о самыхъ древнихъ лицахъ историческихъ говорилъ такимъ образомъ, какъ будто бы живалъ вмѣстѣ съ ними; но я никогда ошъ него не слышала ничего на то похожаго. Онъ выказывалъ самыя лучшія правила и въ точности соблюдалъ всѣ наружныя обязанности Вѣры; раздавалъ много милосшынн, и всѣ единогласно утверждали, что нравственность его была самая чистая. Наконецъ, все было шпенно и чинно въ поступкахъ его и разговорахъ. Со всѣми

цѣль, должно сознаться, что вѣноть чело-
 вѣкъ, столь необыкновенный своими дарова-
 ніями, обширными свѣдѣніями, и всѣмъ тѣмъ,
 что можешь заслужить личное уваженіе,
 ученостію, важными и благородными по-
 сипутками, примѣрнымъ поведеніемъ, богат-
 ствомъ и благотворительностію, что вѣноть
 челоуѣкъ, говорю, былъ шарлашанъ, или по
 крайней мѣрѣ челоуѣкъ, помѣшанный на ка-
 кихъ-то особенныхъ шайнахъ, кои конечно
 доставили ему крѣпкое здоровье и жизнь
 должайшую обыкновенной жизни челоуѣче-
 ской. Признаюсь, что я увѣрена, и опецъ
 мой може пвердо былъ въ томъ увѣренъ, что
 Г. Сень-Жермень, коему казалось тогда не бо-
 лѣ сорока пяти лѣтъ, имѣлъ тогда по крайней
 мѣрѣ девяносто. Если бы челоуѣкъ не упо-
 треблялъ всего во зло, то обыкновенно до-
 ситалъ бы до глубочайшей еще старости,
 таковой иногда видимъ примѣры; безъ спра-
 ешей и воздержанія, оуѣкъ челоуѣческой былъ
 бы сто лѣтъ, а должайшая жизнь — полто-
 раста, или сто шестьдесятъ лѣтъ. Тогда
 бы въ девяносто лѣтъ мы имѣли силу сорока
 или пятидесяти-лѣтняго челоуѣка. По се-
 му, мое предположеніе на счетъ Г. Сень-
 Жермена не имѣетъ ничего неосновательна-
 го, если къ тому еще приишь предполо-
 женіе, что онъ нашель, посредствомъ Хи-

ми, сославъ какого нибудь нищья, особливо напипка, приспособленнаго къ его сложенію; и можно даже повѣрить, не думая о философскомъ камнѣ, что ему было въ то время, о которомъ я говорю, гораздо больше лѣтъ, нежели я полагаю. Г. Сень-Жерменъ, въ первые четыре мѣсяца нашего знакомства, не только не говорилъ ничего сумасброднаго, но даже не сказалъ ни одного слова необыкновеннаго. Онъ имѣлъ что-то столь важное и столь почтенное въ своей особѣ, что мать моя не смѣла его спрашивать о тѣхъ еспранносняхъ, какія ему приписывали. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, аккомпанировавъ мнѣ по слуху многія Италіянскія аріи, онъ сказалъ, что черезъ четыре или пять лѣтъ у меня будетъ прекрасный голосъ, и прибавилъ: „когда же вамъ исполнишься семнадцать или осьмнадцать лѣтъ, желали бь вы, чтобы вамъ всегда оставались въ этомъ возрастѣ, или по крайней мѣрѣ на весьма многіе годы?“ Я отвѣчала, что была бы тому очень рада: „Хорошо!“ сказалъ онъ весьма важно: „а вамъ что объщаю!“ и вмгъ заговорилъ о другихъ предметахъ.

Эти немногія слова придали смѣлости моей матери; минуша спусти, она спросила его, правда ли, что опчизна его Гер-

манія? Онъ покачалъ головой съ шамшивеннымъ видомъ, и тяжело вздохнувъ, ошвѣчалъ: „Все, что могу вамъ сказать о моемъ рожденіи, есть то, что семи лѣтъ бродилъ я въ глуши лѣсовъ съ своимъ дядюкою . . . . и что за голову мою обвѣщана была плаша!“ . . . . Сіи слова засшавили меня содрогнувшись, ибо я ни сколько не сомнѣвалась въ искренности этой важной довѣренности. „Наканунъ моего побѣга,“ продолжалъ Г. Сень-Жермень: „мать моя, кошорую мнѣ суждено было не видашь бо, лѣ . . . . навязала мнѣ на руку свой поршрешъ . . . .“ — „Ахъ, Боже мой!“ вскрикнула я. При семъ восклицаніи, Г. Сень-Жермень взглянулъ на меня, и, казалось, расшрогался, видя, что у меня слезы на глазахъ, „Я покажу вамъ его!“ продолжалъ онъ. Съ сими словами засучилъ онъ рукавъ и ошвѣзалъ запястье, въ кошоромъ былъ вшавленъ поршрешъ, весьма хорошо написанный по финиѣпи, и предшавлявшій женщину рѣдкой красоты. Я смотрѣла на сей поршрешъ съ живѣйшимъ умиленіемъ. Г. Сень-Жермень не сказалъ болѣе ничего, и перемѣнилъ разговоръ. Когда же онъ ушелъ, то мнѣ очень прискорбно было слышать, что мать моя жасвѣхалась надъ его изгнаніемъ, и надъ Кошоросою, его матерью; ибо сія голова, за

которую обещана была плата съ семилѣтняго возраста, сей побѣгъ въ лѣса и съ дядькою, заславляя догадывашься, что онъ былъ сынъ какого-то Государя, сдергнушаго съ престола. . . . Я вѣрила, и хотѣла вѣришь сему роману въ такомъ высокомъ родѣ, почему шулки моей матери весьма меня огорчили. Съ этого дня, Г. Сень-Жермень не сказалъ ничего замѣчательнаго о семъ предметѣ; я слышала только его сужденія о Музыкѣ, объ Искусствахъ, и о любопытныхъ вещахъ, копорыя онъ видѣлъ въ свои путешествія. Онъ мнѣ безпрестанно давалъ опмѣнно вкусные конфекты въ видѣ плодовъ, и увѣрялъ меня, что самъ ихъ дѣлалъ: изъ всѣхъ его шаланцовъ, я не меньше другихъ цѣнила и эту. Онъ подарилъ мнѣ также весьма чудную конфектную коробочку, кошорую также самъ сдѣлалъ. Коробочка, изъ черной черепахи, была очень велика; крышечка на ней была украшена поддѣльнымъ агашомъ, гораздо менѣе самой крышки: когда положишь бывало эту коробочку передъ огнемъ, то черезъ минушу, принявъ ее, не видишь болѣе агаша, а на мѣсто его находишь прекрасную мелкую живопись, изображавшую настушку съ корзиною цвѣшовъ; эта живопись видна была до тѣхъ поръ, пока опять согрѣешь коробочку.

ку; тогда агашъ являлся снова, и закрывалъ ризунокъ. Это былъ бы прекрасный способъ спряшать чей нибудь портретъ. Въ послѣдствіи, я выдумала такой составъ, которымъ поддѣлываю всякаго рода не-цвѣтныя камни, и даже прозрачныя агашы; сіе изобрѣшеніе помогло мнѣ опгдаться зашвыль-вость коробочки Г. Сень-Жермена.

Чтобы докончить все, относящееся къ вшому спранныму человѣку, должна я сказать, что лѣтъ черезъ пятнадцать или шестнадцать послѣ того, проѣзжавъ чрезъ Сіенну, въ Италіи, узнала я, что онъ жилъ тогда въ вшомъ городѣ, и что тамъ не вѣрили, чтобъ ему было болѣе пятидесяти лѣтъ. Шестнадцать или семнадцать лѣтъ спустя, въ бытность мою въ Голландіи, узнала я ошъ Принца Гессенскаго, шурина Короля Датскаго и шестя Наслѣдлага Принца (который нынѣ благополучно царствуетъ), что Г. Сень-Жермень умеръ у сего Принца, за шесть мѣсяцевъ до моего прибытія въ шощъ край. Принцъ, по блаклонности своей, ошвѣчалъ на всѣ мои вопросы, касательно сего знаменитаго чудака; онъ сказалъ мнѣ, что Сень-Жермень не казался ни старъ, ни дряхль передъ своею смертью; но видно было, что его мучила какая-то непреодолимая шоска. Принцъ по-

мѣсннлъ это въ своемъ дворцѣ, и дѣлалъ съ нимъ химическіе опыты. Г. Сень-Жерменъ прибылъ въ Голспинію не въ видѣ бѣдняка, но безъ свѣты и пышности. У него было еще много прекрасныхъ алмазовъ. Онъ умеръ ошъ сухотки. Передъ смертью, онъ показывалъ признаки ужасной робости, такъ, что умъ его ошъ того разстроился; за два мѣсяца до смерти, онъ совсѣмъ помѣшался въ умѣ: все въ немъ показывало страшное смѣшеніе неспокойной совѣсти. Это повѣствованіе меня весьма опечалило; я до того времени принимала искреннее участіе въ семъ необыкновенномъ челоуѣкѣ.

Съ Фр. С.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

Опытъ о Романахъ Вальтера Скотта.

Романы Вальтера Скотта почти также уважаются во Франціи, какъ и въ отчизнѣ Сочинителя, въ отношеніи къ изобрѣненію ж сославу; а литературные знамоки въ Англіи ставятъ ихъ въ число образцовыхъ

по слогу. Такова у насъ (т. е. во Франціи) неперпѣливоспъ чпшашелей наслаждашсь каждымъ новымъ произведеніемъ сего обильнаго Писателя, и шакова поспѣшноспъ Французскихъ Переводчиковъ, что изданіе подлинника едва успѣваешъ появляшсь нѣсколькими днями прежде изданія перевода. Въ Словесноспи мало было примѣровъ споль еднородушной спраспи къ Сочинителямъ.

Романы Вальшера Скопша не избѣгающъ Кришки; но Кришка почти бессильна, когда предметомъ ея бываешъ шакой родъ сочиненій, копорый, касаясь границъ всѣхъ прочихъ родовъ, не входпшъ въ обласпъ нц одного изъ нихъ, и шакимъ образомъ уклоняешся ошъ всякой управы.

Учаспъ Романовъ, въ лишературной Республикѣ, подобна учаспи шѣхъ спранспрующпхъ по свѣспу смѣльчаковъ, любимыхъ героевъ Вальшера Скопша, кои, не имѣя опцовскаго наслѣдія, ищущъ счаспія вездѣ, куда ихъ маняшъ слава, добыча и безнаказанноспъ.

Спраспъ къ Романамъ обыкновенно означаешъ или упадокъ, или рожденіе Словесноспи, когда никакой законъ не управляетъ трудами ума, когда языкъ опданъ на произволь Писателей, а роды сочиненій порнпашся, или начинающъ образовашсь. Мо-

жно было бы насчитывать сколько же родовъ Романовъ, сколько есть первообразныхъ родовъ сочиненій.

Послѣ вѣка Александрова и въ продолженіе Восточной Имперіи, появились сіи сочиненія, выродки Эпопей и Эклоги, представляющія очерки безъ разнообразія, и вымыслы безъ занимательности; — едва опыщешь въ нихъ кое-гдѣ слѣды генія и красоты Греческихъ; подобно какъ, подѣ спрочками рукописи среднихъ вѣковъ, распознаемъ иногда изглаженные писмена древности.

Сей родъ Романовъ составляетъ вмѣстѣ съ Романами рыцарскими и любовными, появившимися во Франціи въ XVI и XVII вѣкахъ, особый разрядъ, и худшій изъ всѣхъ.

Другой Романъ, происшедшій отъ Самюэля, и копораго Пешроній, по видимому, далъ намъ первый образецъ, ознаменованъ былъ превосходными швореніями. Во Франціи, Рабеле, Скарронъ и Вольперъ, въ Испаніи Серваншесъ, въ Англіи Свифтъ, дали сапирическому Роману настоящее существованіе въ Литературѣ.

Если позволяшь намъ окончить сію классификацію, которая, можетъ быть, сдѣлана не по самой строгой точности, то мы поставимъ Романы нраво-описательные въ отдѣльный разрядъ, и къ нимъ отнесемъ

Повѣсти Воспощныя и Басни Французскыя Труверовъ (Трубадуровъ), пошому что въ нихъ заключающся неприпворныя карцины или чувспвованій сердца, или нравовъ мѣспныхъ и повѣрьевъ народныхъ.

Ошъ сего, въ новѣйшей Литературѣ, два рода писателей Романовъ: одни, какъ Ричардсонъ и Ж. Ж. Руесо, заманивають насъ изображеніемъ спрасшей, въ развыніи какого-либо единспвеннаго положенія; другіе, какъ Лесаъ и Фильдингъ, очерпываютъ характеры и списываютъ нравы общества въ цѣлой связи забавныхъ происшествій. Романъ нравовъ имѣетъ много сходства съ Драмою.

Оспавалось пошлюко Роману вшоргнушъ въ область Истории. Если Вальшеръ Скопшъ не первый покусился на сіи завоеванія, то по крайней мѣрѣ никто до него не совершилъ онаго. Никто изъ его предшественниковъ не можетъ съ нимъ иппи въ сравненіе. Многіе изъ такъ-называемыхъ Историковъ, каковы Верильясъ и Сенъ-Реаль, испорпили вымыслами событія истинныя; но дошъ не естъ изобрѣшеніе творческое. Нѣкоторые Романисты облекли въ славныя имена героевъ вымышленныхъ, которымъ не было образцевъ ни въ прошлыя времена, ни въ нынѣшнемъ обществѣ. Маргарита Лю-

саяь подааа шому пршшвръ , кошорому по-
дражали многія писашельницы; ея *Анекто-
ты Дворовъ Филиппа Августа* , *Карла
ллага* , *Франциска I* и проч. напоминають
о нравахъ Французскихъ почши столько же,
сколько приключенія, выдуманная Калпреве-
домъ и Скюдери, напоминають о нравахъ
древности.

Въ концъ живувшаго столъшя, мы уви-
дали ошличное произведеиe ума , въ копо-
ромъ сокровища учености слегка прикраше-
ны вымысломъ ; но названіе Романа не при-
стало бы книгъ Бартелеми; она естъ одия
изъ досгойнъшихъ намъшниковъ , каковые
ученость и красноръчіе воздвигли испниъ.

Напослѣдокъ, шворецъ *Мучениковъ (Les
Martyrs* (*), яркии, и часто вѣрными кра-
скими изобразилъ нравы міра Римскаго при
началъ Христіанства; но его Романъ не
столько принадлежитъ Исторіи, сколько
Эпопее.

Вальшеръ Скошть не слѣдоваль ни одно-
му изъ сихъ образцевъ: онъ предположилъ се-
бѣ другую цѣль; самъ онъ назначилъ мѣшу
и границы своего поприща. Тѣмъ труднѣе
подчинять его творенія литературному су-
ду, что они составляютъ разрядъ, совер-

(*) Шашобріанъ.

шленно опдѣльный въ Романахъ, копорые сами по себѣ не принадлежатъ ни къ какому роду, и не подчиняются никакимъ правиламъ, кромѣ тѣхъ, копорыя каждому Писателю вздумается назначить своимъ прои-веденіямъ.

Но за недоспашкомъ законовъ и основъ Крипика можешь судить Вальпера Скопша по общимъ намѣшкамъ ума и вкуса, по копорымъ каждый Писатель обязанъ оправдываться. Она въ правѣ иребовашь отъ него опщеша въ намѣреніи и средспвахъ его, и расспашриваешь, ведешь ли ша дорога, по коей онъ слѣдуешь, къ цѣли, какою онъ себѣ предполагаетъ. Вошь долгъ, копорый мы попышаемся исполнить.

Вальперъ Скопшъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ началъ писать сіи Романы, копорые съ того времени подъ перомъ его размножились съ удивительною скороспью. Поспавивъ себя съ самой юности глубокому ученію и наблюденію природы и нравовъ общеспвенныхъ, онъ болѣе всего въ Исторіи почерпнулъ драгоценные материалы, копорые, върошно, хранилъ на другое употребленіе. Когда онъ издалъ, подъ вымышленнымъ именемъ, свой первый Романъ, то былъ уже извѣстенъ, какъ Поэтъ и Публицистъ.

Сказываютъ, что его опыты въ новомъ родѣ были только плодами часовъ досуга, похищенныхъ у трудовъ важнѣйшихъ; что онъ считалъ ихъ ничего незначащими очерками, и обрекалъ ихъ на забаву публики, потому что для него самого были они какъ бы оплодотвореніемъ, и что онъ не хотѣлъ даже выдавать ихъ за свои сочиненія.

Примемъ за правду сіе предположеніе: въ немъ ничего нѣтъ невѣроятнаго. Сочинитель нашъ не первый будешь изъ тѣхъ, которые не знали истиннаго своего назначенія прежде, нежели прихоть или случай имъ оное открыли.

Симъ-тъ образомъ, можетъ быть, надлежитъ объяснять удивительную способность Вальтера Скотта зараждать въ умъ и производить свои творенія; слабость нѣкоторыхъ изъ нихъ, а въ тѣхъ, которыя менѣе подвергаются упрекамъ, несовершенства, выказывающія беззаботность Сочинителя. Чаще всего, баснь его слабо связана, соучастіе чистителя дѣлится, главнымъ предметомъ Сочинитель жертвуетъ побочнымъ лицамъ и происшествіямъ, развязка худо пригосовлена, худо обработана и *романическая* въ худомъ значеніи слова. Сочинитель не опанчаеися живописью спрасней; онъ слишкомъ обилень постепеннымъ ихъ проявленіемъ, которое

можешь наскучить читателя, жаждущему волнений душевных.

Но точно ли это погрешности на самом деле? Должно ли упрекать Вальшера Скопша за недосказку искусства или воображения? Конечно нет: воображение выказывается в разнообразии случаев и характеров, искусство в замысловатом расположении разных частей предмета, которые следуют друг за другом и связываются без помехи. Нить завязок, хотя легкая и едва заметная, никогда не прерывается, никогда не теряется в эпизодических подробностях, искусно прикрепленных к главному узлу. Ни один рассказчик не умей лучше его подстрекать и удержать по своей воле любопытство читателей, и заставляя их без скуки и непереносимости дожидаться конца Повести, который все кажется близко, и который он беспрепятственно откладывает. Сама героиня *Тысячи и одной ночи* не искуснее его отдала душу роковую минутой, когда любопытство ужасного ее слушателя будет удовлетворено. Читая Вальшера Скопша, не почувствуешь покушения, столь обыкновенного в чтецах Романов — пропустишь несколько глав в середину, и одним скоком доберешься до развязки. Надобно идти за

нимъ по слѣдамъ, пробѣгая съ нимъ по
всѣмъ излучинамъ, въ кошорыя онъ укло-
няешся съ пуши, забышь, если ему взду-
маешся, дѣла его героя, а на случай и свои
собственныя. Чшо касается до развязки,
шо ему мало нужды, удовлетворить ли она
вась, только бы онъ заспавилъ вась ждашь.
Можно почти сказашь, чшо онъ надъ вами
насмѣхается и хочешь только подразнить
вась *мистификаціей*: ибо сія развязка не
споитъ того, чшо вы сполько оной желали.

Но не раскаявайшесь въ вашемъ къ не-
му вниманію: онъ далъ вамъ въ замѣнь его
занятіе полезное, сообщилъ вамъ истинныя
свѣдѣнія. Тотъ самый вымыселъ, кошорый
плѣнялъ вась нѣсколько сряду часовъ — былъ
Исторія; шотъ Романишь, кошорый, каза-
лось, шунилъ вашимъ вниманіемъ, научалъ
вась безъ вашего вѣдома шому, чему обык-
новенный Историкъ не могъ бы вась научишь,
и даже, спанешся, самъ бы ни сколько
не зналъ.

Лѣтописцы сохраняють и передають
пошомшву, къ славъ или спыду власни-
шелей, дѣла знаменныя и злодѣянія осла-
вленныя; они записываютъ нѣкошорые зако-
ны и многія прекрасныя изрѣченія; они по-
дробно рассказываютъ о битвахъ и перево-
рошахъ, рѣшавшихъ судьбу народовъ, или

правильнѣе, Дворовъ. Но нравовъ частныхъ, повѣрствъ народныхъ, жребія домашняго, превращенностей и порчи общества, словомъ, Исторіи челоуѣка, — напрасно бѣ вы искали въ дословѣрнѣйшихъ описаніяхъ въ Романѣ вы вспрѣли все сіе. Вы найдете въ немъ не погодичный расказъ событій какого нибудь царствованія или жизни какого знаменитаго мужа, но картину нравовъ какого либо поколѣнія въ опредѣленную эпоху. Вальтеръ Скоптъ дополняетъ промежутки Истории, и обрабатываетъ нѣ участки ея владѣній, которыя она оставила невозвѣстными. Онъ расоряжаетъ труды свои такъ, что избѣгаетъ съ нею всякой непріязненной встрѣчи, всякаго случая къ спору или прошиворвчю.

Героемъ его Романа бываетъ обыкновенно лице вымышленное; онъ рождаешъ его и пускаешъ жить въ той полѣ темной, безвѣстной, которая презрѣна Исторіографами, людьми важными, внимательными только къ избраннымъ и сановнымъ. Со всѣмъ нѣмъ, сіе лице принимаетъ въ общественныхъ происшествіяхъ такое участіе, какое позволено вообще всѣмъ лицамъ, сославляющимъ общество: ибо нѣтъ такого мелкаго мѣщанина, который бы не положилъ своего вклада въ исторію того го-

рода, коего онъ членъ, и который бы не могъ даже много участвовать въ дѣлахъ великихъ, коихъ слава предоставляется однимъ великимъ людямъ.

И это-то обыкновенно приключается герою, выдуманному нашимъ Романистомъ: онъ всегда бываетъ — не знаешь, какъ — замѣшанъ въ бипвахъ, въ заговорахъ, въ умыслахъ, и даже играетъ въ нихъ довольно важную роль. Здѣсь также Исторіи не къ чему привязаться: ибо, если приключенія героя Романа не подлинны, то чѣмъ она докажетъ, что они подложны? Въ какихъ современныхъ запискахъ, въ какой летописи именно сказано, что онъ не дѣлалъ и не говорилъ того, что говоритъ и дѣлаетъ по сказанію Романиста?

То неоспоримо, что характеръ, поведеніе и языкъ, приписываемыя сему лицу, сообразны съ нравами вѣка и страны, и что нельзя не признавать въ его портретѣ общаго облика его единоземцевъ и современниковъ. Въ этомъ Сочинитель есть точный Историкъ: онъ можетъ указать, на чемъ основывался; онъ вѣрный живописецъ: можетъ показать свои образцы.

Но самый сей вымышленный герой находится въ сношеніи съ лицами извѣстными, съ людьми знаменитыми. Онъ говоритъ съ

ними, ходишь посреди ихъ; онъ ихъ повѣренный, онъ участвуешь во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ. Правда, Исторія о томъ не говоришь, но и не опровергаешь того, ибо она всего знать не можешь. Довольно, когда Сочинитель выводилъ на позорище лице историческое, чѣмъ оно сохранило черпты извѣснаго своего характера, и чѣмъ оно дополнило картину, добавивъ сбереженные до насъ черпты личныя шѣми, которыя Живописецъ могъ узнать или угадать посредствомъ изученія природы общей.

Когда Вальперъ Скопшъ рассказываетъ событіе, вписанное въ лѣтописи, то переспраешь быль Романистомъ, опметаешь вымысль, берешь рѣзецъ, и твердою, ученою рукою начертываетъ повѣствованія, достойныя всякаго вѣроушія. Ему извѣстно все, что только могло сохраниться въ памяти человѣческой. Свѣдѣнія его почерпнуты изъ числѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ источниковъ; онъ пробѣгалъ всѣ старинныя лѣтописи, вопрошалъ памятники и преданія, обзрѣвалъ мѣста, собиралъ пѣсни народныя; руководствуясь въ разысканіяхъ своихъ спрогою крипикой. Онъ рассказываетъ съ такою точностію, какъ очевидный свидѣтель; описываетъ, какъ Поэтъ; судилъ, какъ Философъ и Публицистъ. Слогъ его возвышается

до краснорѣчія: онъ переноситъ васъ посреди происшествій минувшихъ, заславляеъ васъ жить съ людьми прошлыхъ вѣковъ. Вы видите ихъ въ дѣйствіи, слышите ихъ рѣчи: это не только сходныя ихъ подобія; это они сами, съ истиннымъ ихъ обликомъ, одеждою и языкомъ. Онъ возснавливаетъ обломки древнихъ зданій, оживляетъ нравы, обычаи, природу, которую время или образованность испребили или измѣнили. Очарованіе полно безъ малѣйшаго недостатка; оно есть слѣдствіе совокупленія такихъ способностей, которыя рѣдко находясь вмѣстѣ: терпѣніе Ученаго, взоръ наблюдателя и воображеніе Поэта.

Многіе Писатели съ нѣкошораго времени, пышались списывать, по образцу Вальшера Скопша, нравы среднихъ вѣковъ. Но, хотя они имѣли умъ и знанія, хотя въ трудахъ ихъ можно похвалитъ *умѣнье*, — со всѣмъ тѣмъ хакаршерь нынѣшняго вѣка выказывался въ ихъ фигурахъ, въ которыхъ они довольно хорошо подражали древнимъ въ ихъ гошическихъ памяшникахъ вчерашняго дня, и въ ихъ садовыхъ развалинахъ. Посему-то, донинѣ, Вальшерь Скопшъ оспаешся безъ соперниковъ.

Мы отличили въ Вальшерь Скопшъ Пи-

самедя , Романиста , изображеніе нравовъ и Исшорика.

Какъ Писатель , онъ перенесъ свое достоинство въ глазахъ чуждашедей иносшранцевъ , знающихъ его только по переводамъ. Французскіе его Переводчики конечно заслуживающъ похвалу , особенно если принять въ уваженіе краткость времени , какое имъ было дано для сего шруда. Они умѣли перенести во Французскій языкъ оригинальность мыслей и , сколько могли , формы слога и остроуміе Сочинителя. Но то , что было говорено , съ большею или меньшею основательностію , о недосшашкахъ переводовъ , справедливо безъ всякаго прощиворѣчія , когда дѣло идетъ о шѣхъ замысловашихъ швореніяхъ , которыя , такъ сказать , всю свою пріятность заимшвуютъ отъ удачнаго употребленія выраженій и оборотовъ языка природнаго. Кто передастъ на чужомъ языкѣ зашѣливый , шонкій оборотъ словъ , дѣйствіе одного словца , слегка опшсшупившаго отъ первообразнаго своего значенія , выраженіе , вошедшее въ пословицу , или заняное у Писателя отечешвеннаго , применіе къ народнымъ обычаямъ , къ недавнимъ воспоминаніямъ? Пущъ вообразитъ себя шѣ опшсшупленія отъ поддшника , которыми подвергаются въ переводѣ на чужіе

языки Письма Г-жи Севиньи, или легкія сочиненія Вальшера!

Переводъ, лихая Вальшера Скопта красота его слога, ослабляетъ также въ нѣкоторыхъ его картинахъ очарованіе вѣроподобія. Какъ всѣ списатели нравовъ, онъ весьма часто употребляетъ рѣчи въ переносномъ смыслѣ и слогъ цвѣтисшій, ибо это языкъ самый народный; сверхъ того, онъ удержалъ изъ стихотворческаго своего навыка весьма замѣтную наклонность плодить сравненія и уподобленія. Его подобія носятъ на себѣ такой оппечашокъ приличій мѣстныхъ, они такъ приспособлены къ природнымъ нравамъ Англіи, а еще болѣе Шотландіи, что становящяся скудны и сухи въ чужомъ языкѣ, какъ расшенія жаркаго пояса въ Англійскомъ саду. Совершеннаго знанія и ежедневнаго употребленія языка едва достаточно къ тому, чтобы хорошо выразумѣть сочиненія Вальшера Скопта, ибо онъ, по видимому, съ особеннымъ стараніемъ изучался не только общему нарѣчію каждаго Королевства (*) и каждой области, но даже особую поговорку каждаго званія и

(*) Сочинитель, безъ сомнѣнія, разумѣетъ при Королевствѣ, составляющія Великобританію, т. е. Англію, Шотландію и Ирландію;

роспоянія жипелей. Выводишь ли онъ Принца, сшаршину клана, (*) или рыбака, происходишь ли дѣйствіе во дворецъ, или въ шавернѣ, въ горахъ Шопландіи или на берегахъ острововъ Шопландскихъ, — вездѣ вы распознаете дѣйствующее лице по его выговору, мѣсто дѣйствія по тамошнему запаху.

Въ одномъ только своемъ сочиненіи, *Кентинъ Дурвардъ*, вздумалъ онъ описашъ нравы Франціи: все показываешь, что онъ читалъ Французскихъ Писателей и обозрѣвалъ мѣста; и со всѣмъ шѣмъ чудеспрагнецъ измѣняешь себя, когда входишь въ короткія сношенія съ предками нынѣшнихъ Французовъ. Онъ не имѣешь

ибо жипели каждаго изъ нихъ говоряшь особымъ языкомъ.

(*) Кланами называющіяся въ Шопландіи поколѣнія, или колѣна жипелей, происходящихъ отъ одного родоначальника и носящихъ одно прозвіще. На пр. Кланъ Макъ-Грегора, Макъ-Каллумъ-Мора, Макъ-Дональда, и пр. Каждый шакоей классъ имѣешь своего сшаршину, или главнога въ родѣ (родовича, какъ говоритъ ся о нашихъ Якушахъ), которому всѣ члены клана повинующіяся и находящіяся у него какъ бы въ нѣкоторой зависимости. *Пер.*

уже той развязности, которую даютъ закоренѣлыя привычки и домашній бытъ: чувствуешь, что онъ, какъ изгнанникъ, на чужой землѣ, и незнакомъ съ тамошними урожденцами. Мы находимъ здѣсь характеръ и полипику Лудовика XI, но не слышимъ языка Французовъ того времени, ихъ чистосердечной веселости и живыхъ шутокъ. Что же касается до сараго эмгранша, являющагося въ введеніи къ сему Роману, по образцу ему нѣтъ во Франціи: портретъ не сходенъ ни лицомъ, ни одеждою, ни окружающими предметами; а въ живописцѣ я вижу только Англичанина, подспрекаемаго народнымъ шещеславіемъ, который увеличиваетъ безъ конца смѣшную сторону Французовъ, и различиваетъ ихъ съ несправедливостью, недоспойною ума споль высокаго.

Сочинишель *Кентина Дурварда*, упавъ въ частныхъ подробностяхъ о нравахъ и обычаяхъ, снова возраспаетъ до собственной своей вышины въ изображеніи общей природы и въ сказаніяхъ историческихъ.

Вальшеръ Скоптъ, какъ Историкъ, понятенъ читателямъ всѣхъ народовъ, пошому что всѣ языки имѣють соопвѣтственные знаки для выраженія нѣхъ понятій, которые раждаетъ въ насъ созерцаніе событий

историческихъ. Въ какихъ бы вѣкахъ, въ какихъ бы странахъ люди ни соспѣзались за выгоды политическія, страсти проявляются подъ тѣми же формами, говорятъ тѣми же языкомъ и ведутъ за собою сходныя послѣдствія. Но Исторія представляеть Правоучителю и Поэту зрѣлище болѣе одушевленное, нежели Политику: она показываетъ имъ душевныя склонности въ борьбѣ съ послановленіями, а предрасудки обществъ — съ самовластіемъ сильныхъ и превращеніями благосостоянія общественнаго.

Съ сей-то возвышенной точки зрѣнія Вальтеръ Скоттъ смотритъ на Исторію, когда, переставая рисовать подробности одѣянія, внутренности зданій и домовъ и живописныя мѣстоположенія, онъ приближается къ твореніямъ, высокимъ по слогу, и придаетъ своимъ картинамъ движенія драматическаго дѣйствія. Если позволено думать, что онъ выбралъ себѣ образцомъ какого-либо изъ новѣйшихъ Писателей драматическихъ, то намъ кажется, что онъ болѣе всѣхъ подражалъ Шиллеру; по крайней мѣрѣ съ нимъ Вальтеръ Скоттъ болѣе всего сходенъ. Творецъ *Валленштейна* и *Вильгельма Телля* могъ научить творца *Иванго* и *Шотландскихъ Пуританъ* искусству —

употреблять историческіе матеріалы въ
швореніяхъ воображенія.

Съ Французскаго.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ

(Продолженіе.)

Не Азіатскія черны
 Суровой, грубой красоны,
 Онъ въ незнакомцѣ мрачномъ вскрывалъ,
 Печаль души его замѣнилъ;
 И взоромъ гордымъ спросилъ
 У Карима, кто онъ былъ? —
 — Онъ Русской, но свою Россію,
 На край Османовъ промѣнилъ.
 Онъ оцъ враговъ своихъ бѣжалъ.
 Оставивъ пышную Софію,
 Стамбуль и море за собой,
 Я плылъ Дунаемъ. Мракъ ночной
 И вѣтръ прошивной, какъ сѣтвой,
 Мнѣ пушъ къ Галацу заградили;
 И мы близъ Рень на якорь спали.
 Въ полночь на палубѣ былъ я,
 Со мной была моя Ревекка;
 Вдругъ слышимъ мы близъ корабля,
 Раздался голосъ чловѣка.

Казалось, онъ ужъ ушопалъ ;
 По-Русски зная хошь немного ,
 Я очень ясно понималъ ,
 Какъ произнесъ онъ имя Бога.
 Мнѣ стало жаль — я не забылъ ,
 Чшо самъ въ бѣдѣ шакой же былъ.
 И какъ меня Богъ сохранилъ ,
 На помощь въ лодкѣ я пустился ,
 Приплылъ къ нему. Ужъ ушомился ,
 Безъ силъ сражаяся съ волной ,
 Глошалъ Дунайскую онъ воду ,
 И гробъ ужъ видѣлъ подъ собой.
 Я спасъ его ошъ смерти злой ,
 И за спасенъе взялъ свободу.
 „Какъ дымъ,“ сказалъ онъ: „ошъ огня,
 „Надежда скрылась ошъ меня,
 „Свобода не нужна мнѣ боль.
 „Возьми ее, позволъ въ неволѣ,
 „Несчастья вѣкъ окончишь мой!“
 И я привезъ его съ собой.
 Купи его, онъ въ цвѣшѣ вѣка ;
 Но мнѣ не нуженъ — для меня,
 Червонцы лучше человекъ !

Невольникъ Леолинъ, со дня,
 Когда его продали волю ,
 Щишалъ свою блаженной долю,
 И все прошедшее забылъ:
 Онъ былъ близъ Мирры, и любилъ.

Кого любовь не обольщала?
 Кого любовь не возвыщала?
 Кто жизнь младую посвящилъ
 Уединеню и природѣ?

Кшо для любви своей свободѣ
 Съ восшоргомъ чувшвъ не измѣнилъ?
 Лишь Магомедъ для грозной славы,
 И для побѣдъ, свой мечъ кровавый,
 Любимой кровью обагрилъ!
 Поднявъ его предъ войскомъ жало,
 Онъ взоромъ хладнымъ показалъ,
 Чшо онъ любви прямой не зналъ,
 Чшо сердце въ немъ лишь славу знало! —
 И войско въ страхъ шренешало;
 Въ злодѣяхъ чувшво родилось;
 Въ шолпѣ невѣрныхъ пронеслось
 Волненье ропша упрековъ!
 Но варварамъ ли знашь любовь?
 Ушѣхи ихъ убійшва, кровь!
 Кшо врагъ любви; шощъ другъ пороковъ!

Я зналъ любовь. — Я зналъ ее!
 Но гдѣ жъ она? куда мое
 Свѣшило счастья закашилось?
 Куда М...я шы собрылась?
 Тебя ужъ нѣшь; но шы была!
 Еще я помню сонъ прекрасный,
 Когда въ глазахъ моихъ цвѣла.
 Я помню, какъ шы умерла,
 Какъ сонъ убійшвенной, ужасный!
 Твой прахъ подъ камень гробовымъ,
 Я горькой не броплю слезою;
 Тебя шамъ нѣшь, шы не подъ нимъ,
 Въ моемъ шы сердцѣ, шы со мною!

Какъ солнце свѣшишь надъ землей,
 Такъ днемъ шы свѣнишь надо мной,

Въ глубокомъ снѣ, во врагѣ ночи,
 Ты, какъ луна, блещишь мнѣ въ очи:
 Хочу обнятьъ — ты высоко,
 Хочу достатьъ — ты далеко;
 И только мыслью дерзновенной,
 Касаюсь къ неприкосновенной.
 М . . . я! милый, вѣрный духъ!
 Скажи, откуда прилетаешь?
 И чѣмъ еще ты обольщаешь,
 Мнѣ сердце, душу, взоръ и слухъ?
 Я видѣлъ жизнь твою мгновенно,
 Я видѣлъ землю надъ шобой;
 Но живъ еще любимецъ твой,
 И ты жива въ немъ и неслѣнна!
 Пусть призракъ я одинъ люблю;
 Не сонъ ли жизнь? — Я сладко сплю!

Дни съ горемъ Леолинъ проводишь,
 Какъ рабъ, трудами ушомленъ;
 Но шопъ счастливо день проходишь,
 Въ кошорый Мирру видишь онъ.
 Подъ деревомъ ея любимымъ,
 Съ тяжелымъ засшупомъ въ рукъ,
 Сидишь онъ часто въ цвѣшникѣ,
 И ждешь конца надеждамъ мнимымъ;
 И ждешь, когда придешь она.
 Она придешь но, не одна:
 Вездѣ спаруха вслѣдъ за нею,
 Какъ за звѣздой съдая ночь;
 И ошъ нее ни шагу прочъ,
 Съ клюкою длинною своею.
 Но не всегда чужимъ глазамъ
 Ощецъ ввѣряещъ дочь. Онъ самъ

Съ заботливымъ повсюду взоромъ
И съ подозрительнымъ надзоромъ,
Идешь за ними по слѣдамъ.

Съ тѣхъ поръ, когда онъ Леолину
Ходишь за садомъ поручилъ,
Садъ принялъ новую каршину,
И Мирръ спалъ, какъ рай вдругъ милъ.
Съ тѣхъ поръ — она въ немъ чаще ходишь,
Съ тѣхъ поръ — ей горница скучна,
Ей грустно, и она больна,
Когда на воздухъ не выходишь.

Едва лишь шагъ сойдешь съ крыльца,
Оставивъ спараго, ошца
Съ своею нянькою сѣдою,
Она въ цвѣшникъ лепишь спрѣлою.
И Леолинъ давно ужъ шамъ;
Предавшися сладостнымъ мечшамъ,
Букетъ для Мирры собираешъ.
Она придешь — онъ забываетъ,
Что ей хотѣлъ цвѣшны ошдашъ.
Онъ хочешь что-то ей сказашъ,
Вздохнешъ — и голосъ замираешъ.

О! малодесяшь разъ любишь,
Чтобы въ любви, разсудка власти
Себя и сердце покоришь!
И при предметъ нѣжной спрасши,
Рѣшишься смѣло говоришь,
И при началъ разговора:
Не заикнушься, не взглянушь,
Не опустишь на землю взора,
Не покраснѣшь и не вздохнушь. —
Но Мирра вздохъ поняшь не смѣешь.

Возьмешь цвѣшны, и оробѣешь ;
 Румянецъ вспыхнешь по лицу,
 И вдругъ къ угрюмому опцу
 Бѣжишь, какъ серна за кусшами ;
 И сердцу милыми цвѣшнами
 Лилѣйную украсивъ грудь ,
 Боишься близъ опца вздохнуть .

Какъ шяжко намъ, какъ сердцу больно ;
 Любви глубокой вздохъ скривашь ;
 Онъ хочешъ вылешъшь невольню,
 Онъ хочешъ грудь всю разорвашь !

Любви жестокой, безнадежной,
 Какъ безконечень каждый часъ !
 Какъ убиваешь сердце насъ ,
 Своею думою мяшежной !
 Какъ спрашно бышь всегда близъ шой ;
 Чья прелешь душу взволновала :
 Источникъ видъшь предъ собой,
 И жажду чувшвовашь Таншала !

Въ часъ ушра раняго , одинъ
 Съ своей шоскою, Леолинъ,
 Ошъ сна и грушши убѣгая ,
 Выходишь на берегъ Дуная ,
 Не видъ шуманный дальнихъ горъ ;
 Не прелешь дикую природы ,
 Его вспрѣчаешь шомный взоръ ;
 И въ сердце не огонь свободы ,
 Но пламень шягосшной любви .
 Онъ говоришь: „любишь ужасно !
 Нъшь, сердце, не шомись напрасно,
 Союзъ съ надеждой разорви !
 Изъ брая милаго пріязни ,

Я скрѣлся опъ достойной казни ;
 Но встрѣшилъ я и здѣсь ее :
 Здѣсь Мирра, сердце здѣсь мое !
 Невольникъ ли опца , несчастной ,
 Воспламенишь Гречанки грудь ?
 Ему ли огонь любви вдохнушь
 Въ душъ невинной и прекрасной ? —
 Нѣтъ, сердце! не помись напрасно ,
 Къ забвенью силы пригосовъ ,
 Оставъ надежду и любовь!“

Такъ Леолинъ въ часы печали
 Себя и сердце укорялъ ;
 Но тихій день лишь наступалъ ,
 И взоры Мирру снова ждали.
 Придешъ она — и снова онъ
 Безсильнымъ сердцемъ увлеченъ ,
 Въ ней счастье все свое находить ,
 Щитаешь всѣ ея слѣды ,
 И часто, шайно сквозъ кусты ,
 На Мирру нѣжный взоръ возводишь
 И мыслью вся душа полна :
 Замѣпишь ли его она ?

Ч а с т ь II.

Гнѣвъ Бога, вѣспникъ люшой казни,
 Гроза народовъ и Царей,
 Разрывъ общеспвенныхъ связей ,
 Рушишель дружбы и пріязни ,
 Конецъ родства, любви и ссоръ,
 Бичъ, гибель смершныхъ , черный моръ ,
 Какъ шайный, грозный пламень ада,
 Незримо вспихнувъ на земль ,
 Изъ странъ Египша , въ корабль ,

Пронесся въ пристапъ Царяграда.
 Ошшуда, съ язвой и чумой,
 Сынъ спрашный Мемфиса и Нила,
 Прошелъ невѣдомой спезей
 Въ Раи, и Шумлы, и Браила,
 Въ Галацы, въ Яссы; въ Бухарестъ;
 И неизбѣжнымъ вихремъ шлѣнья,
 Разнесъ грозу опустошенья
 Въ обитали прекрасныхъ мѣстъ!
 Какъ иго шяжкое Нерона,
 Сыновъ караетъ Албіона;
 И царшвуешь въ народѣ спрахъ.
 Разрушенъ швердый щипъ закона,
 И правда, правыхъ оборона,
 Лежишь во прахъ и въ цѣпяхъ!
 Все дышишь воздухомъ боязни,
 Все ждешь убійства или казни,
 Спасая жизнь свою въ спѣнахъ.
 Но злоба проникаешь спѣны,
 И рушишь шведые замки;
 Въ родныхъ, въ друзьяхъ скрышь ядъ измѣны,
 И ошь ласкающей руки,
 Все ждешь предательства со спрахомъ.
 Всѣ видяшь смѣршь своихъ родныхъ,
 Но ошрекающся ошь нихъ
 И слезъ не смѣють лишъ надъ прахомъ!
 Такъ грозно царшвіе чумы;
 Въ немъ всякой жерства и убійца,
 Всѣ мрачны, какъ въ спѣнахъ шюрмы,
 И каждый домъ семействъ гробница!

 Въ Галацѣ спрашенъ злой недугъ:
 По всюду смерщносшь свирѣтешъ;

Все гибнешь! — шажь, здоровый вдругъ
 Упалъ и въ судорогахъ рвѣшь,
 Какъ будшо весь облишь огнемъ!
 И чернымъ на груди пашномъ,
 Расшешъ примѣшно знакъ заразный!
 Мершвецъ ужасный, безобразный,
 Какъ шрупъ чудовища лежишь,
 Напишанъ язвой . . . . .
 . . . . .

Александръ В . . . . . нъ.

Кншеневъ.

2 Сентября 1825.

(*Продолженіе будетъ.*)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О силѣ Фанариотовъ въ Турецкомъ Правительствѣ.

Турки, покоривъ Грецію, опияли у природныхъ ея обитателей только половину земель — другая принадлежала еще Грекамъ. Но, что всего менѣе извѣстно, хотя всего больше замѣчательно — шажь это слѣдующее общепольное шво: Турки, по своей необразованности, по своему невѣжеству, пре-

градили себѣ возможность расправы, которую себѣ исключительно предоставили. Передъ самымъ началомъ возстанія Греціи вся машина управленія Општоманскою Имперіею ввѣрена была Грекамъ, хотя гордость Турокъ никогда не позволяла ни одному Греку властвовать непосредственно и давать приказы, которыми бы Мусульманинъ долженъ былъ повиноваться. По закону ихъ, Грекъ былъ не что иное какъ рабъ, *Раа*, обреченный на смерть, которому Султанъ позволялъ жить изъ году въ годъ только изъ милости за поголовную подать, называемую *харачъ*: только ею онъ выкупалъ жизнь свою. Однако же эти столь презираемые, столь угнетаемые Раи располагали всѣми военными и судными должностями Имперіи. Они расправлялись ими на свой счетъ; они двигали всѣми колесами правленія. Безъ нихъ всё бы дѣла остановилось, потому, что одни лишь эти Раи были посвящены, между тѣмъ, какъ ихъ вассалы были варвары; потому, что одни они получали воспитаніе, разверзавшее ихъ способности, одни знали Општоманскую Имперію, одни вели переписку, умѣли считать, и наконецъ одни имѣли въ рукахъ своихъ движимое богатство и торговое довѣріе. Эпохъ переходъ власти отъ вассала къ рабу такъ спра-

ненъ, что заслуживаешь подробное изясненіе.

Всѣ Намѣстничества въ Турецкой Имперіи суть вмѣстѣ и военныя начальства и помѣстья. Намѣстники Султана обязаны защищать область и собирають съ нее налоги: военная сила ввѣрена имъ для сей двойственной цѣди. Они не дають отчетовъ въ своихъ распоряженіяхъ, но обязываются внести извѣстную сумму, какъ двухгодовой доходъ съ провинціи. Меньшій срокъ не завѣрилъ бы выгоды арендапоровыхъ; большій былъ бы несообразенъ съ полишикою Порны, которая живетъ день за день, и не любитъ устранишь надолго власть свою. Но въ Турціи все продажно, и между тѣмъ, какъ все-народно продаются съ молотка аренды въ пользу Султана, Великій Визирь ушверждаетъ и принимаетъ сановниками только тѣхъ, которые найкомъ подарили его значительнѣе. Со всѣмъ тѣмъ онъ не хочетъ уронить себя, принимая изъ всѣхъ рукъ безъ различія. Онъ спрашивается доноса за свою продажность, и дорожитъ головою. Въ свиданіе этого онъ торгуется только съ тѣми, коихъ уже знаетъ богатство, скромность и зависимость. Турокъ внушилъ бы ему болѣе недоувѣрчивости или спыда, и онъ предпочитаетъ Грека. Въ самомъ дѣлѣ поль-

ко весьма малое число банкировъ Фанариошъ, запушанныхъ во всѣ иншиги Сераля, и уже извѣстныхъ своими несмѣтными сокровищами и скромностію, допускаемо было до сихъ перешоржекъ.

Топнъ, чьи предложенія принимались, подучалъ фирманъ Султана, въ кошоромъ доврядлось предъявшелю (для его имени оспавался пробль) управленіе обласію, городомъ или крѣпостію, съ правомъ собирать харачъ, десяшину всѣхъ земныхъ произведеній, таможенныя пошлины и всѣ прочія повинности, принадлежащія Государю. Въ промѣнъ сему, банкиръ давалъ Визирю шесть облигацій, для уплаты оцъ шреши до шреши, вмѣсто доходовъ съ обласи по условленной цѣнѣ. Всѣ эти уплачиванія дѣлались напередъ; дѣло банкира было выбрать попомъ съ провинціи капиталъ и проценты всѣми возможными средшвами. Но Греки, получавшіе право управлять обласію и угнешать ее, не должны были никогда казаться на глаза вѣрныхъ Мусульмановъ. Эти бы взбуншовались, если бѣ увидѣли, что Раю вѣрена какая нибудь власшь надъ ними. Следшвенно Греческому банкиру надобно было сыскашь Турка, который бы сдужилъ ему подыменникомъ (*prête-nom*), управлялъ бы за него провинцію, бралъ за него налоги,

и всѣми неправдами, угрозами и муками принуждалъ несчастныхъ его данниковъ отдавать все, что имѣюшъ. Иногда Турокъ условливался быть его поварихомъ, и вымучивать дань изъ половины. Чаще онъ довольствовался должностію подчиненнаго и условленнымъ жалованьемъ. Когда объ спорныя соглашались, банкиръ вписывалъ въ пробыль фумана имя Мусульманина, и сей отправлялся въ уступленную ему обласъ съ шишуломъ Мусселима, Воеводы или Паши. Турокъ, будучи вмѣстѣ воинномъ и саювникомъ, не въ состояніи вести щещовъ. Да и банкиръ не можешь довѣрять своему повѣренному, ни въ опченности, ни въ оборотахъ денежныхъ: жадный, подкупный и вѣроломный, онъ бы не упустилъ случая обратиць въ свою пользу наибольшую часть доходовъ, проходящихъ чрезъ его руки. Для сего Грекъ-банкиръ посылалъ съ нанятымъ Туркомъ своего писаря, *Граматиста*, Грека родомъ и Вѣрою, кошорый обязанъ былъ хранить казну, вести щещы, и быть въ тоже время шпиономъ и совѣшникомъ Мусульманина. Сей послѣдній, неспособный ни къ какой работѣ, ни чему не учившійся, неизвѣшій никакой привязанности къ управляемой имъ споронѣ, никакого чувства безкорыстія и правоты, кою могли бы служишь ему уздою — спарался

полюко увѣривъ данниковъ въ своей жестокости, чтобы они скорѣе плашили пребывающее, и чтобы по истеченіи срока другой банкиръ, видя его удачливости, охотнѣе ввѣрилъ ему другое управленіе. Такимъ образомъ сей Намѣстникъ управляетъ областію, какъ Турокъ управляетъ кораблемъ, гдѣ, ничего не понимая въ оборотахъ, сохранилъ для себя полюко должность раздавателя палочныхъ ударовъ. Покупка съ молодца Намѣстничества еще не самое унизительное въ системѣ продажности, кою Гречи были орудіями и жертвами. Покупка судныхъ мѣстъ существуетъ понынѣ, и послѣдствія оной еще гибельнѣе. Въ глазахъ Мусульманина правосудіе есть обязанность вѣры; и по этому казалося бы, что власти сія наименѣ всего могла впасть въ руки Фанариотовъ: ничего не бывало. Муфти, первоначальникъ вѣры и законовъ, имѣетъ право назначать на всѣ судныя мѣста Имперіи. Къ сей огромной власти не принадлежишь однако жъ никакого или почти никакого дохода. А Муфти все таки богатъ шѣмъ не менѣ: онъ продаетъ гурпомъ всѣ зависящія отъ него мѣста и какъ они уступаются на довольно короткій срокъ, напр. на два или на три года, то продажа сія для него все поже, что постоянный годовою доходъ. Можно себя представить, что сколько важ-

ная особа не входишь въ подробности чрезвычайнаго сложнаго управленія. У Турокъ правило: приводишь правосудіе къ порогу каждаго подданнаго Имперіи. Каждый городокъ, каждая деревня имѣеть своего судью, своего Кадіа, коего власть безграницна и беспересудна. Она обнимаетъ безъ различія собственности, личность и жизнь, — кромѣ чести. Такимъ образомъ самыя отвратительныя шпілесныя наказанія, раздаваемыя Турецкими судьями очень щедро, не пылаютъ наказаннаго. Надобно назначать тысячи Кадіевъ ежегодно, а Муфши не знаетъ ни людей, ни мѣстъ. При немъ нѣтъ ни одного подчиненнаго Мусульманина, который бы допрудился узнать то, чего не знаетъ Муфши. Опять надобно прибѣгнуть къ Фанариотамъ. Опять являясь Греческій банкиръ. При томъ же Муфши былъ бы въ замѣшательствѣ, если бы ему пришлось открытъ свою продажность Мусульманину — но онъ не краснѣетъ передъ Грекомъ. Это одна изъ выгодъ Турокъ унижать низшихъ себя — ибо ихъ взоры не смущаются, какъ взоры животныхъ. И шакъ банкиръ Фанариотъ торгуется съ Муфшіемъ за судныя мѣста цѣлой обласши; получаетъ на оборотъ назначенія съ пробвами для многихъ

соцъ должносней. Попомъ его дѣло найпи наемныхъ Турокъ для ихъ замѣщенія.

Во всякомъ случаѣ Фанариопъ не поругуешся прямо съ искашелями судныхъ мѣстцъ. Его назначенія шоже, что шовары или ассигнаціи. Онъ ихъ перепродаешъ, закладываешъ, занимаешъ подь нихъ деньги для уплашы впередь Муфшію, и часшо рши дипломы переходящъ въ чешвершыя и ляншы руки прежде опсылки въ обласшь, гдѣ уже распродаюшся по мелочи. Купившій судейсшва, въ самой обласши шоже не поропится сбышь ихъ. Города раздѣлены междуособіями; между семейсшвами сущесшвующъ наследсшвенныя вражды, пребующія месши, крови и конфискацій; купившій мѣсно призываешъ начальниковъ обвйхъ споронъ по очереди, и спрашиваешъ, что дадушъ они за мѣсно судьи по себѣ, судьи, кошорый будетъ безъ глазъ на ихъ пресшупленія, безъ милосердія къ ихъ врагамъ. Онъ даешъ имъ вкусишь напередь всю сладосшь ищенія, и предчувсшвовашъ всѣ опасносши, коимъ они подвергнушся, если ихъ неприятели купяшъ судейское мѣсно. Такимъ способомъ онъ испоргаешъ наибольшую сумму, какую они могушъ дашь изъ спраха или ненависти. Тогда звѣрскій Турокъ назначаешся судьею онъ шой или онъ другой спороны: его

имя вписывается въ пробѣль, оставленный Муфтіемъ, и онъ начинаешъ рубить головы, налагашъ пени и ошбирашъ имѣнія. А пошъ, кто продашь ему мѣсно, получаешъ половину или двѣ прѣши изъ сихъ пеней и конфискацій. Сіе же самыя Греки, превосходствомъ своихъ способностей, богатствомъ и шансомъ къ проискашъ, въ коихъ угнетеніе заставило ихъ упражняшся — проникаюшъ въ шакія мѣста, гдѣ наимѣнѣе ожидаешъ ихъ встрѣшишъ: въ шайны серала и домовъ Мусульманскихъ. Они вездѣ необходимы и вездѣ презрѣны. Они повелѣваюшъ, будучи рабами. Султанъ щедръ только къ женамъ своимъ; онъ можешъ повелѣвашъ въ сералѣ, но являешся тамъ роскошнымъ любовникомъ, и подарки его не всегда заключаюшся въ плашьяхъ и каменьяхъ. Часпо его Одамыки получаюшъ значныя суммы денегъ, и почши всѣ онѣ имѣюшъ прихотъ покупашъ земли, коихъ наибольшая изъ нихъ часпъ осуждена не видашъ. Вошъ еще ловля для Фанариоповъ. Тотъ, кто купилъ милостъ начальника черныхъ евнуховъ — можешъ бышъ увѣренъ въ своемъ богатствѣ. Онъ будешъ покупашъ всѣ земли для Султанцъ, и худо, худо, если выиграешъ на всякой покупкѣ только 50 на сто.

Турецкій помѣщикъ споль же мало способень управляшь своими дѣлами, какъ дѣлами Правительсва. Такимъ образомъ шъ же самые банкиры, кошорые держали на арендѣ доходы Имперіи, управляли и частнымъ имѣніями богатыхъ Мусульманъ. Обыкновенно они брали за это по 20 со сца; за полдашили доходъ напередъ; чаще всего помѣсячно, ибо спрашивашъ съ Турка предусмотрительности въ денежныхъ оборотахъ на прешъ, было бы слишкомъ много. Не то, чшобы Мусульмане были распочительны; напрошивъ, нигдѣ спросишь колишь и зарывашъ деньги шакъ не обыкновенна (и Султанъ зараженъ ею), но Турки не знаютъ никакой средины между скупостью и мошовствомъ, никакой экономіи, кромѣ шой, чшобы не испрашитъ ни полушки. Если бы Магмудъ при началъ войны опкрылъ свои сокровища онъ бы легко ушцилъ возстаніе Грековъ; его золото могло бы дашъ ему силу. Али Тебеленъ, Паша Янинскій, погибъ за богатство, кошорое жаждали у него похитити, кошорого не умѣлъ онъ употребити на свою защиту.

Ненужно, кажеца, напоминать, чшо Фаріоны занимали всѣ важнѣйшія мѣсна Драгомановъ при Диванѣ, при Капшанъ-Пашѣ на флотѣ и въ арміи, и чшо изъ нихъ на-

значались Господари въ Молдавію и Валахію: Но это поколѣніе племень Греціи уже не существуетъ. Султанъ велѣлъ перервать, изгнать и разорить всѣ богатшя фамиліи, управлявшя втайнѣ его Имперію. Теперь никто не можетъ замѣнить ихъ, и разстройство Турціи неизбежно: она лишила себя единственныхъ людей.

(Изъ Revue Encyclopédique.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Взглядъ на происшествія текущаго года, съ Мая по Сентябрь.

(*Окончаніе.*)

Турція. Мы опложили окончаніе сей спашы до нынѣшней книжки, въ надеждѣ, что мрачныя облака, покрывающія горизонтъ спраждущей Эллады, разсѣются — опъ дѣйствій ли грозы, или опъ благошворныхъ лучей солнечныхъ; но ожиданія наши на сей разъ еще не исполнились. Дѣла Турціи и Греціи находящя въ прежнемъ, нерѣшительномъ положеніи: мы должны ограни-

чишься обзорніемъ происшествій нынѣшняго лѣта, оцѣзавшихся достовѣрными.

Ибрагимъ-Паша, высадивъ войска свои при Модонѣ, двинулся противъ Наварина, и умѣлъ взять сію крѣпость послѣ отчаянаго сопротивленія Грековъ. Канари, подоспѣвъ къ водамъ Модонскимъ, смегъ нѣсколько Египетскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ, но не могъ симъ воспрепятствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ Ибрагима на сухомъ пути: храбрый Египтянинъ пошелъ на Триполицу, взялъ и опустошилъ сей городъ, равно какъ и Аргось. Засимъ готовился онъ взять Наполи-ди-Романію, но былъ отраженъ сильною вылазкою Грековъ, подъ начальствомъ Князя Амисріа Ипсиланши и Генерала Роша; возвратился въ Триполицу, и опшуда спалъ дѣлашь поиски въ разныя спороны Морейскаго полуострова. Колокошрони пошерялъ сраженіе при Трикорѣвѣ, но не лишился бодрости духа. Греки непрерывно превозають Ибрагима, перехващывають его гонцевъ, опнимають припасы. По послѣднимъ извѣстіямъ кажешся, что онъ отступилъ изъ Триполицы къ Наварину, чтооь приблизиться къ подкрѣпленіямъ, идущимъ изъ Египта.

Капшанъ-Паша менѣе всѣхъ Турецкихъ Полководцевъ имѣлъ удачи: ему надлежало

сражались на родной спихии Грековъ — на морѣ. Греческій Адмиралъ Сахшурѣ, свѣдавъ о выходѣ его изъ Дарданеллъ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, настигъ его между Капод'Оро и островомъ Андросомъ, и всупилъ съ нимъ въ сраженіе, продолжавшееся девять часовъ: оное кончилось сожженіемъ 66-пушечнаго корабля, 34-пушечной корветши и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ и транспортовъ Турецкихъ. Капитанъ-Паша убѣжалъ опѣ побѣдишелей, собралъ 52 корабля, и съ ними прибылъ на помощь Решиду-Пашѣ, при осадѣ Миссолонги, но и здѣсь не былъ счастливѣе прежняго: послѣ разныхъ неудачъ ушелъ онъ въ Александрію, и исправивъ тамъ поврежденныя суда свои, по послѣднимъ извѣстіямъ, готовился выйши на помощь Ибрагиму.

Решидъ-Паша имѣлъ порученіе, покоривъ всю западную Грецію, взявъ главный городъ оной Миссолонги, и истребивъ такимъ образомъ силы Грековъ съ сей стороны, двинуться къ Коринѣскому перешейку, всупишь въ Морею, и соединившись тамъ съ Ибрагимомъ-Пашею, довершишь покореніе Греціи. Сей планъ исполненъ только въ половину. Решидъ, не смотря на храброе и успѣшное сопротивленіе Генерала Гуры, громадою скопищъ своихъ пронесся до Миссо-

Зонги, и обратилъ все силы свои на покореніе сего послѣдняго убѣжища Греческой независимости въ сей странѣ, но безуспѣшно. Греки, отчаянными и искусными вылазками, принудили Рещида снять осаду, и опустившись: по сей причинѣ не могъ онъ исполнить и второй части инструкціи Дивана — пройти въ Морею. Капшанъ-Паша подошелъ было для вспоможенія ему при Миссолонги со стороны моря, но былъ разбитъ Греками, и обращенъ въ бѣгство.

Между тѣмъ большая часть Ливадіи и Морей занята Турецкими и Египетскими силами. Нѣкоторые Греческіе Примасы, усмрашенные беспырыми успѣхами враговъ, отчаялись въ спасеніи отечества собственными силами, и рѣшились просить вспоможенія Англій, какъ таковой Державы, коей силы находятся ближе прочихъ къ позорищу военныхъ дѣйствій. Послѣдствія сей мѣры еще неизвѣсны.

Въ продолженіе нынѣшняго лѣта Греція лишилась одного изъ храбрѣйшихъ Полководцевъ своихъ — Одиссея. Онъ не палъ въ битвѣ, какъ безсмертный Марко Воццари: увлеченный раздорами съ мужественными, но крамольными сподвижниками, онъ вздумалъ усмрашить ихъ переходомъ своимъ на сторону враговъ, но вскорѣ раскаялся въ опро-

мещивомъ своемъ поспупкѣ , и вновь прибѣгнувъ къ соощичамъ своимъ. Его посадили въ крѣпость Аѳинскую ; онъ хотѣлъ уйти , но въ неудачномъ покушеніи лишился жизни.

Маврокордашо , по происхожденію своему ошъ Фанариошовъ , не могъ бытъ предводителемъ воинства Морейцевъ : онъ успунлъ званіе сіе Генералу Колокошрони , а самъ занялся дѣлами гражданскими. Сказываютъ , что онъ и Кондуріоши болѣе прочихъ , содѣйствовавали приняшію намѣренія вручить судьбу Греціи Великобританской защитѣ.

Султанъ Магмудъ , въ печеніе нынѣшняго лѣша могъ ободриться духомъ , видя неоднокрашныя успѣхи своихъ сухопутныхъ войскъ , но во внутренности дворца постигли его жестокіе удары : онъ лишился въ Апрель мѣсяцѣ старшаго сына , чешырнадцатилѣшняго Наслѣдника Османскаго шрона Абдула-Гамида , въ Маѣ другаго сына и дочери Принцессы Миниры.

Въ печеніе сихъ чешырехъ мѣсяцевъ скончались : Авспрійскій Генераль *Маркизъ Шателеръ* , Прусскій Министръ *Графъ Бюловъ* и сестра Наполеона , *Принцесса Поллина Боргезе*.

Н. Г.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

61. *Россійскій Ратникъ, или Сбщая военная Повѣсть о Государственныхъ войнахъ, непріятельскихъ нашествіяхъ, уронахъ, бѣдствіяхъ, побѣдахъ и приобрьтѣніяхъ, отъ древности до нашихъ временъ, по 1805 годъ. По достовѣрнымъ Россійскимъ бытописаніямъ сдѣчинилъ Императорской Россійской Академіи Членъ, Коллежскій Ассессоръ Тимофей Мальгинъ. М. 1825, въ Синод. шип., въ 8, VI ц 845 стр.*

(См. Но 115 Сѣв. Пч.)

62. *Собраніе гравированныхъ рисунковъ съ древнихъ вещей и памятниковъ, въ пользу Художниковъ. Тетрадь 1. С. П. б. 1825. въ Медн. шип., въ 4, 7 стр. и 12 чертежей.*

(См. Но 117 Сѣв. Пч.)

(При сей книжкѣ С. О. раздается Прибавленіе, Но 1.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Я С Н О В И Д Я Щ А Я.

(Продолженіе.)

В т о р о е я с н о в и д ѣ н і е.

На другой день, Графъ Гормегъ пришелъ самъ ко мнѣ въ комнашу, чшобъ расказашь, какъ покойно Горшензія провела ночь; какъ силы ея подкрѣпились, и она спала веселѣе, нежели была когда либо. „Я все пересказаль ей“ — продолжалъ онъ: — „что вчера происходило. Она качала головою, не хотѣла вѣришь, наконецъ сказала: „шакъ со мною въ самомъ дѣлѣ бывають припадки сумасшествія?“ и начала плакать. Я успокоилъ ее, увѣряя, чшоешо послужишь къ совершенному ея выздоровленію, чшо въ васъ, любезный Фаустъ, должна заключащься удивительная, можешь бышь, до сихъ поръ вамъ самимъ неизвѣстная сила. Я просилъ, чшобъ она позволала вамъ приходишь иногда бесѣдовашь

съ нею, когда она не спишь, пошому, что да-
же ошъ сближенія вашего я многого ожидаю.
Но я не могъ ея преклонить къ шому. Она
увѣряешъ, что въ васъ ешъ что-шо для
нее неспершимое; что развъ со временемъ,
мало по малу она къ вамъ, привыкнешъ.
Что жъ шущъ дѣлашъ? Принуждашъ нель-
зя, не подвергая ея жизни опасности.“

Такъ говорилъ онъ и спарался, сколько
могъ, извинить передо мною Горшензію. За
шо самъ, въ замѣну ея упрямства и гордо-
сти, удостоивалъ меня величайшею довѣрен-
ностью: рассказывалъ о своихъ семействен-
ныхъ отношеніяхъ, о своихъ помѣстьяхъ,
шяжбахъ, разныхъ непріятностяхъ, къ ош-
вращенію кошорыхъ просилъ моего совѣша.
Объщавъ показашъ и ошдашъ на мое сужде-
ніе нѣкошорыхъ бумаги по дѣламъ своимъ, онъ
въ шощъ же день сдержалъ слово. Такимъ
образомъ ошкрышы были мнѣ всѣ, и самыя
шайныя отношенія вшого семейства; я съ
каждымъ днемъ спановилася необходимѣ Гра-
фу, и дружество его ко мнѣ возрастало, ка-
залось, въ шой же мѣрь, какъ и ошвращеніе
его дочери. Наконецъ передалъ онъ на
мои руки всю свою переписку, даже ввѣрилъ
мнѣ управление своими доходами и хозяй-
ствомъ, шакъ, что въ корешков время я сдѣ-
далася для него все. Привязанность его ко

мнѣ была чрезмѣрна, и въ оказываемой мнѣ безпредѣльной довѣренности я видѣлъ его убѣжденіе въ моей честности и совершенной ему преданности. Каковы бы ни были мои хозяйственныя распоряженія, никогда не замѣтно было недовольнаго взгляда на лицѣ его; только одно возбуждало въ немъ досаду — мое упорство ограничивать себя самымъ необходимымъ для жизни, и опшвергать даже предлагаемые подарки. Докторъ Вальперъ и всѣ домашніе смѣкнули, какой чрезвычайный вѣсъ получилъ я въ домѣ шакъ скоро и неожиданно. Они спали ко мнѣ ласкашсь, снискивашъ мое вниманіе, мою благосклонность, и мнѣ было не дурно при этомъ общемъ, хотя и незаслуженномъ доброхопшшвѣ. Но все это промѣнялъ бы я на сколько нибудь сносное обхожденіе со мною Графини. Она оспавалась непримирима. Уже опшвращеніе ея обращалось въ ненависть. Она опшверегала опща, называя меня пролазомъ и обманщикомъ. Въ разговорахъ съ своими женщинами высщавляла она меня, какъ бродягу, вкравшагося въ довѣренность Графа. Самъ старшй Графъ не осмѣливался уже наконецъ упоминашь обо мнѣ въ ея присутствіи.

Но послѣдуемъ за ходомъ происшествій, не нарушая порядка.

#

Карманные часы поставилъ я по стѣн-
нымъ. Въ самомъ дѣлѣ въ шрехъ минушахъ
была разниа. За пивъ минушь до шрехъ
часовъ, не позже и не раньше, вошелъ я безъ
доклада въ комнашу Горшензи. Уже всѣ вче-
рашнѣ свидѣтели собрались. Она сидѣла на
софѣ въ задумчивости, блѣдная, спражду-
щая, но швѣмъ не менѣе обворожительная для
взора. Увидѣвъ меня, съ гордымъ презритель-
нымъ взглядомъ вспала она послѣшно, и
сказала: „кто далъ вамъ позволеніе безъ
доклада, входить въ мою комнашу? . . .“

Сильный крикъ и спрашныя судороги
удушили ея голосъ. По моему знаку поста-
вили ей шшуль, который наканунѣ былъ при-
несенъ опъ меня. Едва сѣла она, какъ сжа-
тыми кулаками начала бить себя по чему
ни попало, самымъ ужаснымъ образомъ и съ
удивительною скоростію. Трепеща, принявъ
я положеніе, какое вчера было мнѣ предпи-
сано, ушренивъ пальцы свои прошивъ ея шѣ-
ла. Тушь, съ ужасно крутящимися глазами и
въ жесточайшихъ судорогахъ, схватила она
мой руки и крѣпко упира пальцами у се-
бя *подъ ложку* (*). Вскорѣ спала она по-
койнѣе, закрыла глаза и послѣ сѣльнаго вздо-

(*) Выраженіе анапомическое: конецъ груд-
ной косши.

ха, казалось, заснула. На лицѣ ея напечаталъ было чувство жестокой боли. Глухіе звуки выходили изъ устъ ея. Вскорѣ боль спала, но видимоу, ушхашъ. Нѣсколько разъ вздыхала она тихо. Черты лица ея мало по малу оживлялись, и прежняя выразительность внутренняго благополучія появлялась на немъ, вмѣстѣ съ шонкимъ румянцемъ, пробивавшимся сквозь смертельную блѣдность.

Спусти нѣсколько минушь, оказала она: „вѣрный, вѣрный другъ мой! что было бы со мною безъ тебя?“ Эти немногія слова произнесены были шакимъ мягкимъ, очаровательнымъ голосомъ, какъ будто существомъ неземной обители. Они отозвались во всѣхъ моихъ нервахъ.

„Хорошо ли вамъ теперь, Графиня?“ спросилъ я, все еще боясь, чтобы она опять не указала мнѣ двери.“

— „Очень, очень хорошо, мой Фаустъ!“ отвѣчала она: „какъ вчера, или еще лучше. Мнѣ кажется, швоя воля пособитъ мнѣ теперь рѣшительнѣе, швоя сила крѣпче и выше. Я дышу, я плаваю въ пространствѣ свѣша, шебя окружающаго, и существо мое, проникнутое швоимъ, въ шебѣ испадаетъ. О, если бы всегда шакъ мнѣ было!“

Намъ , прозаическимъ слушателямъ , такое поэтическое привѣщаніе было совсѣмъ непонятно; но конечно мнѣ было оно по душѣ. Я сожалѣлъ только, что Горшензія мыслила не обо мнѣ, а о комъ-то другомъ, и вѣроятно, ошмбалась. Однако я услышался немного, когда узналъ послѣ ошъ Графа, что въ числѣ ихъ родственниковъ и знакомыхъ нѣтъ никого, кто бы назывался моимъ именемъ.

Когда отецъ ея дѣлалъ какіе нибудь вопросы, она его не слыхала, пошому, что въ то самое время начинала говорить со мною. Когда же споялъ онъ подлѣ меня, дѣлалась она внимательнѣе. „Какъ, башюшка, в шь здѣсь?“ сказала она наконецъ. На вопросъ мой, ошъ чего же прежде она его не пришвчала, получилъ я въ отвѣтъ: „онъ споялъ въ шемношѣ; только вокругъ шебя свѣтло. И шы блистаешь, башюшка, но слабѣе, чѣмъ Фаушъ, какъ будто однимъ только его освѣщомъ.“ Я сказалъ ей, что въ комнатѣ еще много другихъ: — тогда, послѣ долгаго молчанія, назвала она всѣхъ, и рассказала, гдѣ споялъ каждый. Во все время глаза ея были закрышы, и при всемъ шомъ знала она, что происходитъ даже позади нея; могла даже опредѣлять число людей,

пробъжавшихъ въ гондолѣ по каналу, и безъ ошибки.

„Какимъ же образомъ вы все это знаете?“ спросилъ я ее: „Вѣдь вамъ ничего не видно?“

— „Развѣ я не сказала тебѣ вчера, что я больна? Что не шло чувствуешь наружныя впечатлѣнія, а душа? Я духъ, но душа моя соспавляетъ мой глазъ, мое чувство, которыми я постигаю предметы. Тѣло, кровь и костяной оскелъ составляютъ только скорлупу, въ которой содержится благороднѣйшее зерно. Теперь эта скорлупа разбила, и жизненная сила ея стремится наполнить недостающее, но не можешь безъ посторонняго пособія. Для того-то духъ потребуешь тебѣ. И душа, выходя изъ своей оболочки — носясь, блуждая во вселенной, находитъ тебѣ, и я наполняюсь швоею силой. Когда я бодрствую по-земному, я вижу, слышу, чувствую быстрое и живое, но только наружное, близкое, что само сообщается мнѣ; я осизаю это, я узнаю, я угадываю. Въ шеперешнемъ же положеніи, я сама сообщаюсь съ вещами волею и неволею; я не осизаю, а проникаю; не догадываюсь, а знаю положительно. Во снѣ и шмъ сообщается невольно съ предметами, а не сами они тебѣ предшавляются; и шмъ знаемъ

ихъ и знаешь, оцъ чего это такъ бываетъ. И я теперь, какъ во снѣ; однако я бодрствую — это мнѣ извѣстно — только шло мое спитъ; мои наружныя силы не помогаютъ мнѣ.“

Потомъ рассказывала она много о своей юности, о ночныхъ прогулкахъ своихъ, объ одномъ своемъ обморокѣ, и каково ей тогда было, что происходило въ ней, что она чувствовала и думала въ то время, когда окружавшіе оплакивали ее, какъ умершую. Графъ Гормегъ слушалъ ее съ удивленіемъ, потому, что между многими обстоятельствомами, о кошорыхъ онъ совсѣмъ не зналъ, коснулась она и такихъ, кошорыя случались во время ея десяти-часоваго безчувствія, и о кошорыхъ никто не могъ знать, кромѣ его; напримѣръ, какъ онъ оставилъ ее безъ всякой надежды и, пришедъ въ свою комнату, въ отчаяніи молился на колѣняхъ о ея спасеніи. Онъ никому о этомъ не рассказывалъ; никто не могъ и видѣть этого, потому что дверь его была замкнута и, въ глубокую, мрачную ночь, комната его не была освѣщена. Теперь, когда Горшензія рассказывала, и онъ не скрывалъ этого. Удивительно было, какъ Горшензія могла знать о этомъ въ обморокѣ; но еще удивительнѣе, что она вспомнила теперь, не смотря на

то; что сказанный случай происходилъ въ ея дѣтствѣ, когда ей и осьми лѣтъ еще не было.

И по было спранно, что она всегда о самой себѣ говорила въ прешьемъ лицѣ, какъ о посторонней. Однажды сказала она: „Я не Графиня, а *она* Графиня.“ Въ другой разъ: „я не дочь Графа Гормега, а *она* дочь его.“

Какъ вся ея наружность казалась перерожденною — покойнѣе, возвышеннѣе, прелестнѣе, нежели обыкновенно, такъ и въ рѣчахъ ея было много опличнаго. Въ нихъ замѣтно было что-то шоржественное, увлекающее — въ выраженіяхъ болѣе выбора; не рѣдко облекались они въ поэтическую форму. Частію отъ того, частію же по ея возвышеннымъ понятіямъ и пошому, что она говорила о неизвѣстныхъ другимъ предметахъ или смотрѣла на обыкновенные съ другой почки зрѣнія, въ словахъ ея было много шемнаго, даже иногда казались они вовсе несвязными.

Пришомъ же говорила она охотно и много; любила, когда ее спрашивали, особливо, когда спрашивалъ я. Иногда погружалась въ какое-то шихое, продолжительное созерцаніе; на лицѣ ея можно было чипать выраженіе то недовольнаго, то удивленнаго.

реннаго мысленнаго исканія — признаки удивленія или восторга. Время опъ времени, прерывала она свое глубокое молчаніе восклицаніями: „Боже Всемогущій!“ и подобными.

Однажды заговорила она сама: „Теперь я вижу, что Свѣтъ совсѣмъ не шаковъ, какъ я его себѣ предполагала. Вся вселенная естъ нѣчто одно безконечно-большое. Все образовано изъ чистѣйшаго вѣтра; все живо, движино; все подвержено превращенію, потому что все стремится къ совокупности, и одно воздвигаетъ другое. Это непрерывное броженіе жизни, вѣчное колебаніе между излишнимъ и малымъ. Видишь ли, какъ на самомъ свѣтломъ небѣ собираются облака? Они носятся и клубятся, пока исполнятся масса ихъ, и, привлеченныя земнымъ шаромъ, ниспадають дождемъ или огнемъ. Посмотри на цвѣшокъ: жизненная искра упала въ среду другихъ силъ; она совокупляется со всѣмъ, что должно служить ей, принимаетъ форму, и зародышъ дѣлается растеніемъ, которое существуетъ, доколь *излишнее* вспомогательныхъ силъ превозраспаетъ и вышѣсяняетъ ея собственную силу. И какъ скоро не спало этой живительной искры, пошчаеъ исчезають и тѣ, ибо ничто не совокупляется ихъ

болѣе. Таково же образованіе, таково же исчезаніе человека.“

Еще многое говорила она, для насъ совершенно непонятное. Ясновидѣніе кончилось, какъ и въ первый разъ. Она опять опредѣлила время своего земнаго пробужденія — также и новаго подобнаго припадка на слѣдующій день. Едва раскрылись глаза ея, и она съ шокимъ же, какъ и прежде, гнѣвнымъ лицомъ, высала меня изъ комнаты.

СИМПАТІЯ И АНТИПАТІЯ.

Проходилъ мѣсяць за мѣсяцемъ, и все оставалось по прежнему. Всего примѣчательнаго, о чемъ говорила Горшензія въ своихъ ясновидѣніяхъ, не могъ и не хотѣлъ я записывать. Въ странной ея болѣзни произошло мало переменъ, и шого нельзя было разобрать, къ лучшему или худшему. Судорогами спрадала она, правда, меньше, и въ своемъ естественномъ положеніи казалась совсѣмъ здоровою, кромѣ шого, чино была чрезмѣрно раздражительною; но за шю припадки ея, такъ сказать, бодрственнаго ена приходили къ ней чаще, такъ, чино я по два и по шри раза въ день долженъ былъ къ ней являться.

Эпо сдѣлало меня совершеннымъ невольникомъ въ домъ. Я не смѣлъ оплачаться ни на часъ, пошому что и малѣйшее промедленіе могло подвергнушь опасности жизнь ея. Но какъ охотно переносилъ я эпо иго! Всякій разъ съ неперпвнѣемъ ожидалъ минуты, когда позовушь меня, и если я видѣлъ, слушалъ ее хотя часъ времени, для меня довольно было, чшобы въспоминаніями о шомъ наполнишь оспальные часы, проводимые въ уединеніи. Таково упоеніе первой любви!

Такъ, не скрою, эпо была любовь; но почти гошовъ я сказашь, не земная любовь. Всѣмъ бышіемъ своимъ привязанъ я былъ къ неспшижимой, съ шакимъ благоговѣніемъ, въ кошоромъ умирала самая надежда удоспюишься даже равнодушнаго ея взора. Если бъ Графиня могла перпѣць меня, какъ послѣдняго изъ слугъ своихъ, безъ ошвращенія — шакъ думалъ я тогда — и шо было бы для меня высочайшее счастье. Но бодрспвуж во снѣ, она во сполько же разъ усиливала свою нѣжностъ ко мнѣ, во сколько на яву возрасшало ея ошвращеніе. И не было повода, не было случая, чшобъ она не изъявляла ея самымъ чувствившительнымъ для меня образомъ. Съ каждымъ днемъ усиленѣе просила она ошца своего удалишь меня изъ дому;

слезы досады и упрямства сверкали тогда на глазахъ ея; она утверждала, что я никакъ не могу способствовать къ ея выздоровленію; а если бы и могъ, то все, что бы ни произвела я добраго въ ея безчувственности, уничтожается огорченіемъ, какое испытываетъ она отъ моего присутствія: называя меня бродягой, она говорила, что гнушается мною, какъ человѣкомъ низкаго происхожденія, которому бы не должно было позволять и дышать однимъ съ нею воздухомъ, не только имѣть столь близкія съ нею сношенія, или пользоваться такою большою довѣренностію Графа Гормега.

Извѣстно, что женщины вообще, а особливо прекрасныя, извѣженныя, своеправныя дѣвицы, имѣющыя свои прихожи, и совсѣмъ не спавящыя себѣ въ вину маленькихъ прошиворвчій, въ которыхъ иногда, или почти непрерывно бывающыя сами съ собою. Но конечно ни въ одномъ смертномъ не бывало большаго прошиворвчія съ самимъ собою, какъ въ прелестной Горшензіи. Все, что она на яву думала, говорила, дѣлала, заглаживала опять въ минушныя своего соннаго бдѣнія. Она заклинала Графа не слушать ея, что бы она противъ меня ни сказала; говорила утвердительно, что мое удаленіе изъ дому непременно усилитъ болѣзнь, и

ускоришь смерть ея. Меня самого умоляла она не смѣрять на ея причуды, великодушно прощать ей глупое ея обращеніе, и бышь увѣреннымъ, что она совершенно ко мнѣ перемѣнилась, какъ скоро получишь облегченіе.

Нельзя было въ самомъ дѣлѣ не удивляясь необыкновенной привязанности ко мнѣ Горшензи въ часы ея перерожденія. Казалось, она живешь только мною и во мнѣ. Она угадывала, нѣшь — она знала мои мысли, особливо, когда онѣ относились собственно къ ней. Не нужно было выговаривать ей за наносимыя мнѣ маленькія обиды; она сама бранила себя. Хотя и невѣроятно показеся, но шѣмъ не менѣе справедливо, что даже руки ея невольно слѣдовали за всѣми движеніями моихъ. Она говорила, что мнѣ уже почти не нужно, какъ прежде, простирашь къ ней свою руку; моего присутствія, дыханія, одной моей воли было для нее доспащочно. И малѣйшее мое желаніе считала она непремѣннымъ своимъ долгомъ.

„У меня нѣшь свободной воли“ — сказала она однажды: „какъ скоро я узнаю свою волю, Фаустъ, шо принуждена и сама желашь того же. Мысль швоя владычествуетъ мною. Но именно въ эшомъ по-

слушаніи нахожу я свое благо, свое наслажденіе. Я не властна сама надъ собою. Едва мысли швой сообщаются мнѣ, какъ онѣ дѣлаются уже моими мыслями и мнѣ закономъ.“

— „Но какимъ же образомъ сообщаются вамъ мои мысли, Графиня?“ сказала я: „Признаюсь, что иногда извѣстно вамъ самое сокровеннѣйшее въ душѣ моей. Что за странная болѣзнь, когда она дѣлаетъ васъ гораздо совершеннѣе? Кто бы не пожелалъ себя этого совершенства? Но у насъ болѣзнь считается всегда соспояніемъ величайшихъ недоспашковъ.“

„Такъ и у меня. Не приводи себя въ заблужденіе, Фаустъ. Я очень несовершенна, пошому что потеряла большую часть своей самоснодательности. Я только тобою существую. Если бы ты умеръ сегодня, швое послѣднее дыханіе было бы и моимъ послѣднимъ.“

— „Не можете ли вы объяснить мнѣ, Графиня, возможность этой странности, жоторая изумляетъ меня, и при всѣхъ моихъ соображеніяхъ, для меня непонятна?“

Она долго молчала. Пошомъ, минушь черезъ семь, сказала: „Нѣтъ! Объяснить я не могу. Не случилось ли тебѣ видѣть кого нибудь во снѣ, шакъ, какъ будто знаешь ты и мысли его, или какъ будто за него мыслишь, въ одно

съ нимъ время? Такъ и я; но я при помѣ все ясно чувствую; знаю, что я не сплю.“ —

Пошомъ продолжала она: „Во мнѣ шолько шо измѣнилось, что духъ мой соединяло съ тѣломъ. Моя оболочка раскрылась въ шѣхъ мѣспахъ; къ кошорымъ, шакъ сказашъ, наиболее примыкаешъ душа. Жизнь моя испекаешъ и дѣлаешся слабѣе; ничѣмъ ея не удержишъ. Если бъ не нашли себя, Фаусшъ, меня давно бы уже не спало. Но представъ себя вырванноде расшеніе: силы его испаряющся, не находя замѣны; когда же его посадишъ въ свѣжую землю, оно извлекаешъ изъ нее свою жизнь, пускаешъ опростки и зеленѣешъ: шакъ и я. Моя душа, моя жизнь, распускаешся въ цѣломъ мірозданіи, находишъ въ полношѣ швоей жизни свою пищу; пускаешъ корни въ швоемъ сущесшѣ, выдобраиваешъ шобою. Я — попухающій свѣшъ въ разбишомъ сосудѣ; но высыхающая свѣшильня моей жизни напишываешся опашъ едеемъ швоей. И шакъ я душею влилась въ себя; я живу одною съ шобою силою; пошому-шо мои желанія, печали, чувствва, воля, даже мысли шѣ же, какъ и швои. Ты моя жизнь, Фаусшъ!“

При эшомъ нѣжномъ объясненіи, и горничными и Докшоръ не могли удержишъся опъ насмѣшливой улыбки.

Въ ночь же день сказала мнѣ Графъ Гормегъ: „Испытайте, пожалуй-те, для шушки, свое могущество надъ Горпензиею самымъ разительнымъ образомъ!“

— „Какъ же?“

„Попребуйте, въ доказательство ея послушанія, чтобы она позвала васъ въ явь и подарила вамъ охотно одну изъ лучшихъ своихъ розъ.“

— „Нѣтъ, это было бы слишкомъ нескромно. Вамъ извѣстно, Графъ, какое непреодолимое отвращеніе имѣешь она иногда къ бѣдному Фаусту, при всей благосклонности своей къ нему въ другое время.“

„Тѣмъ больше я прошу васъ, испытайте — хотя бы и для того только, чтобы узнать, способна ли сила ея воли дѣйствовать изъ состоянія сна въ бодрственное обыкновенной жизни. Когда она проснется, ей никто не скажетъ о томъ, чего вы желали. Между тѣмъ я распоряжусь, чтобы, когда вы объявите ей свое желаніе, не было тушь никого, кромѣ васъ и меня.“

Я обѣщала повиноваться; но признаюсь, неохотно.

На другой день, пришелъ я въ комнату Горшензіи, въ то время, когда она лежала въ дремотѣ, предшествовавшей обыкновенно ясновидѣнію — ранѣе не смѣлъ я и показываться — и заспалъ у нее одного только Графа. Онъ взорами и улыбкою напоминалъ мнѣ о вчерашнемъ условіи.

Горшензія вскорѣ начала со мною дружескій разговоръ. Она увѣряла, что уже приближается время, когда болѣзнь ея возьметъ другой оборотъ; что тогда будетъ она поспешенно уменьшаться, и это легко замѣшится потому, что наружные предметы будутъ ей не столь явственны. Между тѣмъ Графъ безпрестанно кивалъ мнѣ, чтобы я сказалъ о своемъ желаніи, и тѣмъ приводилъ меня въ смущеніе. Отъ моей нервничности, казалось, спала посковашъ и Горшензія. Она оглядывалась въ безпокойствѣ по сторонамъ; хмурилась, и какъ будто спаралась что-то объяснить самой себѣ.

Желая разсѣять себя и ободриться, прошелъ я, молча, по комнатамъ и у окна, на кофторѣ стояли Горшензіины цвѣты, спалъ пальцами перебирать въшочку одного розоваго деревца. Вдругъ шипомъ ея укололъ я себѣ середній палець.

Горшензія громко вскрикнула. Я и Графъ бросились къ ней. Она спала жаловаться на ужасную боль въ палець, и не только въ шомъ самомъ, который укололъ я у себя, но и на шомъ самомъ мѣстѣ. Это явленіе было одною изъ шѣхъ спранныстей, къ копорымъ я, находясь съ нею, уже привыкъ. И въ самомъ дѣлѣ на палець ея было замѣтно синеватое пятнышко, а на другой день сдѣлался нарывъ, какъ и у меня — только мой скорѣе зажилъ.

„Ты виновата въ этомъ, Фаустъ“ сказала она черезъ нѣсколько минутъ: „шмы укололся розою. Берегись же впередъ, чшобъ я за тебя не терпѣла.“

Она умолкла; я тоже молчалъ, размышляя, какимъ образомъ сдѣлаю ей свое предложеніе, къ кошорому шеперь представлялся, казалось, самый лучший поводъ. Графъ же не переставалъ мнѣ кивать.

„Зачѣмъ шмы не хочешь вымолвить“ — сказала Горшензія: „чшо сегодня въ двѣнадцать часовъ, передъ шѣмъ, какъ ишши мнѣ къ обѣду, я должна позвать тебя и подарить тебѣ свою, только чшо распустившуюся розу?“

Изумясь, я насилу нашелся, чшо отвѣчать: „Это желаніе казалось мнѣ сашкомъ нескромно!“ сказалъ я.

*

— „Вѣдь я знаю, Фаустъ,“ — возразила она, улыбаясь: „что башюшка самъ внушилъ его тебѣ.“

„Однако оно и мое собственное!“ прошепталъ я. „Но вѣрно, когда вы проснетесь, о томъ и не вспомните.“

— „Почему же?“ ошвѣчала она съ благосклонною улыбкою.

Послѣ этого разговора позваны были горничныя и Докшоръ. Горшензія проснулась часовъ въ десять, и тотчасъ показала Докшору свой больной палець. Она думала, что укололась булавкою, но удивлялась, не находя совсѣмъ наружнаго шому признака.

Въ одиннадцатъ часовъ сдѣлалась она безпокойна, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, бралась за все и все оставляла; потомъ начала говорить со своими женщинами обо мнѣ, или лучше, спала, по обыкновенію, изливая всю свою прошивъ меня злобу, и напала на опца съ жалобами, что онъ до сихъ поръ держитъ меня при себѣ.

„Эшотъ навязчивый бродяга“ — говорила она: — „спойтъ ли онъ, чтобы я такъ много шеряла для него словъ, чтобы даже проливала слезы? И право не знаю, чіо принуждаетъ меня объ немъ думать и отправлять каждую минушу этими ненавистными мыслями. Правда, я никогда его не вижу, но

много уже и того, что живу подъ одною съ нимъ кровлею, и знаю, какъ вы, башюшка, къ нему привязаны. Я, право, начинаю уже думать, что эпошъ жалкій человекъ способенъ колдовать. Но берегитесь, башюшка, вы вѣрно раскаетесь въ своемъ добродушіи. Онъ обманетъ васъ и всѣхъ насъ.“

— „Пожалуйста, милая“ — сказалъ Графъ — „не мучь себя, да и меня не шони своими всегдашними о немъ шутками. Ты не знаешь его — видѣла только раза два, и шомелькомъ: какъ можешь дѣлать ему такой рѣшительный приговоръ? Иное дѣло, если бѣ я его поймалъ въ какомъ нибудь живомъ поступкѣ. Пока этого не случится, спарайся себя успокоивать. Довольно и того, что онъ не смѣетъ явиться шебѣ на глаза.“

Горшензія не сказала на шо ни слова. Она заговорила о другихъ предметахъ, но безпокойство ея видимо умножалось. Спрашивая, не чувствуешь ли она боли? отвѣта не было. Она спала плакашь. Напрасно спаралась выведать причину ея огорченія или печали. Она спрящала лице свое въ подушки дивана, и просила какъ отца, шакъ и другихъ, оставишь ее одну.

Въ при четверши двѣнадцатаго часа, позвонила она въ колокольчикъ. Вошедшей

служанкѣ вѣрно было сказать мнѣ, чѣмъ ровно въ двѣнадцать часовъ, явился я къ ней.

Хоть я ожидалъ много приглашенія, но все былъ пораженъ имъ. Необычайность случая, страхъ не понравиться той, кою корал занимала всю мою душу, приводили меня въ смященіе. Нѣсколько разъ подходилъ я къ зеркалу, думая, не въ самомъ ли дѣлѣ такъ дурно лицо мое, чѣмъ не лѣзя было на него смотрѣть безъ отвращенія. Но — ударило двѣнадцать часовъ. Сильно билось мое сердце, когда пошли доложитъ обо мнѣ Горшензіи. Я былъ допущенъ.

Она сѣдѣла небрежно на диванѣ, опершись на бѣлую, нѣжную руку прелестною головою, унизанною черными локонами. Когда я вошелъ, она вспала, и на лицѣ ея появилась бѣглая краска. Самымъ нѣпвердымъ голосомъ, со взоромъ, умоляющимъ о пощаду, пролепетала я нѣсколько словъ объ удовольствіи, бытъ призваннымъ къ ея услугамъ.

Горшензія не отвѣчала. Медленно прошла она мимо меня, какъ будто размышляя, что сказать. Наконецъ остановилась передо мною и, бросивъ на меня презрительный взглядъ, она сказала: „У меня на языкѣ вершился просьба, Г. Фаустъ, чѣмъ вы оставили домъ моего отца.“

— „Графиня!“ — ошвѣчалъ я, запылавъ
опть пробужденнаго самочувствія : „позволь-
те сказать , что я не навязываюсь ни Гра-
фу , ни вамъ. Вы знаете причины , побудив-
шія вашего башюшку упросить меня остано-
вля при немъ. Я не охотно согласился на это ;
но отличная благосклонность Графа и надеж-
да быть вамъ полезнымъ заспавляютъ меня
теперь не послушаться приказанія вашего ,
какъ впрочемъ ни горько для меня заслу-
жить вашъ гнѣвъ.“

Она обернулась ко мнѣ спиною , и взявъ
лежавшія на окнѣ маленькія ножницы , игра-
ла ими около розоваго деревца. Вдругъ оп-
рѣзала она молодую , едва распускившуюся
розу , и подавъ ее мнѣ , сказала : „Возьмите
лучшее , что у меня теперь подъ рукою ,
въ награду того , что вы — опть меня прѣ-
пались. Не приходите ко мнѣ никогда !“

Она въ такомъ замѣшательствѣ и такъ
скоро проговорила это , что я едва могъ
понять. Потомъ бросилась на диванъ и ,
опшвѣрошивъ лице , замахала рукою , чтобы я
не опшвѣчалъ и удалился.

Лишь только я вышелъ , вся обида бы-
ла мною забыта. Я побѣжалъ въ свою ком-
нату. Не сердитая , не прелестная , спраж-
дущая Горшензія , въ ея нѣжной юности ,
представлялась глазамъ моимъ. Роза изъ ея

руки казалась мнѣ драгоцѣнносцію, копорая не можешь бытъ оцѣнена. Какъ сумасшедшій, прижималъ я милый цвѣшокъ къ ушамъ своимъ, съ горестію представлялъ себѣ плѣнносць его, и придумывалъ, какъ бы сохранишь для себя навсегда это сокровище. Наконецъ разложилъ я цвѣпокъ рачищельно въ книгу и высушилъ его подъ прессомъ, а потомъ положилъ листки между двумя круглыми стеклышками, кошорыя вѣдѣль обдѣлалъ золотымъ обручемъ. И этошь медальонъ спалъ я носишь на груди, на золотой цвпочкѣ.

В в к с в л и.

Между шѣмъ это приключеніе подало поводъ ко многимъ для меня непріятностямъ. Ненависть ко мнѣ Горпензіи спала сильнѣе и рѣшищельнѣе. Какъ ни заспуался за меня ошець ея, и що уже не помогало. Хорошо, что хоть на него не дѣйщвовали никакія наущенія. Этошь добрый челоувкъ былъ совершенно увѣренъ въ моей честиности, прищомъ зналъ, какъ могу я бытъ полезенъ въ щайныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ его фамиліи, и все еще былъ непоколебимъ въ шѣхъ мысляхъ, что, дочь его не можешь безъ ме-

ня выздоровѣшь. Но за то вскорѣ увидѣлъ я, что только онъ одинъ въ цѣломъ домѣ — удостоиваешь меня дружескимъ взглядомъ или словомъ. Я замѣнилъ, что горничныя Горшензи, даже самъ Докшоръ Вальперъ, а потомъ и всѣ слуги спали ошь меня бѣгашь и оказывашь мнѣ какую-то холодность и невнимательность. Еще добродушный Зебальдъ оспавался испинно мнѣ преданъ, и ошь него-то узналъ я, что замышляюшь всячески выжишь меня изъ дому, и что Графиня поклялась всякаго, кто только осмѣлигся въ чемъ нибудь угодишь мнѣ, безъ пощады согнашь со двора. Эшошь приказъ былъ очень дѣйспвишелень. Ошь дворецкаго до послѣдняго поваренка всякій считалъ за счастье служишь въ шакомъ богатомъ домѣ; а пришошь всѣ смопрѣли на меня зависпавивыми глазами, видя, что я обладаю почти неограниченною довѣренностію Графа — я, котораго почиали они почти себѣ равнымъ.

Могъ ли я бышь покоень въ шакомъ положеніи? Въ Венеціи, въ одномъ изъ знапнѣйшихъ домовъ, жилъ я уединеннѣе, нежели въ какой-нибудь пусынѣ — безъ друга, безъ упѣшишельнаго общеспва. Я зналъ, что наблюдаюшь за каждымъ моимъ шагомъ. Однако шерпѣніе мое все преодолевало. —

Графъ также не мало шердѣлъ ошъ причудъ Горшензіи. Не рѣдко искалъ онъ во мнѣ ушѣшишеля. И я дѣлался краснорѣчивѣйшимъ заслупникомъ прелестной своей ширанки, которая, въ минушы необыкновеннаго сна своего, сполько же осыпала меня своими, почши гошовъ я сказашъ, нѣжными ласками, какъ въ другое время шомила своимъ упрямствомъ и гордоспію. Казалось, будшо два враждующіе духа обладаютъ ею: одинъ ангель свѣша, другой — исчадіе шьмы.

Наконецъ пришло время, что и Графъ спалъ къ другимъ уступчивѣе, а ошъ меня скрыпнѣе — и это сдѣлалось уже для меня несшерпно. Въ послѣдствіи узналъ я, какъ со всѣхъ споронъ на него нападали, какъ особенно Докшоръ Вальшеръ старался различными злыми намѣками поколебать его ко мнѣ довѣренность, и какое глубокое впечаташніе произвели на него однажды упреки Горшензіи. „Мы всѣ“ — говорила она: „попали въ зависимость къ этому безродному и неизвѣстному человѣку. Говорашъ, что жизнь моя у него во власпи. Ну, шакъ за это можешъ онъ получать хорошее жалованье; чего же болѣе? А шо сдѣлать его хранишелемъ всѣхъ семейшвенныхъ шайнъ, шакъ, что если я и выздоровѣю, шо нельзя

безъ опасенія удалишь его! Кто поручишься въ его молчаливости? За это мнимое безкорыстіе, за эту поддѣльно-честную мину прійдешься намъ расплачиваться слишкомъ дорого. Графъ Гормегъ — рабъ собственнаго слуги своего, который хитростію умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ насъ шираномъ. Этошь низкій человекъ, мѣщанскаго происхожденія, вдругъ спалъ повѣреннымъ, другомъ Графа, который въ родствѣ съ домами владѣтельныхъ Князей, и спалъ имъ ворочашъ — сдѣлался главою семейства!“

Къ оскорбленію гордости почтеннаго старика присоединилось и то, что слуги его какъ будто сговорились исполнять его приказанія съ какою-то дерзшимостію, въ которой замѣтна была болзнь навлечь мое неудовольствіе. Иные имѣли даже дерзость освѣдомляться, съ моею ли воли дѣлаешь онъ то или другое приказаніе. Все это мало по малу шакъ подѣйствовало на Графа, что онъ спалъ недоувѣрчивѣе къ самому себѣ; полагалъ, что и въ доувѣрчивости ко мнѣ прешупилъ границы благоразумія.

Я скоро это замѣнилъ, хотя онъ и спарался скрышь ошъ меня пережѣну своихъ мыслей. Могъ ли я не огорчаться? Никогда не напрашивался я знашь его шайны, никогда не хопѣлъ вмѣшиваться въ дѣла его.

Онъ самъ мало по малу сообщалъ ихъ мнѣ. Прося моего совѣща, онъ ему сдѣлывалъ, и не бывалъ въ проигрышѣ. Когда поручилъ онъ мнѣ счесть по доходамъ своимъ, я изъ величайшей запущанности привелъ ихъ въ такую ясность, что, по собственному его признанію, онъ бы не могъ безъ меня съ нами сладить, не могъ бы сдѣлать и порядочныхъ распоряженій на счесть канцеляровъ и деревень своихъ. По моему совѣщу, двѣ запущанныя шажбы, кошорыя зашянулись бы на долгое время, кончили оцъ полюбобною сдѣлкою, и эша сдѣлка принесла ему больше выгодъ, нежели сколько бы онъ могъ имѣть оцъ самаго выигрыша по шажбамъ. Часпо, въ изліянїи своей благодарности или дружества, предлагалъ онъ мнѣ значительные подарки; но я всякій разъ опклонялъ ихъ. Мнѣ ошнюдь не хотѣлось быть ему обязаннымъ, чшобы оспашься навсегда самому себѣ господиномъ.

Нѣсколько недѣль переносилъ я всеобщую ненависть и непрїязненность. Но наконецъ взбунтовалась и моя гордость. Сильно желалъ я вырваться изъ эшого непрїятнаго положенія, съ кошорымъ примиришь меня было нѣкому. Только Горшензія, виновница всего зла, она только ободряла меня непрерывно въ минушы своего духовнаго

перерожденія. Въ это время оказывала она презрѣніе къ самой себѣ; старалась ласками загладишь всѣ обиды, и ушибшишь досаду мою, кошорую послѣ опять возбуждала сугубо.

Однажды послѣ обѣда, позвалъ меня Графъ Гормегъ въ свой кабинетъ, приказалъ принести свои счешныя книги и недавно присланные вексели на двѣ тысячи луидоровъ. Эту сумму, какъ онъ мнѣ сказалъ, намѣренъ онъ отдать въ банкъ, пошому что не надѣшся ранѣе года выѣхать изъ Венеціи. Я воспользовался случаемъ попросишь его, всѣ возложенныя на меня дѣла передашь другому, шакъ какъ я рѣшился, пошчасъ по выздоровленіи его дочери, оставишь домъ его и Венецію. Хотя онъ и замѣшилъ, что говоря это, былъ я очень неспокоенъ духомъ, однако ничего не отвѣчалъ — попросилъ шолько не покидашь его дочери прежде времени, а ошъ дѣлъ обшцалъ меня освободишь.

Эшого было мнѣ довольно. Я увидѣлъ, что ему самому хочешся сбышь меня съ рукъ. Въ досадѣ пошелъ я къ себѣ, собралъ всѣ бумаги, шребованныя и нешребованныя, но векседей не находилъ нигдѣ. Въроашно, подумалъ я, задожидись они какъ-нибудь между бумагами. Мнѣ помнилось, что, получивъ, я завернулъ ихъ особо и положилъ на шпорону. Исканье мое было шщешно. Графъ,

приученный мною къ немедленному исполненію всѣхъ его желаній, конечно долженъ былъ удивляться, что я на эпошъ разъ такъ мѣшкаю. На другое утро онъ мнѣ напомнилъ о шомъ. Я обѣщаль принести все къ полудню. Опяшь перешарилъ я въ своихъ ящикахъ, перебралъ всѣ бумаги по листамъ. Все напрасно. Ударило двѣнадцать часовъ, а проклятые вексели не опыскались. Я извинился передъ Графомъ, говоря, что куда-то заложилъ ихъ, хошя эшо очень рѣдко со мною случалось; а послѣ, искавши шоропливо, вѣроятно, принялъ эши бумаги за другія и зарылъ ихъ еще дальше. Я попросилъ сроку до другаго дня, ушверждая, что онъ пошеряны бышь не могушь. Графъ немного нахмурился, однако сказалъ: „не шоропитесь такъ, еще время шерпите!“

Весь мой досугъ употреблялъ я на исканье; въ эпошъ же занятіи проведъ до полуночи; слѣдующее утро началъ шѣмъ же — и все по пущому. Я спалъ сильно превожипсья, принужденъ будучи думать наконецъ, что вексели двѣшвишельно пропали: украдены или, въ минушу разсѣянности, изорваны мною самимъ вмѣсто негодной бумаги. Никшо, кромѣ слуги моего, не ходилъ въ мою комнату; да и эпошъ не умѣлъ ни чиншашъ, ни писашъ, а пришомъ и ключъ онъ

нее всегда былъ при мнѣ. Слуга увѣрялъ, что и прибирая въ горницы, никогда никого не пускалъ въ нее, а самъ и подавно не допрогивался ни до одной бумаги. Госпешей, кромѣ Графа, никогда у меня не бывало, пошому, что я вовсе не имѣлъ знакомыхъ въ Венеціи. Я шерялся въ недоумѣніи и досадѣ.

СТРАННАЯ УЛИКА.

Въ то же утро пришелъ я, по обыкновенію, къ Графинѣ, когда она была въ своемъ перерожденіи, и шупъ замѣнилъ я пошчасъ на лицѣ Графа какую-то холодность, говорившую болѣе, нежели самыя слова. Мысль, что онъ сомнѣвается въ моей чешности и вѣрности, усугубила во мнѣ безпокойство. Лишь шолько предспалъ я предъ Горшензію, мнѣ пришло въ голову, не можешь ли она, посредствомъ своего ясновидѣнія, опскрыть, гдѣ бумаги мои. Не хотѣлось мнѣ шолько, въ присушствіи Доктора Вальпера и горничныхъ, признашся, что я допусшилъ шакую небрежность или безпорядокъ въ дѣлахъ своихъ.

Пока я колебался въ самомъ себѣ, Графиня стала жаловашся, что она чувствуетъ нестерпимый опъ меня холодъ, и что

если это не переменяется, она будетъ очень спрдашь. „Ты что-то сильно встревоженъ?“ сказала она. „Ты не владѣешь ни своими мыслями, ни своею волею.“

— „Не мудроно, Графиня!“ отвѣчалъ я. „Можешь бышь, не въ состояніи ли ваше чудесное свойство возврапитъ мнѣ мое спокойствіе. У меня пропали вексели, принадлежащіе вашему башюшкѣ.“

Графъ Гормегъ нахмурился. Докторъ Вальшеръ закричалъ: „Пожалуй-ше, не безпокойте Графини въ ея положеніи такими вещами!“

Я умолкъ. Графиня, казалось, что-то припоминала, и прошло много времени, пока наконецъ сказала она: „Ты не пошерялъ векселей, Фаусшъ; они у тебя взяшы. Успокойся. Вошь шебѣ ключъ, опшпри эшошь шкапъ: шамъ въ ящикѣ найдешь ты ихъ.“

Она вынула маленькій, позолоченный ключикъ, подада мнѣ его, и указала на шкапъ. Я побѣжалъ къ нему. Одна изъ горничныхъ, по имени Элеонора, подскочила къ шкапу и вздумала не пускашь меня опшперешъ его. „Неужли вы допустише, Графъ, чтобъ мужчина рылся въ вещахъ вашей дочери!“ прокричала она въ испугъ. Но прежде, нежели успѣла она кончить, я општолкнулъ ее сильною рукою, опшперъ шкапъ, раскрылъ

йщикъ и — проклятые вексели лежали въ немъ на самомъ верху. Съ радостнымъ лязгомъ поспѣшилъ я къ старому Графу, который опъ изумленія споялъ безмолвень и недвижимъ. „О прочемъ“ — сказала я ему: „буду я имѣть честь говорить съ вами послѣ.“ Какъ весело спало у меня на душѣ, когда я опять подошла къ Горпензіи, и возвратила ей ключъ!

„Вошь, ты совсѣмъ перемѣнился, Фаустъ!“ воскликнула она съ движеніемъ восторга: „Ты теперь, какъ солнце — блистаешь яркими лучами.“

Графъ закричалъ мнѣ съ замѣтною заинальчивостію: „Прикажише Графинѣ моимъ именемъ сказать, какимъ образомъ попались къ ней бумаги.“

Я повиновался. Элеонора упала безъ чувствъ на спуль. Докторъ Вальтеръ бросился къ ней, и думалъ было вынести ее изъ комнаты, но между тѣмъ Горпензіа заговорила, и Графъ, съ необыкновенною въ немъ строгостію, приказалъ молчанъ и не шумѣть. Никто не смѣлъ пошевелинуться.

„Изъ ненависти къ тебѣ, любезный Фаустъ, велѣла больная взять у тебя вексели. Злорадствуя, прежде времени наслаждалась она швоею бѣдою, и полагала, что принудишь тебя къ побѣгу. Но все бышло не

удалось ей, потому что въ то время, какъ Элеонора спояла на спражъ, а Докторъ Вальшеръ отперъ поддѣльнымъ ключемъ свою комнату, и доставъ опшуда вексели, лежавшіе вмѣстѣ съ письмами изъ Венгріи, передалъ ихъ Элеонорѣ, въ то время Зебальдъ стоялъ въ углу корридора, и все видѣлъ, не бывъ самъ примѣченъ. Онъ все бы опкрылъ, какъ скоро сдѣлалось бы извѣстно, что у тебя пропали важныя бумаги. Докторъ Вальшеръ, видѣвшій прежде у себя вексели, сдѣлалъ больной предложеніе похищить ихъ. Элеонора вызвалась на помощь. Больная сама ихъ къ тому ободряла, и насилу могла дожидаться времени, когда принесуть ей эти бумаги.“

Докторъ Вальшеръ стоялъ внѣ себя, опершись на стулъ, на которомъ лежала Элеонора. Лице его покрылось смертельною блѣдностію. Пожимая принужденно плечами, сказалъ онъ Графу: „Изъ этого должно заключить, что Графиня въ своихъ ясновидѣніяхъ можеть и ошибаться. Подождемъ ея пробужденія: тогда яснѣе опкроешся, какъ попались къ ней вексели.“

Графъ Гормегъ не опвѣчалъ, а позволилъ въ колокольчикъ и вошедшему слугѣ приказалъ позвать Зебальда. Явился и онъ;

его спросили, входилъ ли Докшоръ Вальшёръ безъ меня въ мою комнашу.

„Не знаю, былъ ли тогда г. Фаустъ у себя, но помню, что въ прошедшее Воскресенье вечеромъ, г. Докшоръ оппиралъ ключемъ дверь его комнашы и входилъ въ нее. Элеонора должна лучше объ этомъ знать: она спояла у лѣспницы, и когда г. Докшоръ воропился и подалъ ей какія-шо бумаги, они еще нѣсколько минушь пихонько разговаривали, а пошомъ разошлись.“

Зебальда оппустили. Докшоръ и едва пришедшая въ себя Элеонора должны были также, по знаку Графа, удалиться. Горшензія казалась веселѣе, нежели когда-либо. „Не бойся ненависти больной“ — сказала она мнѣ: „я буду блюсти тебя, какъ швой ангель-хранишель. Ея ненависть пропадетъ вмѣстѣ съ болѣзнію. Уже и теперь имѣешь она наклонность исправиться.“

Слѣдствіемъ сего достопамятнаго упра было то, что Докшору Вальшеру, Элеонорѣ и еще двумъ слугамъ оказано ошъ дому въ шомъ же день. Ко мнѣ же пришелъ самъ Графъ, и просилъ искренно извиненія, не шолько въ проступкѣ своей дочери, но и въ своей собственной слабости, съ какою выслушивалъ ошъ злобныхъ прошивъ меня наушниковъ, и даже въ половину вѣрилъ имъ

*

Онъ обнималъ меня, называлъ своимъ другомъ — единственнѣмъ въ свѣтѣ, которому онъ можешь повѣрить все, что есть у него на сердцѣ. Наконецъ заклиналъ меня не покидать его и Горшензіи.

„Знаю,“ — сказалъ онъ: „какъ вы спрашиваете, какъ много жертвуете для насъ. Но положишесь на мою безпредѣльную признательность. Когда Графиня совершенно оправилась, тогда конечно и вамъ будетъ у насъ лучше. Посмотрите на меня! Если ли кто нибудь въ мірѣ несчастливѣе? Я живу только надеждою. И вся моя надежда держится только вашимъ добродушіемъ, вашимъ постояннымъ шептѣніемъ. Чего уже не перенесъ я, и что еще предстоитъ мнѣ! Свидѣтель всѣхъ необычайностей, какія происходятъ съ моею дочерью, я часто бываю внѣ себя, и думаю: неужели судьба определила мнѣ бытъ героемъ волшебной сказки?“

Горестъ добраго Графа меня пронула. Я примирился и съ нимъ и со своимъ положеніемъ — конечно все еще непривлекательнымъ. Но неблагородный образъ мыслей Графини чрезвычайно уменьшилъ очарованіе, въ кошоромъ она доселѣ мнѣ представлялась.

П Е Р В Ы Й .

Въ домѣ возстановился порядокъ. Слуги возымѣли опять уваженіе къ Графу, и никто не смѣлъ показати даже недовольнаго вида проривъ моего вліянія, которое спало опять почши также неограниченно, какъ было прежде — даже до того, что я самъ иногда спыдился сего безпрекословнаго повиновенія моею волею. Впрочемъ я имѣлъ довольно благородства, чтобы не употреблять того во зло.

Мои свиданія съ Горпензією, въ минувшы ея перерожденія, продолжались, и это время служило мнѣ опрѣдою — возмездіемъ за всю душевную поску мою въ недѣлельной, лишенной истиннаго предназначенія жизни. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было не наслаждаться, смотря на эту неземную красосу, когда она, въ ангельскомъ вдохновеніи, съ закрытыми глазами, но съ живѣйшею выразительностію на лицѣ, повѣдывала тайны природы, вникала во внутреннее устройство челоука и научала его предопредѣленію? Каждый разъ послѣ шакого свиданія, повѣрялъ я бумагъ, если не все слышанное ошъ нее, по крайней мѣрѣ то, гдѣ выражалась она сколько нибудь поняща.

но (*). Впрочемъ я и самъ виновашъ, что не оспанаавливалъ ее вѣвремя своими вопросами на шѣхъ предметахъ, кошорые казались мнѣ темными. Не во всякую минушу своего ясновидѣнiя, имѣла она способность познавашъ и передавашъ мысли свои взразу-мишельно; а наконецъ неохотно уже говорила о подобныхъ тому вещахъ, и вскорѣ даже совсѣмъ переспала говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ своего здоровья и домашнихъ отношенiй.

Хошя не было никакихъ особыхъ признаковъ ея выздоровленiя, но она ушверждала, что ей непрерывно спановишся легче. Она продолжала сказывать напередъ, какую давашъ ей пишу, и какая вредна для нее. Отъ всякаго лекарства имѣла она опшвра-щенiе; только каждый день предписывала себѣ холодныя ванны, а наконецъ и купанье въ морѣ. Съ приближенiемъ весенняго времени, сны ея сдѣлались короче.

(*) Здѣсь Авторъ, словами Горшензи, развивашъ далѣ свою ипощезу о живонномъ магнетизмѣ, но переводчикъ боишся, не слишкомъ ли много онъ и прежде ушупалъ желанию Авшора — философшвовашъ въ сказкѣ, шѣмъ болѣе, что не былъ увѣренъ, правильно ли передаешъ не совсѣмъ ясныя его идеи. *Пер.*

Не хочу писать здѣсь исторіи Горшензіной болѣзни; скажу шолько, что въ седьмой мѣсяцъ моего пребыванія у Графа, она не шолько стала принимать посѣщенія постороннихъ, но и сама ѣздила въ церковь, въ спектакли и на балы, хотя конечно на самое корешкое время. Графъ Гормегъ былъ въ себя отъ радости. Онъ осыпалъ дочь свою подарками, и успроилъ для нее, съ большими издержками, многообразныя развлеченія. Въ Венеціи былъ онъ въ связкѣ со всѣми знашными домами. Венеціане искали въ немъ, какъ по его богатству, такъ и по ошивной красотѣ его дочери; почему вскорѣ каждый день въ недѣль обращался для него въ праздничный. И въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ жилъ онъ, какъ пусшынникъ; несчастіе Горшензіи перзало его сердце, а необычайности болѣзни ея заставляли его быть всегда въ принужденномъ, самомъ неприяшномъ положеніи. Отсюда-то происходила и неограниченная его ко мнѣ привязанность, просширавшаяся даже до крайности. Но теперь, когда выздоровленіе Горшензіи облегчило его душу, и дало ему болѣе свободы наслаждаться свѣтскимъ развѣніемъ, и эта привязанность ко мнѣ стала шерянь свою силу. Хотя, по слѣпой ко мнѣ довѣренности и для собственаго покоя, оста-

дядя онъ на рукахъ моихъ все управленіе дѣлами и хозяйствомъ, но захопѣлъ уже, чтобы и принялъ какое нибудь особое званіе при его свитѣ. Когда же я твердо ошрекся, бышь у него на жалованьи и считаешься въ его службѣ, то онъ принужденъ былъ, казался, самую необходимость вмѣнишь себя въ особую добродѣтель. Онъ предсказывалъ меня всѣмъ знакомымъ за своего друга; но какъ и пушь гордость запрещала ему бышь другомъ челоуѣка незнашнаго, то передъ всѣми выдавалъ меня за дворянина изъ самой лучшей Нѣмецкой фамиліи. Сначала я прошивался, но послѣ уступилъ слабости спарика, присупившаго ко мнѣ съ просьбами. Такимъ образомъ попалъ я въ кругъ знашнѣйшихъ Венеціанъ, и былъ приглашаемъ всюду. Хотя я все еще оставадся дѣйствительнo другомъ Графа, но уже не совсѣмъ по преднему, пошому что не былъ единственнымъ; мы не жили, какъ прежде, исключительнo одинъ для другаго.

Еще примѣчательнѣе была перемѣна въ Гормензи при ея выздоровленіи. Уже не шодько въ минущы сна ея была она ко мнѣ ласкова, но и въ прочее время ненависть и отвращеніе ко мнѣ спали въ ней исчезащъ. Но внушеніямъ ли отца, или по чувству собственнoй признаштельности, принуждада

она себя не дѣлала мнѣ, какъ прежде, огорченій ни словами, ни взорами. Иногда позволяли мнѣ являться къ ней съ изъявленіемъ моей преданности, въ качествѣ домашняго чловѣка, друга стараго Графа и наспоищаго врача ея. Наконецъ могъ уже я, не подвергаясь опасности возбудить ея гнѣвъ, находиться въ тѣхъ же обществвахъ, гдѣ и она. Даже до того простерлось напоследокъ принужденіе или привычка, что она равнодушно смолчала, когда я садился за однимъ столомъ съ нею. Однако шуть все еще проглядывала въ ней оскорбленная гордость, и я никогда не удостоивался услышать отъ нее нѣсколько словъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, требовавшихся приличіемъ.

Самъ я, хотя и чувствовалъ болѣе удовольствія съ предоставленною мнѣ большею свободою, но все еще не наслаждался душевнымъ спокойствіемъ. Разсѣянность, въ кою я былъ явлеченъ, забавляла меня, не дѣлая счастливымъ. Часто, среди шумящей толпы, желалъ я перенестись въ уединеніе, кою было мнѣ болѣе по душѣ. Я твердо рѣшился возвратиться къ прежней своей свободѣ, какъ скоро возобновится здоровье Графини, и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидать я этой минушы! Уже чув-

символя я, что начинающаяся спрась къ прелестной Горшензі можешь завлечь меня въ погубель. Долго боролся я съ самимъ собою, и гордосшь Горшензі, ея ко мнѣ ненависшь, облегчали мнѣ эту борьбу. Ея дворянскому важничанью пропивопагалъ я чувство собственнаго достоинства, а ея злобнымъ преслѣдованіямъ — увѣренность въ своей невинности и въ ея неблагодарности. Если бывали иногда мгновенія, въ которыхъ увлекался я прелестію ея наружности — и кто бы могъ бытъ нечувствительенъ къ такому очарованію красоты? — то было еще болѣе такихъ минутъ, въ которыхъ оскорбительное ея обращеніе возмущало всю мою внутренность. И ея равнодушіе ко мнѣ въ послѣдствіи доказывало сподько же неблагодарность ея, какъ и прежнее отвращеніе. Я спалъ наконецъ убѣганъ Горшензі болѣе, нежели она меня, и если даже могла она хотя равнодушно смотрѣшь на меня, то вѣрно чинила во взорахъ моихъ, какъ велико мое къ ней презрѣніе.

И такъ, съ выздоровленіемъ Горшензі, незамѣтнымъ и страннымъ образомъ перемѣнились всѣ между нами отношенія.

Князь Карло.

Изъ посѣщавшихъ насъ Венеціанскихъ дворянъ, всѣхъ короче былъ въ нашемъ домѣ богачшій молодой человекъ, знавшійшею Италіанскою фамилію, съ титуломъ Принца. Я назову его Князь *Карло*. Онъ былъ человекъ пріятной наружности, шюкаго образованія, уменъ, ловокъ и вкрадчивъ. Чрезмѣрная живость въ чертахъ лица и огненные глаза заставляли предполагать въ немъ большую пылкость нрава. Онъ любилъ пышность, былъ распочипеленъ и не сполько гордъ, какъ щещелавенъ. Нѣсколькo лѣтъ находился онъ во Французской военной службѣ, а попомъ, соскучась въ ней, вздумалъ побывать во всѣхъ знашнѣйшихъ городахъ и при всѣхъ знашнѣйшихъ Дворахъ Европы. Однако жъ случайное знакомство съ Графомъ Гормегомъ заставило его перемѣнить планъ. Увидѣвъ Горшензію, вѣшался онъ въ толпу ея почиташелей и угодишниковъ, и вскорѣ мысль, бышь счастливимъ ея обладашелемъ, приковала его къ Венеціи.

Знашная порода, его, богатство, пріятная наружность лѣстливи гордосши и самолюбію Горшензіи. Не опличая передъ другими, она любила видѣшь его въ кругу своихъ поклонниковъ. Одноо дружескаго взгля-

да было достаточно для возбужденія въ немъ смѣлыхъ надеждъ.

Старый Графъ Гормегъ, не менѣе ласкаемый искапельствомъ Князя, предупредилъ его на половинѣ пуши, осыпая своими ласками, оказывая предъ всѣми явное предпочтеніе, и перемѣня простое знакомство на самую дружескую, короткую связь. Я не сомнѣвался, что Князь избранъ уже имъ вѣнчанъ въ женихи его дочери. Казалось, не замедлилось бы и ближайшее объясненіе, какъ со стороны отца, такъ и любовника — если бъ не болѣзнь Горшензіи, и не спрахъ ошъ причудъ ея.

Князь въ искреннихъ разговорахъ съ Графомъ слышалъ о страннѣхъ ясновидѣніяхъ Горшензіи. Подспрекаемый сильнымъ любопытствомъ, онъ просилъ позволенія видѣть ее хотя однажды въ такомъ необыкновенномъ положеніи. Горшензія, зная, что она въ эти минуты не только не теряетъ своей привлекательности, напротивъ приобретаетъ еще болѣе, согласилась, хотя прежде никого изъ постороннихъ къ шому не допускала.

Онъ пришелъ однажды послѣ обѣда, въ такое время, когда мы знали, что сонъ Горшензіи долженъ быть замѣченъ, потому, что она всегда предсказывала еще на

передъ. Какъ скоро я увидѣлъ вошедшаго Князя, то почувствовалъ въ себѣ — долженъ признайся — маленькую ревность. До сихъ поръ одинъ я былъ счастливецъ, для котораго Графиня распочала свои ласки въ минушъ удивительнаго перерожденія плъсной и душевной красоты своей въ совершенство недостигаемое.

Карло, чуть дыша, на цыпочкахъ, приблизился по мягкому ковру. Видя, что у нее закрыты глаза, онъ думалъ, что она дѣйствительно спитъ. Боязливость и восхищеніе изображались на лицѣ его, когда онъ смотрѣлъ на это прелестное созданіе, изменившееся во всемъ сущесствѣ своемъ. Но вскорѣ, казалось, однѣ только сладострастныя мечты наполнили его голову и заставили забыть все, его окружающее.

Наконецъ Горшензіа стала говорить. Все, что относилось ко мнѣ; по прежнему исполнено было самыхъ привѣпливыхъ выраженій. Я опять былъ ея Фаустъ, котораго мысль и воля владычествовали надъ нею . . . . . Эти привѣствія опшывались очень непріятно въ ухахъ Князя, но для меня были они плѣнь драгоцѣннѣе, что произносились въ присущствіи соперника, къ несчастію, слишкомъ опаснаго. Между плѣнь, Горшензіа стала шосковать. Нѣ-

сколько разъ говорила она, что чувствую боль, но еще не можешь распознать, отъ чего. Я мигнулъ Князю, чтобы онъ подалъ мнѣ руку. Едва коснулся онъ меня, какъ Горшензія запрепешала. „Какой холодъ!“ вскричала она: „Прочь! прочь! Уведите этого человѣка: онъ умертвитъ меня!“ И ступь начали ее мучить страшныя судороги, какихъ она давно уже не имѣла. Карло долженъ былъ немедленно выйти. Онъ былъ въ себя отъ ужаса. Горшензія оправдалась не скоро. „Не приводите ко мнѣ это нечистое существо!“ сказала она.

Этотъ случай, испугавшій и меня самого, произвелъ непріятныя послѣдствія. Князь призналъ меня рѣшительно своимъ соперникомъ, и пошому возненавидѣлъ. Графъ Гормегъ, отдавшій уже себя совершенно во власть его, какъ будущаго своего зятя, недоумивалъ на счетъ истинныхъ чувствъ Горшензіи. Одна мысль, что въ ней можешь зародиться склонность ко мнѣ, была оскорбительна для его высокомерія. Оба, Князь и Графъ, заключили между собою тѣснѣйшій союзъ; стали держась меня подалѣе отъ Горшензіи, кромѣ тѣхъ минушь, когда погружалась она въ свои чудесныя сны; условились о бракѣ, и Графъ открылъ желаніи Князя своей дочери. Какъ ни лестно было

такое предложеніе Горшензіи, она удержалась отъ рѣшительнаго отвѣта, прося дожидаться совершеннаго ея выздоровленія. Между тѣмъ Кнзя вездѣ уже считали женихомъ прелестной Графини. Онъ всюду сопровождалъ ее, и всячески старался угождать ей.

Вскорѣ замѣнилъ я, что становлюсь лишнимъ, и прежнее уныніе ко мнѣ возвращалось. Казалось, я всѣмъ сдѣлался въ тягость — только не Горшензіи. Уже не въ однѣ тѣ минушы, когда сонъ смыкалъ глаза ея, а душа бодрствовала, но и въ минушы истиннаго бодрствованія она оказывала ко мнѣ вниманіе. Сперва ненависть и отвращеніе перешли въ равнодушіе, а потомъ, постепенно съ возрастаніемъ тѣлесныхъ силъ ея, самое равнодушіе превратилось въ искреннее уваженіе или дружество, какое люди высшаго званія оказываютъ къ низшимъ себя и къ домашнимъ своимъ за принимаемыя отъ нихъ услуги. Она обращалась уже со мною, какъ съ наспоющимъ врачомъ своимъ, часто просила у меня совѣта или позволенія, когда дѣло шло объ участіи въ какихъ нибудь веселостяхъ; исполняла въ почтости мои предписанія, и могла превозмогать охоту свою къ шанцамъ, когда я говорилъ, что нельзя продолжать

ихъ безъ вреда здоровью. Иногда казалось мнѣ даже, будто прежнее могущество воли моей надъ нею, уменьшась въ минуты ея перерожденій, перешло къ бодрственному ея состоянію.

(Окончаніе впрѣдъ.)

II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О новой книгѣ: Du perfectionnement moral ou de l'éducation de soi-même, par M. Dégerando, membre de l'Institut de France.

(О нравственномъ усовершенствованіи; или о воспитаніи самого себя, соч. Г. Дежерандо.)

(Изъ Revue Ecyclorédique.)

Самое названіе сего творенія даетъ уже понятіе о содержаніи онаго. Нѣтъ ни одного предмета, который былъ бы столь близокъ сердцу нашему, столь важенъ для человека. Не смотря на это, Наука нравственная принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ мы навываемъ почищать излишними: такова участь всѣхъ знаній, коихъ еямена

посѣяны въ насъ благосшію Провидѣнія, или копорыя входяшь въ кругъ нашихъ всеневныхъ занятій. Мы обыкновенно довольствуемся пѣмъ шолько, что намъ знать необходимо нужно, — одними первоначальными основаніями, составляющими какъ бы нераздѣльную часть естества нашего, или поверхностными и непочными положеніями, зашверживаемыми на удачу въ вихрь общесшвенныхъ дѣлъ, при безпокойствахъ внѣшней жизни. Отсюда происходитъ, что многіе смѣло берутся располагать выгодами политическими, не ознакомь напередъ ни съ одною теоріей нравсшвенности или хозяйства народнаго; гордясь своимъ невѣжествомъ, они похваляются, что не были столь глупы, чтобы вдаваться въ шакъ называемыя ими опвлеченности, или (говоря правильнѣе), чтобы ясно постигнуть нѣсколько понятій общихъ. Отсюда происходитъ, что весьма многіе вознегодовали бы на человека, осмѣлившагося сказать имъ, что они не умѣютъ жить; вознегодовали бы и не подозрѣвая даже, что можеть существовать Наука жизни, копорая хотя и не шворишь добродѣтели, но просвѣщаетъ, укрѣпляетъ ее, хотя и не ешь необходимое условіе для ея существованія, но облакаетъ ее привлекательностію, блескомъ, и служитъ

для ея подкрѣпленія, Наука, знаніе коей при-
обрѣтається изученіемъ, размышленіемъ и
упражненіями.

Сей Наукѣ посвящилъ Г. Дежерандо свое
сочиненіе. Онъ болѣе, нежели кто либо,
имѣлъ право избрать предметъ, столь обиль-
ный и важный. Долговременное и основа-
тельное изученіе теорій философскихъ, со-
вершенное познаніе Исторіи системою уполномо-
чиваали его на сей подвигъ. Но сильнѣе
всего говоришь въ его пользу жизнь, испол-
ненная добрыхъ дѣяній и ознаменованная шу-
дами значительными. При всей многочислен-
ности занятій философическихъ и государ-
ственныхъ, онъ былъ самымъ ревностнымъ
водворителемъ во Франціи Человѣколюби-
выхъ Обществъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ
сопродниковъ Сословія, образовавшихся для
облегченія бѣдствій народа, для его просвѣ-
щенія, и для поощренія его промышлено-
сти.

Поспашаюсь въ подробномъ разборѣ пред-
ставивши планъ и главнѣйшія мысли, заклю-
чающіяся въ семь важномъ швореніи Г. Де-
жерандо.

Оно раздѣлено на три книги. Первая
имѣетъ предметомъ свойства нравствен-
ныхъ способностей; вторая — употребле-
ніе оныхъ; а третія ихъ образованіе. Общая

цѣль сихъ трехъ книгъ: — представити жизнь человека, въ видѣ непрерывнаго воспишанія. Такое воспитаніе имѣеть цѣлю усовершенствованіе самаго себя: оно преимущественно спарается въ человекѣ, — независимо отъ мѣста, занимаемаго имъ въ обществѣ, но сообразуясь со внѣшними обстоятельствомъ, — поддержиавать совершенную гармонію его нравственныхъ способностей, направлять каждую изъ нихъ къ той цѣли, которая ей въ особенности предопредѣлена Творцемъ бытія нашего; и препятствовашь, чшобъ онѣ не вредили взаимно, отвращая другъ друга отъ того назначенія, для котораго каждая намъ дарована.

Не приспупая къ изображенію дѣйствій нашихъ нравственныхъ способностей, и къ показанію средствъ употреблять ихъ съ пользою, и содержащъ во взаимномъ согласіи, Авторъ долженствовавать исчислитъ оныя, подкрѣпитъ доводами, и описать: поему предметъ первой книги составляеть исторію жизни внутренней.

Г. Дежерандо признаеть 5 главныхъ побужденій воли, пять отдѣловъ нравственныхъ способностей, изъ которыхъ каждый имѣеть свои отличительныя свойства, свое особое назначеніе: жизнь чувственная,

жизнь спрасшная (la vie affective), жизнь умспвенная, жизнь нравспвенная, жизнь, основанная на Вѣрѣ, или религіозная.

Чувства вводятъ челоуѣка во враша жизни, и приугошоваляютъ его къ чепыремъ возвышеннѣйшимъ видамъ бытія. Они охраняютъ наше физическое существованіе; окружаютъ оное удобствами, пріятствомъ и удовольствіями; чрезъ нихъ получаемъ мы матеріалы для образованія нѣхъ идей, копорыя не происпекаютъ непосредспвенно изъ сокровеннаго чувства сознанія, или не суть плодъ мышленія внуспреннаго. Но нѣмъ идеямъ, копорыя возникаютъ въ насъ самихъ, доставляютъ они пособія и сообщаютъ имъ (равно какъ и всѣмъ идеямъ безъ различія), знаки и языкъ, необходимые для ихъ образованія и напамппованія. Чувства возбуждаютъ и направляютъ наши спрасши и склонности; они даютъ пищу уму; препятствіями и искушеніями приуждаютъ совѣспь боротъса и побуждаютъ. Жизнь чувспвенная преобладаетъ во время младенчества каждаго челоуѣка въ частноспни, и во время младенчества всего челоуѣческаго рода.

Если жизнь чувспвенная есть совершенно личная; шо жизнь спрасшная выпсупаетъ изъ нѣснаго круга личности. Сочувспвіе

(симпатія), сочешая власть свою съ еялоу сопряженія идей, переносишь нашу себѣтвенную особу въ другихъ, а ихъ особу въ насъ; наслаждается ихъ радостію; спрраденгь ошь ихъ горестей и, умножая наше бытіе умноженіемъ нашего я, обрѣщаетъ удовольствія и печали, невѣдомыя жизни чувствъ. Жизнь спррастная не ограничивается одними побужденіями сочувствія: она влечется да- лѣе любовію, преданностію, великодушіемъ, которыя уже не говоряшь: я; но въ дру- гомъ забываютъ себя, видяшь только его; жерпвуюють собою для него, и какъ бы уни- чжожаютъ себя, полагая наше благополучіе въ его счастіи.

Любопытство не есть единственное начало жизни умственной. Она направляется также чувствованіемъ прекраснаго и истиннаго. Чувствованіе прекраснаго есть чувствованіе величества и порядка; а чув- ствованіе истиннаго пребуеть либо стро- гаго и логическаго сцвпленія умствованій и системъ, либо точности событій (faits), дознанныхъ наблюденіемъ вѣншимъ или оп- крывааемыхъ сознаніемъ внутреннимъ. Крае- ость возбуждаетъ наше удивленіе; истина, являющаяся намъ въ блескъ очевидности, властствуетъ надъ нами своимъ могуществомъ.

Чувствованіе долга пишастъ жизнь нравственную, или жизнь совѣсти. Законъ долга не есть какое либо оцвлеченное правило, начертанное въ неизмѣчивыхъ и прочныхъ выраженіяхъ языковъ, нами употребляемыхъ. Въ формѣ своей, или въ образѣ изясненія, онъ ничего не имѣетъ сходнаго съ нашими человѣческими законами, которыми служишь исщочникомъ; ни съ правилами нашего Положительнаго Права, которое заимѣетъ отъ него свою законность. Онъ, — лучше сказать, — вовсе не имѣетъ формы, но обнаруживается, когда скоро настаешь надобность въ примѣненіи его. Онъ внутренне вѣщаетъ намъ при каждомъ желаніи нашемъ: *ты долженъ дѣлать*, или *ты долженъ не дѣлать*; при каждомъ дѣйствіи воли нашей: *это хорошо*, или *это дурно*. Что онъ вѣщаетъ намъ, при каждомъ изъ нашихъ собщвенныхъ дѣйствій, произвольныхъ и свободныхъ, то же говоришь онъ тебѣ при каждомъ дѣйствіи, производимомъ причиною постороннею, произвольною и свободною подобно намъ. Онъ проявляетъ въ отношеніи къ другимъ: одобреніемъ или оужденіемъ; въ отношеніи къ намъ; удовольствіемъ или угрызненіемъ. Онъ болѣе нежели признаніе истины, ибо съ нимъ сопряжена обязательность практическая и глубокое убѣжденіе

въ достойности или недостойности. Видимъ ли мы предъ собою одно настоящее; переносимся ли въ прошедшее, свидѣтельствующемъ поспороннихъ лицъ или собственнымъ воспоминаніемъ; предаемся ли надеждамъ, и опасеніямъ будущности — во всякомъ случаѣ мы слышимъ его голосъ, въщающій съ неодолимою достовѣрностію. Сей законъ долга есть законъ естественный. Онъ дѣйствуетъ не одною властію своею: нерѣдко убѣждаетъ насъ съ любовію и общаетъ намъ благополучіе, не для щого, чшобъ склонить насъ къ добру, но чшобъ воздаградитъ за доброту пошупки.

Образованіе способностей релігіозныхъ (*) есть верхъ усовершенствованія; не смотря на это, оно доступно и самымъ смиренномудрымъ, отъ которыхъ пребуешь шолько здраваго смысла и правоты сердечной. Оно научаетъ насъ постигать необходимое и конечное соглашеніе благополучія съ добродѣтелию чрезъ воздаянія Божія, сего верховнаго Законодателя и Судіи верховнаго. Въ образованіи релігіозномъ, очевиднось вла-

---

(*) Способностей челоѣка познавать отношенія его, какъ разумной твари, къ Творцу и Правителю духовнаго и тѣлеснаго міра, служить сему Высочайшему Существу, любишь Его.

сти и дѣйствительность любви достигають высшей степени силы; всѣ нравственные предназначения ожидаютъ намъ своего полнаго удовлетворенія.

Сія суть пять орудій нашихъ нравственныхъ способностей, связуемыхъ вмѣстѣ основнымъ единствомъ нашего естества и направляемыхъ личностію, любовію и властію. Вся наша жизнь внутренняя составлена изъ борьбы нашихъ способностей, стремящихся развиться одинъ въ ущербъ другимъ, поглощать или уничтожить другъ друга, воздвигнуть къ преобладанію тѣ, которыя предназначены къ впероспещенности и подчиненности. Цѣль жизни, ибо она должна имѣть ее — сія цѣль, которую умъ долженъ видѣть, къ которой воля должна стремиться, есть открытіе тайны внутренней гармоніи нашихъ способностей, водвореніе сей гармоніи образованіемъ каждой изъ способностей въ орудѣльности, и направленіе всѣхъ къ назначенію ихъ. На сей конецъ намъ дарована нравственная свобода, и ей въ пособіе — любовь къ добру и самообладанію.

Во второй книгѣ, въ шрехъ орудѣностяхъ, изъясняются плоды любви къ добру, плоды самообладанія, и ихъ взаимное согласіе.

Любовь къ добру есть оное влеченіе разсудительное, свободное, великодушное, которое съ полною и чистосердечною преданностію спремится ко всему, безусловно прекрасному, какъ къ мѣшѣ, посвященной для человѣческой воли. Она не старается уничтожить личность, но ищетъ просвѣтить ее властію и любовію. Она подкрѣпляетъ наши права, ибо являетъ намъ оныя, какъ слѣдствіе нашихъ обязанностей. Она, подобно себялюбію, предписываетъ челоуку самоохраненіе, но не ошдѣляетъ онаго ошъ попеченій о его благополучіи, о его достоинствѣ и образованіи. Она вѣрнѣ обезпечиваетъ наше физическое сохраненіе, лучше поддерживаешь право законной обороны; ибо чувствованіе добра, лучше, нежели самшвенность (агоизмъ), оберегаетъ насъ ошъ насилій и слабостей нашего состоянія или нашего равнодушія. Чрезъ нее мы легче поспигаемъ истинное благополучіе свое; спремимся къ оному съ меньшимъ неперпнѣемъ и вѣрнѣ, потому, что опытъ просвѣщаетъ насъ въ ошншеніи къ послѣдствіямъ добра и зла; мы съ большею выгодною пользуемся правомъ, даннымъ намъ на употребленіе для нашего благополучія всѣхъ вещей, на которые не простираешь еще право другихъ. Чрезъ нее мы основываемъ пребыванія

нашего достоинства на уваженіи къ самимъ себѣ, пользуемся правомъ блюсти свою независимость и свое доброе имя; но не предаемся той гордости, которая вѣнчаетъ насъ знаками признаемъ за достоинство, а слова за вещи, и тому слѣдующему тщеславію, которое не видишь и не цѣнишь ни себя, ни другихъ. Черезъ нее, наконецъ, мы стараемся улучшить себя безъ всякаго корыстнаго побужденія, безъ всякихъ расчетовъ выгоды; но потому только, что находимъ удовольствіе въ повиновеніи власти разсудка и совѣсти, и что упражненіе и свободное распоряженіе нашими способностями сподобивши насъ и правомъ и обязанностію. Любовь къ добру подчиняетъ насъ справедливости, болѣе изъ преданности, чѣмъ изъ благоразумія; она освобождаетъ насъ отъ борьбы, такъ часто возникающей между правдами и выгодами; видишь, что первая должна быть неизмѣнна для всѣхъ людей, а послѣдняя уступаетъ одна другой, сообразно съ потребностями общества; она знаетъ, что выгода частная должна уступать выгодѣ общей, но что право самаго слабаго изъ людей не можетъ быть нарушено безъ самоволія и насилія. Она не довольствуется однимъ безплоднымъ удивленіемъ справедливости, какъ пре-

красному умозрѣнію, но выполняетъ, любишь ее; ошъ того и справедливосшь для нее непремѣнчива, однообразна, всегда одинакова; она преодолеваетъ пылкія желанія мести и научаетъ насъ, что нарушение долга, со стороны другихъ въ отношеніи къ намъ, не даетъ намъ права пресшупать своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ; она украшается нѣжною оспорожностію (*la délicatesse*), симъ цвѣтомъ справедливосши, которая дорожитъ нравственными наслажденіями сущесшвъ, насъ окружающихъ; она съ предпочтеніемъ прилпается къ признательности, сей умилишельной справедливосши сердца. — Любовь къ добру очищаетъ наклонности; она удерживаетъ ихъ для того, чтооь сдѣлать постоянными и продолжительными; снимаетъ съ нихъ оковы личности, которая, кажется, будто любитъ другихъ, но въ самомъ дѣлѣ любитъ только себя; она подчиняетъ ихъ справедливосши, и не допускаетъ, чтооь однимъ наносится вредъ для блага другихъ; насшдыми и гражданскими добродѣтелями оживотворяетъ она связи семейственныя и преданность къ ошечеству; поощряетъ великодушіе и самопожертвованіе для блага всего человѣческаго рода. Доброта есть плодъ любви къ добру; но она не имѣетъ ничего

общаго со слабостію, кошорая не умѣешь
отказывашь и не смѣешь пропировѣчишь;
исполненная силы, рвенія и мужества, она
не дѣйствуешь по внушеніямъ минушнаго
порыва или причудливости; она наша не-
отходная спутница во всѣ мгновения жизни;
убѣгаешь тщеславія, и дѣла предпочитаешь
словамъ; въ составъ ея входятъ: терпи-
мость, кошорая допускаешь разнообразіе
миръній (*), благоволеніе, — безъ слабости
въ отношеніи къ правиламъ, безъ строго-
сти въ отношеніи къ лицамъ, — кошорое
прощаешь обиды, или, — еще болѣе, — за-
бываешь ихъ; наконецъ снисходительность,
кошорая, не облакаясь въ личину расчел-
ливаго добродушія, охотно нисходитъ въ
уровень съ шѣми, съ кѣмъ обращается;
обрекаешь себя даже на докучливость и
окуку: на пожертвованія безгласныя, но до-
ешохвальныя, кошорыя тогда шолько совер-
шенны, когда остающія неизвѣсными шѣмъ,
для кого дѣлаюшя. Любовь къ добру отвер-
гаешь ложную чувствительность, подъ ко-
шорую всегда укрывается самолюбивое же-

(*) Но *терпимость* миръній не заключаешь въ
себѣ шребованія *неразборчивости* оныхъ: всяко-
му извѣшно, что сіи слова имѣють различ-
ныя значенія.

ланіе выказать себя, копорая, вмѣсто настоящихъ дѣлъ, предаётся мечтамъ романтическимъ; копорая пренебрежетъ при видѣ крови, но не жертвуетъ собою для воспріятіи кровопролитію; копорая съ суевѣріемъ хранитъ память друзей разлученныхъ, и небрежетъ о присутствующихъ; копорая спарается бытъ у всѣхъ на виду, и должна бытъ воспламенена для того, чтобы дѣйствовать; копорая, если и дѣйствуетъ, то единственно потому, что побуждается чувствованіемъ прекраснаго, а если жертвуетъ собою, то единственно для того, чѣмъ прельщается и что ей нравится. Любовь къ добру знаетъ и видитъ, чего желаетъ; она опкровенна съ другими, потому, что опкровенна съ собою; она не увлекается тысячею противоположныхъ впечатлѣній, какъ тѣ люди, копорые, принимая средства за цѣль, думаютъ, что они стремятся къ вѣрной мѣтѣ, что они положишельно знаютъ, чего желаютъ, когда ищутъ могущества, богатства, извѣстности. Но всѣ усилія ихъ тщетны: никогда не будутъ они довольны пріобрѣтенными имъ могуществомъ извѣстностію, богатствами; никогда не согласятся они сами съ собою, въ сужденіи своей цѣли и своихъ желаній. — Правоша намѣреній доставляетъ успѣхъ, хотя и

медленный, но за то болѣ несомнѣнный и прочный, нежели всѣ расчеты хитрости. Впрочемъ, если насъ и постигаютъ бѣдствія, то миръ внутренній и созерцаніе нравственной красоты врачуютъ горести вѣрнѣйшимъ средствомъ къ успѣшенію.

Самая чистосердечная любовь къ добру можешь заблуждаться, если оспается несовершенною, если перзаешь другихъ чрезмѣрною строгостію, или себя безразсудными мелочами; если, предпочитая одну добродѣтель, пренебрегаешь или жертвуешь другими; если, исключительнo занимаясь цѣлю, къ которой стремишься, допускаешь вкрадываться правилу неблагоразумному, нечесливому, ужасному: будто цѣль дѣлаешь законными средствами (*); если, впадая въ противоположное заблужденіе, которому подвержены умы медленные и ограниченные, она заставляешь средства принимаешь за цѣль; если прилѣпляешься къ знакамъ и выпускаешь изъ виду означаемое, создавая такимъ образомъ нравственность искусственную и произвольную, и истощая себя въ пустыхъ, наружныхъ дѣлахъ; если изъ нѣсколькихъ особенныхъ замѣчаній извлекаешь правила, которыя почитаетъ общими, которыя сама

(*). Всѣ, безъ всякаго разбора.

расширяешь и тѣмъ вдаешься въ обманъ; если, въ пылу рвенія своего, она забываешься, предаешься гнѣву, распрямь, предубѣжденіямъ, несправедливостямъ.

Самообладаніе служишь орудіемъ любви къ добру: ему принадлежатъ средства къ выполненію. Оно не соспоишь въ умѣнны управлѣнны своею виѣшностію, и скрываешь видимыя выраженія спраспей; это есть только наружностъ дѣйсвишельнаго самообладанія, иногда истинная, нерѣдко обманчивая. Настоящая власть надъ собою господствуешь надъ волею, шворишь ее независимую отъ порочныхъ наклонностей и виѣшнихъ препяшствій, но покорною разуму и совѣспи. Человѣкъ можешь обратню дѣйствовашъ на проспыя ошущенія и на ихъ изображенія вниманіемъ, кошорое усшремляешь на нихъ, или отъ нихъ отклоняешь, безмолвіемъ, къ кошорому ихъ принуждаешь, или сошрошвленіемъ, кошорое имъ оказываешь. Равнымъ образомъ можешь отъ склонности своими направляешь предусмотришельностію и искуснымъ расположеніемъ случаевъ, способныхъ пишашъ или погашашъ оня, — и внушреннымъ одобреніемъ, ошопно предаваясь стремленію своихъ ешесшвенныхъ побужденій, или прошвиборшвомъ шпечашлѣннѣмъ, на него производимымъ, когда

онъ ощущаетъ ихъ только прошивъ воли, и спарается имъ прошивишься; наконецъ, онъ можетъ бороться съ ними, укрощаетъ и побждаетъ ихъ: ибо склонности не имѣютъ обязательной силы для воли; онъ есть только убѣжденіе, которая она можетъ отвертнуть, будучи подкрѣпляема долгомъ и поддерживаема долговременнымъ навыкомъ подчиняющагося одной нравственной власти (*). Человѣкъ отовсюду ограниченъ, но всегда стремится пресупить сіи границы, иногда для собственной пользы, иногда же ко вреду своему. Изъ сихъ границъ нѣкоторыя суть препоны добру: таковыя предѣлы, полагаемые ему невѣдніемъ, лѣнностію, дурными склонностями — ихъ надлежитъ пересупать. Другія служатъ къ охраненію его конечнаго и спасеннаго естества; онъ есть законы общіе, постановленные въ гла-

---

(*) Г. Дежерандо, въ сочиненіи своемъ, вездѣ подъ именемъ власти (autorité) разумѣетъ: силу повелѣній, которая говоритъ совѣсти голосомъ долга, и силу убѣжденія, которая покоряетъ умъ очевидностію истины. Нельзя понимать его книги, не имѣя въ виду сего опредѣленія. Желательно, чтобы онъ избралъ иное слово, подверженное меньшему двусмыслию и неимѣющее столько многоразличныхъ знаменованій въ обыкновенномъ языкѣ. *Сог.*

ву порядка всеиенной: шаковы законы частныы, копоры оберегають цѣлосшь и успройсшво общесшвъ человѣческыхъ: — ихъ надлежишь уважашь, имъ должно покоряшьсь безъ ропоса и охосшно. Требованія личносши, своевоіе спрасшей, ихъ слѣпая сила, кошорая ешь не иное что, какъ слабосшь, спнараюшь разрушишь преграды охранишельныы, но смиряюшь и изнемогають предъ пренялсшвїями къ добру. Напрошивъ шого разсудисшельная умѣренносшь знаешь, чтобъ служишь шолько для ея обузданія, и чтобъ ея сшьсняешь; она просвѣщаешь мужесшво, показываешь ему, что оно осшаешся несовершеннымъ, если управляешь однимъ благо-разуміемъ, а не внушреннимъ чувсшвованіемъ долга; она направляетъ склонносши, укрощаешь душевныы волненія, не предполагая себѣ дѣла невозможнаго — совершеннаго ихъ исшребленія: ибо ихъ сущесшвованіе ешь законъ природы. Испинная сила душевная, сіе упражненіе нравсшвенной свободы, не находишьсь ни въ воображеніи, ни въ органахъ: пресполь ея въ совѣсши; она не отрицаешь спраданія: она оощущаетъ его и приемлетъ; она не раздражаетъ опасносшями: она видить ихъ, измѣряешь всю величину ихъ, и спокойно идеешь имъ навсшрѣчу; какъ сила дѣйсшвисшельная, она предпринимаешь и со-

храняешь трудныя намѣренія; какъ . сила спрадасельная , она съ мужествомъ и перепливостію прошивишся физическимъ бѣдспвіямъ и вѣсьмъ нравспвеннымъ опасеніямъ, причиняемымъ выгодами, спраспиями, мнѣніемъ, благосклонностію. Ей наиболье удивляющся, когда героизмъ ея являешся на общирномъ позорищѣ; она наиболье доспойна удивленія въ минушы оной сокровенной и безкорыстной борьбы , кошорой никто не бываешъ свидѣтелемъ. Она почерпаешъ всю силу свою въ повиновеніи власти разсудка, кошорый производитъ убѣжденіе, въ очевидности истины, и власти совѣсти, кошорая обнаруживаешся закономъ долга. Сіе повиновение, будучи основано на уваженіи, довѣренности и любви, есть независимость; оно одно никогда не уступаетъ физическому насилию, своевластію эгоизма, обманчивымъ софизмамъ спраспей; между шѣмъ какъ ложная независимость, кошорая не хочешъ видѣть истины, не хочешъ повиноваться долгу, есть не иное что, какъ рабство , слабость; при малѣйшемъ препятствіи, готово пожертвовать справедливостію матеріальной силы, и цѣною своего внутренняго уничтоженія покупаешъ нѣсколько преходящихъ наслажденій для личности, ее поработившей. Самообладаніе даетъ спасительное направленіе

дѣятельности чловѣка, какъ во внѣшнемъ употребленіи его органовъ, такъ и во внутреннихъ движеніяхъ воли и дѣйствіяхъ ума. Оно научаешь чловѣка наблюдать надъ самимъ собою, укрощаешь самого себя; оберегаешь его отъ собсвеннаго его непослушства; защищаешь отъ дурнаго расположенія духа (еще мало изсѣдованнаго моралистами); отъ причудъ, отъ унынія. Поощряя его въ выборѣ посполняющей цѣли, оно препятствуешь, чтобы его дѣятельность не обратилась во вредъ ему самому; внушаешь ему духъ соображенія (*esprit de suite*), который долженъ беречь, собираешь, скрѣпляешь силы его, соединяя ихъ около одной главной идеи; и духъ порядка (*esprit de l'ordre*), который научаешь искусному распредѣленію подробностей и направленія ихъ къ содѣйствію благу цѣлаго; который побуждаешь не пропускать безъ пользы ни одного мгновенія, ни одного усилія, ни одной части манеріи; который богатство превращаетъ въ выгоднымъ; множеству даруешь простоту; дѣйствію сообщаемъ легкость и вѣрность.

Почищая самообладаніе, подобно Стоику, цѣлю нашихъ усилій, значить употребляешь оное во зло: ибо оно служитъ намъ только средствомъ, средствомъ сильнымъ, дѣйствительнымъ, — но легко превращаю-

*

щимся въ безплодное упражненіе, если оно только покоряетъ челоѣка своему владычеству, не исполняя въ отношеніи къ нему обязанности всякой власти вообще, обязанности покровительствовать, и не направляя его къ добрымъ дѣламъ благосклонностію и кротостию.

Любовь къ добру и самообладаніе должны находиться во взаимной гармоніи; она образуетъ характеры полные, которые, даже при посредственныхъ способностяхъ, болѣе приближаются къ совершенству, нежели характеры не полные, имѣющіе нѣкоторыя блистательныя качества. Возвышенность души заземляетъ опть любви къ добру великодущіе, опть самообладанія — силу. Совершенно полагаясь на добродѣтель, она преданна какъ довѣрчивость; не удовлетворяется чувствованіемъ частнымъ, слишкомъ одностороннимъ, и пищается уваженіемъ, удивленіемъ, воспоргомъ, производимъ величайшія дѣла какъ обыкновенныя; забываетъ себя не изъ равнодушія, но изъ дѣйствительнаго самопожертвованія, которое дѣлаетъ охотно для достойнаго предмета; она опметаетъ себялюбіе потому только, что любовь благороднѣйшая, чистѣйшая, заступила и поглотила оное. Достоинство характера состоитъ въ поддерживаніи чувство-

ваніями и поступками шой сменени, на копорую мы посшавлены Провидѣніемъ, и нашихъ правъ какъ челоувѣка и гражданина. Будучи гордо безъ высокоумрія, смиренно безъ низоши, охотно покровишельствую, помогая другимъ, оно украшаетъ добродѣшель, какъ скромность возвышаетъ красоту, какъ умеренность согласуется съ справедливостію, какъ прощоща умножаетъ величіе. Оно видитъ болѣе, чего недоспаетъ ему, нежели, что оно сдѣлало; шворишь добро не въ надеждѣ похвалы и удивленія, но чтобъ выполнишь свое назначеніе, и, довольствуясь внутреннимъ сознаниемъ чистоты намѣреній, оно опшщраждаетъ несправедливость и клевету, не дозволяя имъ приближаться къ себѣ; шоржествуетъ среди искушеній; чувствуетъ свое превосходство надъ матеріальною силою, копорая гнететъ ее, и презирая низкія выгоды, признаетъ истину и свободу своими неразлучными спущницами. Тишина внутренняя: есть нѣчто болѣе, нежели душевное спокойствіе, ибо зависитъ отъ самообладанія, отъ опшщущствія безпокойства и смяшенія; она оживляется любовію къ добру; изливается наружу свою внутреннюю свѣшлость, и есть задогъ посщоянства и продолжительности чувствования; она не есть безмолвіе, но гармонія; не бездѣй-

спивіе , но равновѣсіе , не сонъ но благосостояніе ; не ничтожество , но здравіе души . Она естъ тишина , исполненная жизни , укрощающая всѣ печали , возвышающая цѣну всѣхъ наслажденій и оживляющая всѣ силы . При помощи гармоніи между любовію къ добру и самообладаніемъ , нравственное усовершенствованіе сильно содѣйствуешь усовершенствованію умственному : умъ наблюдательный , собирающій событія (faits), обрѣтаешь внимательность болѣе свободною , размышленіе болѣе независимымъ , уединеніе , углубленіе въ самого себя пріятнѣе , вѣрнѣе ; — разсудокъ , приводящій въ порядокъ событія , опираешся на здравый смыслъ , а смыслъ предохраняешся добродѣтелию отъ предубѣжденій и софизмовъ спрасней , отъ заблужденій добровольнаго невѣжества , отъ тщеславія , примѣшивающагося къ прекраснымъ побужденіямъ любознанія , отъ выскокѣрія , которое , при изысканіи истины , упорствуетъ и ослабляетъ себя самовольно ; думая , что она найдена , вмѣсто того , чтобъ продолжать изысканія и изслѣдованія . Способность творческая , безъ сомнѣнія , можетъ весьма часто существовать независимо отъ нравственной доброты характера ; но разобравъ качества оной , увидишь , сколь великую пользу получаешь она ,

когда внутренняя свобода ума подкрепляется независимостию воли, когда чувствование порядка поддерживается гармонією любви къ добру; когда на умственныхъ соображеніяхъ напечатлѣвающихся здравіе и сила душевныя; когда любовь къ доброму и прекрасному воспламеняется примѣромъ совершенствъ безконечныхъ; поддерживается склонностию къ важнымъ размышленіямъ; увеличивается надеждою на общенародную полезность, укрѣпляется навыкомъ судить о самомъ себѣ. Развитіе нравственныхъ способностей приводитъ къ Религіи (*). Это есть почка, на которой, если мы ее достигнемъ, сплываемся намъ понятною предусмопрительная заботливостъ Провидѣнія; тамъ находимъ мы свидѣтельство о Божествѣ и доказательство бытія Его; тамъ уничтожаются сомнѣнія въ безсмертіи души, и необходимость вѣчности доказываются необходимостию вознагражденій

(*) То есть, къ благочестию, или къ познанію отношеній и исполненію обязанностей человека къ Творцу и Правителю міра. Свойственныя разумной твари, чувство зависимости ея отъ Высочайшаго Существа и живое стремленіе ея къ Нему составляютъ общій характеръ Религіи.

и наказаній. Религія есть пошребность для добродѣтельнаго челоуѣка ; оуъ призываетъ ее , готовишя понимашъ ее и созидаетъ для нее храмъ въ своемъ сердцѣ. Въ его глазахъ она не есть орудіе, но цѣль; не раздѣленіе, кошорое удаляетъ его ошъ людей, но союзъ, связующій его шъсье съ его собратами. Скепшицизмъ, недугъ умовъ несовершенныхъ, равнодушіе , порождаетъо легкомыслиемъ и приверженностію къ предметамъ грубымъ, чувственнымъ, уныніе духа, незнающее неисчерпаемыхъ сокровищъ Божественной благости: вошъ причины безвѣрія! Безиравшенностъ, развратъ , невѣжество : вошъ враги Религіи! Идеи благочестивыя расшупъ и развивающя вмѣстѣ съ умомъ, образованностію и познаніями. Чувшвованія благочестивыя пишающя и укрѣпляющя добрыми дѣлами (*).

(*Окончаніе впредъ.*)

(*) Изъ сего изъясненія можно заключишъ, что Христіанская Вѣра должна бышъ единая истинная, и что она по всѣмъ отношеніямъ превосходитъ всѣхъ другихъ вѣръ въ свѣтѣ: сіи послѣднія или вовсе несообразны, или мало ошвѣчаютъ высокому назначенію Религіи ; многія изъ нихъ не удовлетворяющъ даже шребованіямъ сердца и разума просшаго , ешественнаго челоуѣка.

АНТИКРИТИКА.

Господину *В*, въ отвѣтъ на два его ко мнѣ посланія, помѣщенные въ N№ 12 и 16 СЫНА ОТЕЧЕСТВА.

Вы непременно хотѣли, чѣмъ я вамъ отвѣчалъ, и самъ я вижу, что ошъ васъ не отмолчишься. Такъ и бышь! хошь не радъ, да гошовъ побесѣдовать съ вами въ первый и въ послѣдній разъ! На это ешь у меня двѣ причины: во-первыхъ, чѣмъ не подашь вамъ повода повспорить шарую поговорку: *кто молчитъ, тотъ соглашается*, а я во многомъ съ вами не согласенъ. Во-вторыхъ, чѣмъ вы, или добрые ваши приятели, Греческія буквы ошъ *Алфы* до *Омеги*, не причли мнѣ молчанія въ гордосшь, *настойчивость*, и — чего добраго! — даже въ *неучтивость*. Я написалъ въ разборъ Полярной Звѣзды самое крапкое замѣчаніе о переводѣ Г. Раича, а вы напустили на меня пятнадцать страниць въ С. О., наполненныхъ ошибками касательно предмета, о кошоромъ вы взяли пишашъ, и намѣками на мой счетъ, хошь вы не знали меня ни прямо, ни, какъ я вижу, по догадкамъ. Я не отвѣчалъ вамъ;

но изложилъ, сколько можно умѣреннѣе, судъ мой о вашей аншикристикѣ и мнѣніе о предметѣ ея, даже извинялъ васъ за нарушение свѣтскихъ приличій, въ отношеніи къ чело-вѣку незнакомому, и все это на чешырехъ спраничкахъ, въ которыхъ относился не къ вамъ, а вообще къ читающимъ С. О. И вопль снова является прошивъ меня на семи спраницахъ грозная Филиппика, распещренная привычными вашими выраженіями. Здѣсь вы себя высказываете какимъ то апломомъ въ сравненіи со мною, говоря, что *Логика ваша мнѣ не по силамъ*: ou donc la force, va-t-elle se nicher.... Я не смѣю принять на себя званія *Корифея читающей публики*, въ которое вы меня такъ щедро жалуете. Намѣтки ваши на недогадливосшь и непонимливосшь мою, принимаю по *относительной* ихъ цѣнѣ; и надѣюсь, многіе со мною согласятся, что трудно понять непонятное.

Какъ, напримѣръ, выразумѣшь вашу теорію *Изящныхъ Искусствъ*? Сказавъ, что *Художникъ творитъ безусловно свою идею красоты*, вы, кажется, хотише увѣришь другихъ, что идея *Художника* существовала прежде формъ, въ природѣ находящихся. Я признаюсь, что это для меня и въ самомъ дѣлѣ непонятно. Я думалъ, по-

вѣря собственными своими чувствами и
 понятиями чужданное и слышанное мною,
 что воображеніе чловѣка имѣешь свои гра-
 ницы, что если оно иногда и шворитъ чу-
 довища, несуществующія въ природѣ, что
 составляешь ихъ изъ частей, или, если хо-
 шише, *формъ частныхъ*, дѣйствительно въ
 природѣ находящихся. Такимъ образомъ со-
 здало оно Химеру, Сфинкса, Кентавра, Ми-
 ношавра, Иппогрифа и ш. п. Составныя ча-
 сти сихъ мечпательныхъ существъ суть
 шъ же руки, ноги чловѣчьи, ила пшичьи
 головы, крылья, змѣиные хвосты и проч. и
 проч., сѣдовашельно формы, подлежащія на-
 шимъ чувствамъ. Иначе воображеніе ничего
 не можешь сошворитъ, ничего изобрѣсть не-
 бывалаго: область природы столь обширна
 и разнообразна, что въ ней есть все, что
 самое зашѣйливое воображеніе чловѣка мог-
 ло бы придумать. Замѣшьше, М. Г., что
 всѣ сіи мечпы воображенія не суть *совер-*
шенства, а *чудовища*, ш. е. созданія, выхо-
 дящія изъ обыкновеннаго порядка вещей, и
 сложенныя изъ формъ разныхъ, часто между
 собою несомѣспныхъ. Но довольно о *чудо-*
вищахъ! Побесѣдуемъ теперь о *красотѣ*.

„Идея красоты, ила *клящное*, только
 „идеально нами понимаемое,“ говорише вы,
 „составляя главное условіе Искусства, осу-

„существоваешь Художникомъ въ его произведе-
 „деніи, которое и носишь названіе изящнаго
 „шолько пошому, что проникнуто сею иде-
 „ею; но будучи лишено сего преимущества,
 „оно спавошиса ничшожнымъ: ибо Худож-
 „никъ, шворящій безусловно, единшвенно по
 „непреодолимому для него побужденію, еще
 „прежде исполненія можешъ въ душъ хра-
 „нишь свое швореніе во всей полношъ его,
 „а пошому и наслаждаешся имъ безъ суще-
 „сшвеннаго возрвнія.“ Изъ всѣхъ сихъ словъ
 можно толькo понять, что Художникъ лю-
 буешся своимъ произведеніемъ, еще не начи-
 ная его выполняшь въ формахъ вещесшвен-
 ныхъ. Кшо жъ прошивъ эшого спорить? Но
 дѣло не о шомъ; вопросъ, подлежащій ва-
 шему разрѣшенію, былъ, кажетсся, вошъ какой:
 Существовали ль въ природѣ формы, по ко-
 торымъ воображеніе Художника создало свой
 идеаль? Существовали ль образцы красошы
 женской и мужеской, въ цѣломъ, или опдѣльно
 въ тысячъ разныхъ шѣлъ и лицъ, прежде не-
 жели шворческій умъ совокупилъ ихъ въ од-
 но, даль имъ еще высшія совершенсшва (NB,
 не выходя изъ предѣловъ, предписываемыхъ
 природою) — и явилъ намъ Венеру Медичій-
 скую, Аншиноя и Аполлона-Бельведерскаго?
 — Я говорю, что формы сіи существовали,
 что по нимъ сосшавился идеаль Художника,

который и въ воображеніи своемъ, и въ выполненіи вещественномъ, еще болѣе ихъ сгладила и усовершенствовала, и такимъ образомъ создалъ образцовыя свои произведенія. Иначе и бытъ не могло: сотворишь что либо внѣ природы, или, по крайней мѣрѣ, несходное съ какимъ-либо изъ предметовъ чувственныхъ, есть физически-невозможное для человѣка, даже съ самымъ пылкимъ воображеніемъ, съ самымъ изобрѣтательнымъ умомъ (*). Это доказываешь пѣмъ, что человѣкъ, желая достигнуть воображеніемъ даже міръ невидимый, духовный, часто его себѣ представляешь, въ формахъ осязательныхъ (**): онъ можетъ ихъ увеличить, или

(*) Идея красоты рождаешся въ человѣкѣ по сравненію: всѣ народы ее имѣютъ; но у народовъ другихъ формъ шѣла и цвѣта кожи, она отлична отъ нашей; слѣдовательно понятіе сіе есть относительное. Довольно напомнишь вамъ, Г. В., что Негры воображали себѣ злаго духа *блѣмъ*, ш. е. Европейцемъ. Да и кого прельстятъ расплоснутый носъ, скуловатыя щеки, толстыя губы и лоснящаяся черноша красавицы Гошшеншонской? С.

(**) Вамъ угодно было покрикивать меня за *формы видныя*, и памъ, гдѣ я говорилъ о Ваятелѣ, Живописцѣ и Зодчемъ, а изъ того выводите заключение, что по моей теоріи музыкантъ есть существо химерное, и вовсе неимѣющее права назы-

уменьшишь въ своемъ воображеніи, придашь имъ необыкновенное совершенство, соразмѣрность, стройность, шонкость, легкость,

вашься Художникомъ. Спрошу васъ, чего больше въ эпозъ вашемъ заключеніи, привязчивости, или опромешчивости? Взгляните на 100 стр. XIII книжки С. О., и тамъ вы найдете, что, сказавъ о *видимыхъ формахъ* въ отношеніи къ *Ваятелю, Живописцу* и *Зодчему*, я сдѣлалъ общее „заключеніе: что идея есть послѣдшвіе формъ „видимыхъ и *ощутительныхъ*, и новостъ и прелесть ея зависишь отъ особаго сочетанія „шѣхъ же самыхъ формъ.“ Неужели, по вашему, семь чисныхъ нотъ, или первообразныхъ звуковъ въ Музыкѣ, съ ихъ полу-тонами и измѣненіями, не суть формы ошущительныя? И развѣ формы не могутъ также существовать для уха, какъ и для зрѣнія? Или по вашему, формами должно называть только шѣ, въ которыхъ лищички оплѣвливаются, а лищички оплываютъ свои произведенія? — А вы сами такъ гнѣвались на меня за *вещественность*, Г. β!.... Ксшани объ эпозъ: я сказалъ, что, судя по вашему, форма есть *вещь второстепенная*, и, кажется, имѣла на это основательныя причины. Говоря о понятіяхъ опвлеченныхъ, мы часно, чтобы сблизишь ихъ съ собою и чрезъ то сдѣлашь болѣе, такъ сказать, *осязательными* для разумѣнія, ошуществляемъ или олицетворяемъ ихъ; и пошому даемъ названіе вещи, вида и проч. такимъ понятіямъ, кои сами по себѣ не суть вещи и не имѣють вида. С.

блескъ и прозрачность, но все основываясь на свойствахъ, дѣйствительно въ природѣ существующихъ. Какъ же послѣ этого согласитесь съ вами, что *Художникъ творитъ свою идею красоты безусловно?*

И такъ, Милосливый Государь, судя по вашему, *Художникъ творитъ безъ формъ*: что жъ онъ шворитъ, если смѣю васъ спросить? Какъ же составляется, и въ чемъ проявляешся его идеаль, если форма въ *Изыщныхъ Искусствахъ* есть не что иное, какъ *обликъ, въ которомъ Художникъ представляетъ свою идею, сотворившуюся по способу его воззрѣнiя на предметы (*)*? Слѣдовательно, онъ можешъ предшавить себѣ что-то не подлежащее формамъ чувственнымъ? Признаюсь, мнѣ кажешся, что

(*) *Формы, М. Г., не суть только извѣстные предѣлы и очерчанiе предметовъ мiра физическаго: формами называются также извѣстные законы въ мiрѣ умственномъ. Всѣ наши способности, всѣ дѣйствiя нашего ума и воображенiя, подчинены симъ формамъ, такъ какъ и дѣйствiя нашей вещественности. Законы сихъ формъ, въ обоихъ отношенiяхъ, суть законы природы. Разность ихъ, отношительна къ времени, пространству и движенiю, опредѣляется ограниченностию нашихъ способностей физическихъ и обширностию способностей умственныхъ. С.*

въ семь умственномъ его созданіи былъ бы хаосъ. Но примѣръ яснѣе доказательствъ: укажите мнѣ хоть одного Художника, который какимъ образомъ сошворилъ что либо. Вы — но хошите увѣришь, что Художникъ предспавляетъ свою идею независимо отъ предметовъ внѣшнихъ, но снова обращаешесь къ тѣмъ же предметамъ, и говорите, что *между совершенствомъ естественнымъ и совершенствомъ искусственнымъ есть разница*. Важное открытіе, Г. β! но сію *разницу*, которой вы боялись, чтобы не завлекла васъ за предѣлы — я спарался объяснить вамъ въ этомъ письмѣ, говоря, какимъ образомъ Художникъ въ идеаль и произведеніи своемъ совершенствуетъ формы ошущительныя. Замѣчашельнѣ слѣдующій вашъ вопросъ: „На чемъ основываетъ будешъ „Художникъ требуемое мною отъ него усовершенствованіе, не получивъ отъ природы, никакого къ тому средства, и почему будешъ ему извѣстно, что избранныя имъ предметы несовершенны, и что онъ въ состояніи сдѣлать ихъ лучшими?“ Что на это ошвѣчатъ? — То, что Художникъ безъ ума, вкуса и дарованій будешъ дурнымъ Художникомъ, какихъ есть много.

Нельзя также оспавить вовсе безъ замѣчанія вашей приписки. Вы говорите, что

и, можете быть, напишу еще что нибудь; но вы отвѣчая мнѣ будете только тогда, когда написанное мною найдете (!) действительно дѣльнымъ. Оговорка очень мила! Съ этою оговоркою можете вы никогда и ничего не найти действительно дѣльнымъ, пошому, что судью въ семь дѣлъ вы спавилие самага себя; и предоспаваете себѣ исключительное право судить по волю. Для чего жь бы не сказать прямо вашей мысли? Въ семь случаев, я опкровеннѣ васъ, какъ увидите послѣ.

Долгъ плашемъ красенъ. За совѣща вашу, и я взаимно вамъ посоветую: говорите, М. Г., ясно о такихъ предметахъ, которые, будучи возвышенны въ прослошѣ своей, ничего не выигрываютъ отъ узорчатыхъ фразъ. Безконечные періоды доказывающъ только то, что Сочинитель ихъ старался наборомъ словъ и длиною предложений обременить умъ читателей. Но эта лишешашурная спрашагема не всегда удаешся. Латинское изрѣченіе: Non omnis Graeculus Homerus, оставаяю при васъ. Я господина своего слова, и однажды мною даннаго не беру обратно: за симъ, писаый, кланяюсь...

С....

P. S. Оспѣща вашего не жду. Будешъ съ насъ и того, что насъ, волею и неволею,

но два раза прочли въ Сынъ Опечёсива.
Для васъ, можешь быть, этого мало; но я боюсь, чюбъ для читателей не было слиш-
комъ много.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

ОПЫТЫ СЪВЕРНЫХЪ АМЕРИКАНЦЕВЪ ПЕРЕСЕЛИТЬ
ЧЕРНЫХЪ СООТЧИЧЕЙ СВОИХЪ ОБРАТНО ВЪ АФРИКУ.

Предразсудокъ, ставящій чёрное Афри-
канское поколвнiе, которое шакъ долго осу-
ждено было на пятбстное рабство, гораздо
ниже блага, сшоль повсемьелно царствуетъ
въ Америкъ, что и просвьщенныя Соеди-
ненныя Штаты не могли освободиться отъ
оного. Чёрный цвьтъ тьла въ глазахъ Аме-
риканцевъ служитъ признакомъ душевныхъ
недосташковъ, и почти поводомъ къ пре-
зрвнiю. Негръ отпущенникъ, выходитъ изъ
рабства, но не вступаешъ въ число граж-
данъ, даже въ единственной Республикъ на
землѣ, гдѣ гражданское равенство доведено
до высшей степени. Цвьтъ его и воспомина-
нiе прежняго рабства неизгладимы, и хо-

тя бы онъ пользовался правами, которыми дарованы ему законами, съ богатствомъ, шаланшами и добродѣтелями; онъ останешся одинокимъ, и если захочешь войны въ связи съ бѣлыми, по варварскій предрасудокъ его къ шому не допустишь. Друзья человѣчества согласны между собою, что что предрасудокъ и даже несправедливость, но они не въ силахъ переменить общественнаго мнѣнія о семъ предметѣ. Впрочемъ намъ неизвѣстно, приложено ли должное стараніе, чтобы поселить въ народъ понятіе справедливѣйшее. По крайней мѣрѣ сію цѣль имѣли въ виду нѣкоторые изъ любимыхъ новѣйшихъ Писателей Американскихъ, какъ напр. Куперъ.

Изъ сего можно заключить, что Негры въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ составляютъ особенный народъ, который, вѣроятно, никогда не смѣшается съ кореными жителями. Не смотря на то, успѣхи въ просвѣщеніи и непомятное размноженіе онаго поспешенно его усиливають. Правительство начинаешь уже о семъ беспокоиться. Вотъ, что говоритъ Г. Гарперъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что существенная причина къ опасенію заключается въ томъ, что жители Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ нѣдрахъ ошечества своего питающъ он-

•

дѣльнымъ народъ, кошорый никогда не можешъ сившашься съ ними, между шѣмъ, какъ быспро возрасшаешъ числомъ и просвѣщеніемъ, народъ, кошорый научаешся опъ нихъ искусствамъ военнымъ и мирнымъ, и, не смопря на шо, саѣдуя чувспвамъ и выгодамъ своимъ, никогда не прешанешъ бытъ врагомъ ихъ, не можешъ съ ними соединшсья, и участвовашь въ выгодахъ, коими пользующя Американцы.“

Сей предметъ заслужилъ вниманіе Правительсва Соединенныхъ Шшашовъ. По зрѣломъ размышленіи, лучшимъ средствомъ къ опшращенію угрожающей опасности нашимъ, опыскашь мѣсто для поселенія вольноопущенныхъ. Весь провкъшъ сосшешъ въ шомъ, чшобы мало по малу содѣйствовашъ къ оппущенію на волю всѣхъ негровъ въ Соединенныхъ Шшашахъ, и попомъ перевезши ихъ въ сію колонію, дабы никакое живое воспоминаніе ихъ нягостнаго рабства не угрожаало общественной безопасности. Для приведенія въ дѣйство сего провкъша, потребны долговременныя и большія усилія. Надобно было начать со важнѣйшаго и нужнѣйшаго, опысканіемъ мѣста, удобнаго для поселенія. Для сей цѣли избрали Аерику, кошорой, прежде всѣхъ другихъ спранъ, вспоминають при мысли о переселеніи. 3и 3б

дѣнь предъ симъ Джефферсонъ, тогдашній Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, находился по сему предмету въ перепискѣ съ Монро, бывшимъ Губернаторомъ Виргиніи. Въ то время Джефферсонъ вздумалъ перевести свободныхъ Негровъ въ Англійскую колонію Негровъ въ Сьерръ-Леонъ. — Сей опытъ былъ столь же неудаченъ, какъ и въ послѣдствіи другой, учиненный въ содѣйствіи съ Португальскимъ Правительствомъ. Между тѣмъ однако же Законодательная власть въ Виргиніи, ожидавшая опята наибольшей пользы, по причинѣ великаго множества Негровъ, находящихся въ сей области, не хотѣла отказаться отъ сего политическаго предпріятія, и въ 1816 году, уполномочила Исполнительную власть, вступивъ въ переговоры съ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, о переселеніи освобожденныхъ Негровъ. Таковыя же рѣшенія послѣдовали въ Законодательныхъ Палатахъ Мериленда, Тенесси и Георгіи; однако же кажется, что общій Сеймъ еще симъ не занимался. Мало по малу учредилось шамъ, спараніями Доктора Богословя Физеля, частное сословіе, подъ названіемъ Общества переселеній. Сіе Общество, въ 1817 году, послало двухъ агентовъ въ древнюю часть Свѣта для опыта евангеліа мѣста, годнаго для колоній. Они чрезъ

Англию прибыли въ Сиерру-Леону, гдѣ два Негра, принимавшіе участіе въ ихъ предпріятіи, предложили имъ свои услуги для посредничества и переводовъ, въ сношеніяхъ ихъ съ шамошними Королями. Въспѣшъ отправившись они въ страну Шербро, и вступили въ переговоры съ двумя владѣльцами, коцорыхъ они нашли въ Бонду. Первый назывался Сомено, и былъ Король въ семь городъ, другой, именемъ Сафо, владѣль справою нѣсколько ошдаленнѣйшею. Первый ходилъ въ Европейскомъ плащѣ съ серебряными гаунами, въ шреугольной шляпѣ и Королевскомъ плащѣ, но босикомъ; другой былъ одѣтъ съ головы до ногъ. Совѣщаніе было ошкрыто; въ оноѣ присушествовали два Короля. Оба владѣльца ссылались на главною владыку своего, Короля Шербройскаго, и въ случаѣ успешнаго окончанія дѣла, выговаривали себѣ по проснѣ съ серебрянымъ набалдашникомъ, и по лошадиному хвосту на драгоценномъ щесѣ, жбо шаковый бунчугъ и у Африканскихъ власшителей служилъ главнѣйшимъ знакомъ ошличія.

Оштуда агенты цѣвхали въ Юнію, сподлицу Короля Шербройскаго. Онъ далъ имъ шоржесшвенную аудіенцію въ многочисленномъ палаверѣ или народномъ собраніи. Они объявили ему желаніе, купнше землю для це-

реседенія людей Аѳриканскаго происхожденія, Имъ опвѣщивовади, что для того должно созванъ всѣхъ начальниковъ, и съ ними начашь переговоры. Агенты нашли плодоносную страну при устьѣ рѣки Багру, и нѣкоторые начальники объявили готовность продаванъ свои земли. Американское Общество для учрежденія колоній, кошорое между шѣмъ собрало значительные капиталы, преимущественно при помощи соцоварищесствъ, составившихся въ различныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, снарядило корабль, и посадивъ на оный нѣсколько свободныхъ Негровъ, опправило ихъ въ Аѳрику. Однако же сей поступокъ былъ слишкомъ поспѣшенъ, ибо низменное положеніе страны близъ Шербро причинило дихорадки, отъ кошорыхъ, въ теченіе короткаго времени, умерли 3 агента и 20 поселенцевъ. Безпорядокъ распространился между остальными. Одинъ изъ нихъ, похитивъ у колоніи нѣсколько свѣсныхъ припасовъ, бѣжалъ; не лучше были и прочіе его товарищи, собранные въ послѣдностіи. Наконецъ рѣшилось перевести ихъ въ Сьерру-Леону, и шамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій Американскаго Общества. Оно опправило другой корабль съ агентами и 28 колонистами. Корабль опплылъ въ началѣ 1821 года, но въ

одинъ разъ поступили оспероживъ при выбо-
рѣ мѣста для переселенія. Прислали къ
справѣ Велико-Басской, къ сѣверу оцѣ Гви-
нейскаго перечнаго берега, близъ мыса Мезу-
радо, около 300 Англійскихъ миль оцѣ Сьер-
ры-Леоны. Тамощная земля показалаь пло-
дородною, самое положеніе мѣста высокимъ
и климашъ здоровымъ; однако же агенты,
хотѣвшіе возложить на тамошнихъ владѣль-
цевъ обязанность, отказавшись оцѣ шорга
невольниками, обратили на себя гнѣвъ ихъ;
двое изъ нихъ умерли оцѣ лихорадки, пре-
дшій возвратился въ Америку.

Къ счастію Общества переселеній, при-
обрѣло оно въ Докшорѣ Иліи Эйрсѣ (Ely Ayres)
ревностнаго и дѣятельнаго Агента. Онъ
оправился въ колонію, разсмотрѣлъ справ-
ку Велико-Басскую, и нашелъ, что она такъ
же нездорова и не имѣетъ удобныхъ приспа-
чекъ. Напротивъ того, нашелъ онъ въ же-
лаемыхъ выгоды у самаго мыса Мезурадо, гдѣ
вѣющъ морскіе вѣтры, земля имѣетъ высо-
кое положеніе, и прищомъ плодоносна; и гдѣ
находишь гавань, которую можно защи-
нить башареею. Послѣ нѣсколькихъ перего-
воровъ, купили у шести Королей за нѣсколь-
ко сотъ долларовъ изобильную водою об-
ласъ, которую Г. Эйрсъ цѣнитъ въ милліонъ
долларовъ, и немедленно начали строить дома

для хижины для переселенцевъ. Между тѣмъ, фѣкошорые изъ шамошнихъ начальниковъ, недовольные тѣмъ, что не спрашивали ихъ совѣща, возбудили жишелей къ мяшежу; они напали на едва возникшую колонію, но были опражены силою. Капитанъ Американскаго карабля построилъ шамъ крѣпостцу, и оставилъ переселенцамъ шкуну. Съ тѣхъ поръ колонія пребываетъ въ спокойствіи.

Въ 1823 году, она состояла только еще изъ 150 переселенцевъ. Природные жишели приносили имъ жизненные припасы и работали для нихъ за плату. Одно Общество въ Балшиморѣ имѣеть, какъ говорятъ, намѣреніе установить постоянное сношеніе съ колонією на мысъ Мезурадо, посредствомъ пакешбоша. Издамель Съверо-Американской Газеты The North-American-Review, опираясь на примѣръ Англійской колоніи Негровъ въ Сіерръ-Леонъ, которая сначала боролась съ такими же неудачами, а нынѣ имѣеть цвѣщую торговлю, надѣется, что то же можетъ случиться и съ Съверо-Американскою колонією, и что она сильно будетъ содѣйствовать къ уничтоженію шорга невольниками. До тѣхъ поръ, пока не будетъ Христіанскихъ заведеній на самыхъ берегахъ Африки, недостаточна будетъ бдительность кораблей, для прекращенія ненавистнаго

торга Неграми. Правительство Соединенных Штатов предвидяло сіе, и потому всѣми силами поощряло учрежденіе сихъ колоній, хотя само и не принимало въ помѣ явнаго участія. Однако же неподвержено сомнѣнію, что крѣпость на мысъ Мезурадо построена на щель Американской казны, и что нынѣшній агентъ, Докторъ Эйръ, исполняетъ должность свою, какъ чиновникъ Правительства. Вѣроятно, что Соединенные Штаты вскорѣ признають свою колонию. Она можетъ имѣть весьма благотворное вліяніе на просвѣщеніе Африки. Примѣръ Сьерры-Леоны можетъ служить къ тому поощреніемъ: въ сей колоніи уже 22,000 жителей, и до 12 церквей и школъ. Участіе, повсюду принимаемое въ заведеніи на мысъ Мезурадо, подаютъ поводъ думать, что и Американскій Союзъ съ своей стороны не упуститъ случая, чтобы заставить уважать оное и привести въ цвѣтущее состояніе. — Американское Общество поселеній обратилось съ просьбою къ Президенту Республики Гаитской, о позволеніи перевозить на сей островъ свободныхъ Негровъ; и Гаитское Правительство не только принимаетъ свободныхъ Негровъ Соединенныхъ Штатовъ, но еще уплачиваетъ часть суммы, издерживаемой за

перевозъ оныхъ, и безденежно надѣляеть ихъ землею. Еще въ Августѣ и Сентябрѣ прошедшаго года, отправлены въ Ганши двѣ экспедиціи, на коихъ находилось 180 Негровъ.

(Переведено изъ *Politisches Journal*, Sept. 1825.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

63. *Подробное наставленіе объ изготовленіи, употребленіи и сбереженіи огнестрѣльнаго и бѣлаго солдатскаго оружія. Съ шестью чертежами. Съ Высочайшаго соизволенія изданное бывшимъ Инспекторомъ Сестрорѣцкаго Оружейнаго Завода Артиллеріи Генералъ-Лейтенантомъ Гогелемъ 1. С. П. б. 1825, въ шип. Медіц. Депарш. М. В. Д., въ 8, 580 стр.*
64. *Систематическое обозрѣніе существующихъ правъ и обязанностей управле-*

иля казенныхъ крестьянъ Губернскаго, Волостнаго и Сельскаго. Составленное Контролеромъ Рязанской Казенной Палаты, Титулярнымъ Советникомъ Петромъ Гуляевымъ. М. 1825, въ шип. П. Кузнецова, въ 8, V и 62 стр.

(См. Но 118 Съв. Пчелы.)

65. *Исторія народовъ и Республикъ Древней Греціи, изложенная Константиномъ Арсеньевымъ. Часть первая, содержащая въ себѣ времена отъ первыхъ извѣстій о Грекахъ до конца войны Пеллопонезской.* С. П. б. 1825, въ шип. Медіц. Меп. М. В. Д., въ 8, V и 494 стр.

66. *Теорія о механизмѣ сводовъ, изданная Коллежскимъ Советникомъ и Кавалеромъ Гавриломъ Мягковымъ, въ пользу воспитанниковъ вышняго класса Архитекторскаго Кремлевскаго Училища.* М. 1825, въ Унив. шип., въ 8, 248 стр. съ чертежами.

67. *Событія древнихъ вѣковъ. Соч. Фюльмира. Переводъ съ Французскаго Аванасія Аматова.* М. 1825, въ шип. Семенова, въ 8, 195 стр.

(См. Но 122 Съв. Пчелы.)

68. *Отечественная строгость, или Исторія Г. Вальмонта. Соч. Августа Лафонтена.*

тена, въ четырехъ частяхъ. Перевелъ съ Французскаго Николай Базильевъ. М. 1825, въ Унив. шип. въ 1 ч. 277, во 2й 264, въ 3й 245 сшр.

(См. Но 123 Сѣв. Пчелы.)

69. Битва Задонская, или Пораженіе Мамая на поляхъ Куликовскихъ. Историческое событіе, происшедшее 1380 года Сентября 8 дня. М. 1825, въ шип. Семена, въ 12, 174 сшр.

(См. Но 124 Сѣв. Пчелы.)

VI.

С М Ъ С Ъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издаваемые нами Журналы будутъ продолжаться и въ наступающемъ 1826 году, на нынѣшнемъ основаніи, по прежнему плану, а именно;

1) Сынъ Отечества, Журналъ Литературы, Политики и Современной Истории, будетъ заключать въ себѣ слѣдующія статьи:

1) *Русская Словесность.* Краснорѣчіе духовное и свѣтское. Разсужденія о Русскомъ языкѣ и Русской Литературѣ.

2) *Иностранная Словесность.* Извѣстія объ успѣхахъ Словесности въ чужихъ краяхъ. Переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній.

3) *Изящная Словесность.* Повѣсти, Сказки, Разговоры, острывки изъ лучшихъ новыхъ Романовъ и ш. п., легкія живописныя путешествія.

4) *Критика*. Разборъ новыхъ, досшойныхъ вниманіи произведеній Русской Словесности.

5) *Поэзія*. Стихошворенія отдѣльныя, и отрывки изъ большихъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и пр.

6) *Науки и Изящныя Искусства*. Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ Наукъ и Изящныхъ Искусствъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Спашьи, относящіяся къ теоріи Наукъ и Художествъ.

7) *Современная Исторія и Политика Европы*. Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ Журналовъ; важнѣйшіе Государственные акты, рѣчи, договоры и пр.; отрывки изъ записокъ знаменитыхъ мужей, характеры современниковъ; новѣйшіе историческіе анекдоты.

Сей Журналъ будетъ выходить по два раза въ мѣсяць, 1 и 15 числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

II) *Сѣверный Архивъ*, Журналъ древности и новостей, по части Исторіи, Спашистики, Путешествій и Нравовъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій:

1) *Всеобщая Исторія*. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ Писателей; біографіи сихъ Писателей; разсужденія о предметахъ Всеобщей Исторіи; изысканія и ш. п.

2) *Россійская Исторія*. Доспомятностіи древней, средней и новой Исторіи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ; важнѣйшіе историческіе акты; критическія изысканія; раз-

борь важнѣйшихъ историческихъ сочиненій; древности; монеты.

3) *Статистика и Политическая Экономія.* Свѣдѣнія статистическія о Россіи и смежныхъ съ нею Государствахъ. Теоретическія изысканія и описанія практическихъ способовъ, относящихся къ усовершенію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и пр.

4) *Путешествія.* Путешествія Россіянъ по чужимъ краямъ, еще ненапечатанныя; Россіянъ и иностранцевъ по Россіи. Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ Свѣта. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5) *Правовѣдѣніе.* Теорія Судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменитые процессы.

6) *Права.* Спашыи о нравахъ, и обычаяхъ, въ родѣ Адиссонова Зришеля, Джонсонова Побродати, Пущыинника Жуи и ш. п.

7) *Перечень новыхъ извѣстій и открытій* по части Исторіи, Статистики и Географіи.

8) *Слѣсь.* Крипическое разсмотрѣніе историческихъ, статистическихъ и географическихъ сочиненій, картъ, плановъ и пр. Извѣстія о новыхъ книгахъ, картахъ, планахъ и пр. Къ сему Журналу прилагаемы будутъ карты, виды, планы и порреты Россійскихъ Писателей, преимущественно современныхъ.

Сей Журналъ будетъ выходить дважды въ мѣсяць 8 и 22 числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

III. Сѣверная Пчела, Журналъ новостей по части Исторіи, Политики, Литературы и Правовъ, или новая политическая и либера-

Штурная Газета, въ коей помѣщаемы будутъ всѣ крашкія и легкія спашьи, по вышеисчисленнымъ предметамъ, получающія цѣну свою ошь скорого и незамедлительнаго выхода ихъ въ свѣтъ. Въ сей Газетѣ будутъ содержаться:

1) *Новости Политическія заграничныя*, полученные съ послѣднею почтою.

2) *Новости внутреннія*. О необыкновенныхъ случаяхъ и явленіяхъ въ природѣ и общежитіи; о благопшорительныхъ подвигахъ; о новыхъ общепользныхъ заведеніяхъ и ш. д.

3) *Новости не-политическія*. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ; о произведеніяхъ Наукъ; Художествъ и ремесль.

4) Извѣстія обо всѣхъ, выходящихъ въ свѣтъ *Русскихъ книгахъ*, съ крашкими о содержаніи и дошнорисшвѣ ихъ замѣчаніями.

5) *Нравы*. Небольшія спашьи о нравахъ; критическія и правоучительныя замѣчанія.

6) *Словесность*. Легкія спихопворенія и разныя спашьи въ прозѣ. Переписка. Петербургскія записки.

7) *Смѣсь*. Небольшія спашьи, неподходящія подъ вышеисчисленные разряды. Выписки изъ иностранныхъ Журналовъ и пр.

8) Извѣстія о новѣйшихъ *модахъ*.

Сія Газета будетъ выходить лисшами, прищды въ недѣлю, по Вшорникамъ, Четвершкамъ и Суббшамъ.

Неоднократно получали мы опшывы почтенныхъ опщевъ семействъ (особенно живущихъ въ провинціяхъ) съ изъявленіемъ желанія, чшобъ въ снхъ изданіяхъ помѣщаемы были не-

большія спашьм для дѣшей. Не видя возможности исполнить сіе требованіе безъ перемѣны плана нашихъ прехъ Журналовъ, и не имѣя увѣренія, что введеніе *дѣтскаго чтенія* въ Журналы будешъ принято всѣми съ равнымъ одобреніемъ, мы рѣшились, въ изъясненіе признательности почтеннымъ читателямъ, принимающимъ съ благосклонностію труды наши, съ будущаго 1826 года присовокупить къ симъ прехъ изданіямъ четвертое: *Дѣтскій Собесѣдникъ*, которое будешъ состоять изъ четырёхъ часшей въ годъ, и раздавашъ *безденежно* особамъ, подписавшимся на три прехніе Журнала. Въ составъ онаго входящъ:

1) *Отечественная Исторія*, въ видѣ уроковъ или въ особенномъ повѣствованіи о важныхъ происшествіяхъ и подвигахъ, достойныхъ удивленія и подражанія попомства.

2) *Отечественная Географія*, также въ видѣ уроковъ или рассказовъ о малозвѣстныхъ странахъ обширной Россіи.

3) *Русскій языкъ*. Грамматическіе уроки. Примѣры числительны и правильности языка; копорымъ должно подражать, и неправильности, коихъ должно избѣгать; трудности грамматическія и ш. п., изложенныя легкимъ и удобопонятнымъ для дѣшей образомъ.

4) *Науки*. Уроки Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Технологіи, въ видѣ писемъ, бесѣдъ и пр., вообще изложенныя легко и понятно.

5) *Словесность*: нравоучительныя повѣсти и любовныя анекдоты. Стихотворенія, принаровленныя къ понятію дѣшей.

Въ сихъ изданіяхъ принимають поспоянное участіе многіе доспойные Липераторы и Ученые. Сверхъ того приглашаемъ всѣхъ любительей Наукъ и Словесности доспавлять въ наши Журналы свои промзведенія, но обязуемся печатать только то, что сообразно съ цѣлю изданія, что содержаніемъ и слогомъ доспойно вниманія проовѣщенной публики. Въ семъ случаѣ принимаемъ на себя обязанность оппечатывать на свой щетъ до двухъ сотъ экземпляровъ доспавленной намъ спашьи особо, въ пользу Авшора; но въ случаѣ невозможности номѣспить какую либо спашью, опказываемся опъ всякой по сему предмету переписки, и опъ обязанности доспавлять рукопись обратно. Изъ сего исключаются историческіе акты и ш. п., кои, по снятіи съ нихъ копии, возвращаются доспавившимъ съ благодарностію.

Цѣна сихъ Журналовъ еспъ слѣдующая :

	Въ С. П. бургѣ.	Съ пересылкою или доспавленіемъ на домъ.
1) За годовое изданіе, или 24 книжки <i>Сына Отечества</i> . . .	40 р.	45 р.
2) За годовое изданіе, или 24 книжки <i>Съвернаго Архива</i> . . .	40 р.	45 р.
3) За годовое изданіе, или 156 лисповъ <i>Съверной Пчелы</i> . . .	40 р.	50 р.

За всѣ шри изданія вмѣспѣ здѣсь въ С. Пешербургѣ 120 руб., съ доспавленіемъ на домъ 130 руб., съ пересылкою въ другіе города 140 р. Подписавшіеся на всѣ шри изданія получаютъ безденежно въ годъ чешыре часши *Дѣтскаго Со-*

бесѣдника, на которъй особо подписки не принимаешся.

Подписывашься можно въ С. Пешербургѣ: въ типографіи Коллежскаго Совѣтника Греча, на Исакиевской площади, въ домѣ Бреммера, подь Но 180; у Издашела Ѳ. В. Булгарина, въ большой Офицерской улицѣ, въ домѣ Спруговщикова, подь Но 156; въ книжныхъ лавкахъ Гг. Смирдина, Сленина, Глазунова, Свѣшникова и Заикина; въ Москвѣ: у Гг. Ширяева и Свѣшникова. Иногородные благоволяшъ адресовашься прямо въ Газетную Экспедицію С. Пешербургскаго Почтамша.

Н. Гречъ. Ѳ. Булгаринъ.

4 Октябрия 1825.

КОНЕЦЪ СТО ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О Т Р Е Т Ь Е Й Ч А С Т И.

I. Изящная Словесность.

Сирак.

1. Изъ жизни Геше, имъ самимъ описанной	4
2. Квишанція послѣ смерти	99
3. Неожиданность	138
4. Ясновидящая	199
	(Прод.) . . . . .
5. Графъ Сень-Жермень	347

II. Новая Исторія.

Взятіе Измаила	42

III. Бюграфія.

Докшоръ Философин Доршелъ фонъ Родде 160	

IV. Иностранная Словесность.

1. Опытъ о Романахъ Вальшера Скошпа 355
2. О новомъ сочиненіи Г. Дежерандо . 444

V. Критика и Антикритика.

1. Разборъ «оцъ-дерь-Борговыхъ переводовъ Русскихъ стихотвореній» 68
2. Ошвѣсть на замѣчанія Г. Полеваго 84
3. Журнальная переключка 87
4. Господину β , въ ошвѣсть на два его ко мнѣ посланія 469

VI. Стихотворенія.

- Взглядъ, Повѣсть 182
(Прод.) 373

VII. Современная Исторія.

1. О силѣ Фанарионовъ въ Турецкомъ Правительствѣ 381
2. Опыты Сѣверныхъ Американцевъ переселишь черныхъ садовничей своихъ обратно въ Африку 478

VIII. Современная Политика.

- Взглядъ на происшествія текущаго года 187
(Оконч.) 391

IX. Современная Русская Библиографія 97

196

396

487

X. Смѣсь.

1. Къ Чинапеламъ С. О. 198
2. Объявленіе 489

Къ сей части Сына Ошечесшва, принадлежить Прибавленіе къ оному, No 1.

1356

